ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Каневчане

№17 • 2018

Редколлегия историко-литературного альманаха «Каневчане». Январь 2017 года.

Каневчане

№17 • 2018

СОДЕРЖАНИЕ:

Мы работаем для вас! 2

Колонка главного редактора

Владимир САЯПИН
Вступительное слово 3

Приёмная администрации

Александр ГЕРАСИМЕНКО
Слово главы
Каневского района 4

Владимир РЕПИН
Слово главы Каневского
сельского поселения 5

О друге слово

Валентина МОТОРНАЯ
Слово о Человеке 6

Татьяна КУН
Оборвавшийся след на земле... 8

Нас читают

Лариса ЯКИМЕНКО
Отзывы наших читателей 10

ЛЕТОПИСЬ КАНЕВСКОЙ СТАРИНЫ

Валерий КОСТРОВ
Новые имена старинных улиц 14

Николай ЛЕМИШ
Год 1937. Историческая хроника 18

Константин БАНДИН
Никогда не забудут живые! 26

КАЗАЦЬКОМУ РОДУ НЭМА ПЭРЭВОДУ

Александр ДЕЙНЕВИЧ
Как достигалось казачье «довольство».
По страницам истории
станицы Новодеревянковской 30

Николай МРИНСКИЙ
Казаки-пластуны 36

Андрей ЛЯХ
Возвращение 50

ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ ВОЙНЫ

Ноха СУЛТХАНОВ
Мы за ценой не постояли...
(продолжение) 56

Зоя СИЗОВА
Особых подвигов не совершала.
Фисан Анисья Захаровна 62
Юность военная. Из воспоминаний
Красновой Надежды Григорьевны 64

Жанна ОМЕЛЬЧЕНКО
Боевой путь отца 68

Евгений ТЁР
Мы – пехота:
в бою если не убит, то ранен… 72

СТАНИЦА В ЛИЦАХ

Владимир САЯПИН
Глазами очевидца 78

Ирина МАТВИЕНКО
Жонглёр 82

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «РОДНИК»

Елена БУТЕНКО
Любви негромкие слова 84

Ольга ЗОРИНА
Круги по воде 85

Владимир САЯПИН
Полька-бесстыдница. Рассказ 86
Стихи 88

Валентин ЦВЕТКОВ
У мамы – гость. Стихотворение 90
Запах. Рассказ 90
Следы снежного человека. Рассказ 91

Василий МАКУХИН
Переселенцы (продолжение) 92

Зоя СИЗОВА
Стихи 97

Николай ЛЕМИШ
Индийское кино. Рассказ 98

Владимир ПОЛТОРЖИЦКИЙ
Стихи 101

Степан ДЕРЕВЯНКО
Первое опоздание на урок 102
Грецкие орехи 103
Три дня зимы 105

Татьяна КУН
Босоногое детство 106
Стихи 108

Лидия ЛЯШКО
Стихи 109

Ольга ЗОРИНА
Добрый Мышонок. Сказка 110
Спасение яйца. Сказка 111

Наш гость

Владимир КАПУСТА
Второй день свадьбы Менского куреня ... 112
Объявления на Менском рынке 113
Стихи 113

Николай ЧЕРНОГОРЕЦ
Челбасский вальс 114

ВЕРА МОЯ ПРАВОСЛАВНАЯ

Елена БУТЕНКО
Просветление 116

Ольга ЗОРИНА
Великий праздник 118

МЫ РАБОТАЕМ ДЛЯ ВАС!

Более двух десятилетий выходит в свет историко-литературный альманах «Каневчане», и все эти годы его создают преданные литературе и краеведению люди.

Успех «Каневчанам» приносят личные достижения авторов и их яркие публикации, мастерски объединённые редколлегией под одной обложкой. Высокую планку «Каневчанам» на много лет вперёд задали ветераны каневской журналистики – заслуженные журналисты Кубани Валентин Цветков и Ноха Султханов, заслуженный работник культуры Кубани Александр Дейневич.

2017-ый прошёл под знаком 80-летия Краснодарского края. Звания лауреата посвящённой этому событию поисково-просветительской экспедиции «Имя Кубани» удостоен Александр Дейневич. В числе лауреатов корпоративного этапа этого проекта «Журналистское имя Каневского района» – четверо из авторов «Каневчан»!

Бессменный костяк редколлегии во главе с Владимиром Саяпиным на все 100 % вошёл в Союз журналистов России. Журналистские удостоверения «новобранцам» Татьяне Кун, Зое Сизовой и Андрею Никифорову на октябрьском заседании Каневской первички вручила Диана Горбань, руководитель Союза журналистов Краснодарского края.

Четыре книги выпустили в свет главред Владимир Саяпин и авторы публикаций журнала «Каневчане» в 2017-ом.

Но не обошлось и без печальных событий – в начале года скоропостижно ушёл из жизни Валентин Цветков. В память о коллеге на фасаде здания редакции газеты «Каневские зори», где четыре десятилетия трудился Валентин Александрович, в День кубанской журналистики был размещён мемориальный знак.

Очередной выпуск «Каневчан» продолжает редакционную политику качественной подачи информации и её новизны, глубокого патриотического содержания и романтизма. Облечённые в прозаические и поэтические формы авторские произведения, фотографии расскажут читателю о былом, настоящем и будущем каневчан, жителей самой большой станицы – Каневской.

Елена БУТЕНКО,
секретарь районной первичной организации Союза журналистов России.

Того, что делают каневские журналисты, нет ни в одном муниципальном образовании края. Альманах «Каневчане» – уникальное издание, ценность и важность которого с годами будут только расти. Через время выпуски журнала станут библиографической редкостью, в том числе по ним будут изучать историю района и края.

Респект всем авторам, издателям, партнёрам проекта!

Уверена, что участие в издании альманаха «Каневчане» для каждого из вас важно, интересно и нужно!

Диана ГОРБАНЬ,
председатель краевого отделения Союза журналистов России.

Каневчане 2018

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

№17 • 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
Владимир САЯПИН,
член Союза журналистов России
тел. +7 (918) 977-79-29
e-mail: sayapin-58@mail.ru

Зам. главного редактора –
Татьяна КУН,
член Союза журналистов России

Ольга ЗОРИНА,
член Союза журналистов России

Валерий КОСТРОВ,
член Союза журналистов России

Николай ЛЕМИШ

Зоя СИЗОВА,
член Союза журналистов России

Ирина МАТВИЕНКО,
член Союза журналистов России

Компьютерная вёрстка и дизайн –
Андрей НИКИФОРОВ,
член Союза журналистов России

Фотографии:
Михаил МОРГУН

Валентин ЦВЕТКОВ

Андрей НИКИФОРОВ

Учредитель:
Администрация Каневского сельского поселения

Издатель:
Творческий коллектив журнала

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Подготовлено к печати и отпечатано в ОАО «Кубанское полиграфическое объединение»

Ст. Каневская,
ул. Черноморская, 21
Заказ № 16 112
Тираж 999 экз.

Колонка главного редактора

Лежит передо мною журнал. Блестит глянцем, радует краской, и незнающий человек не поймёт, чем же он отличен от прошлых. Да тем, что этот новый номер – первый без нашего товарища по журналу, моего друга, с которым начинали альманах без малого четверть века назад. Журналиста Валентина Цветкова не стало 23 января 2017 года. Уже год мы без него, а невозможно смириться с утратой…

Говорят, нет людей незаменимых. Вот он как раз из тех… «Для меня будто ветром задуло костёр, когда он не вернулся из боя». Сколько осталось нереализованного в его творчестве писателя, сколько задуманного теперь не осуществится в журнале…

А жизнь идёт потихоньку. Наконец-то практически все члены редколлегии стали членами Союза журналистов России. В торжественной обстановке руководитель регионального отделения СЖР Диана Горбань вручила удостоверения Татьяне Кун, Зое Сизовой, дизайнеру альманаха Андрею Никифорову. В беседе с журналистами района Диана Александровна дала высокую оценку нашему журналу, работе выпускающего его коллектива.

Кроме этого, «Каневчане», а в частности ваш покорный слуга и Зоя Сизова, во Всероссийском литературном фестивале-конкурсе «Поэзия русского слова» завоевали следующее: Владимир Саяпин стал лауреатом, Зоя Сизова получила диплом финалиста. Это высокая оценка нашего творчества и планка, которую занижать нельзя.

В августе вышел в свет новый сборник моих стихов «Всё шире круги по воде», прошла его презентация в СДК «Колос». Благодарю всех друзей за помощь, оказанную мне как при выпуске сборника, так и при проведении презентации в Доме культуры.

А ещё вышла книга Валентина Цветкова, которую он не успел выпустить при жизни. В тандеме с его родственниками нам удалось издать сборник, который станет символом памяти о нашем друге. Как и мемориальная доска на стене здания редакции газеты «Каневские зори», где он столько лет работал. Инициаторы её открытия – журналисты района, внёсшие основной вклад в увековечивание памяти коллеги и товарища.

...За окном – зима. Холодно. А станица, кажется, никак не может отойти от беспрецедентно жаркого лета. Раньше говорили: «Старики такого не помнят». Чуть было и я не написал, но вспомнил, что тех стариков уже, по сути, нет, и на это почётное звание теперь замахиваемся мы – «шестидесятники», которые начинают праздновать свои седые юбилеи.

Поеду в степь, нарву бессмертника. Поставлю в вазу на столе – у иконостаса и фотографий родителей. Пусть он стоит неизменно, долго – как символ стабильности: хоть какой-то, хоть в чём-то...

Главный редактор
Владимир САЯПИН.

УВАЖАЕМЫЕ ЖИТЕЛИ КАНЕВСКОГО РАЙОНА!

Минувший год ознаменован двумя яркими, значимыми событиями в истории нашего региона. Мы отметили 80-летний юбилей образования Краснодарского края и 225-ую годовщину со дня освоения кубанских земель казаками. Весь 2017-й прошёл под эгидой этих двух дат. Мы вспомнили о тех, кто стоял у истоков становления и развития нашего края, кто заложил фундамент для его сегодняшнего процветания, кто передал нам, потомкам, великое наследие – сильный и уверенно идущий вперёд регион. Много мероприятий мы посвятили теме казачества, его традициям и обычаям. Ведь это – наши корни. Поскольку мы все знаем, что у народа, который не помнит своего прошлого, нет и будущего.

Я от всей души благодарю тех, кто создаёт уникальный журнал «Каневчане». В нём представлены удивительные факты из нашего казачьего и военного прошлого. Всё это по крупицам собрано нашими краеведами, историками и архивистами. И это то, на чём должны воспитываться следующие поколения.

Александр ГЕРАСИМЕНКО,
глава Каневского района.

УВАЖАЕМЫЕ ЗЕМЛЯКИ!

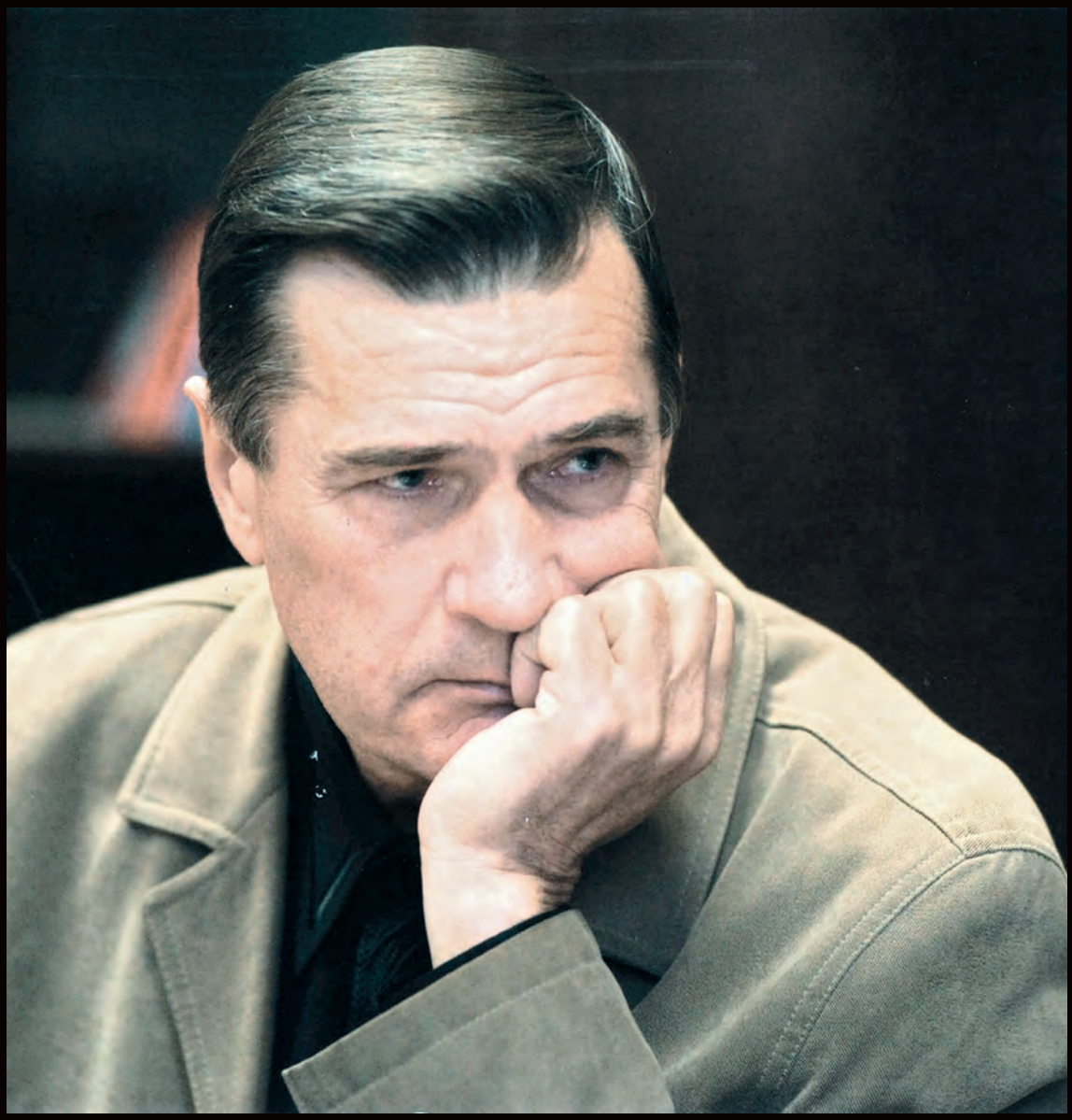
Ещё один год ушёл, готовый кануть в Лету. Знаменательнейший год: если бы не распались Советский Союз и КПСС, год столетия Великой Октябрьской социалистической революции был бы отмечен праздником, какого не знают современники – по масштабу он затмил бы все, до этого происходившие.

Я вспоминаю 1967-ой, год 50-летия Великой Октябрьской революции, с ностальгией. У людей был праздник. Никто не рылся в подоплёке его, просто праздновали – радостно, широко, как ещё до недавнего времени умели русские люди. Сейчас праздники помельче. Да и, честно сказать, не все знают, что празднуют. Увы…

Но юбилей образования Краснодарского края не остался незамеченным и широко отмечался как в крае, так и у нас в районе. Пользуясь случаем, поздравляю вас, дорогие земляки, с этой датой.

Коллектив журнала «Каневчане» я хочу поздравить с тем, что их товарищи – главный редактор Владимир Саяпин и член редколлегии Сизова Зоя – заняли высокие места во Всероссийском литературном конкурсе; вышли их новые книги. Коллектив теперь состоит практически стопроцентно из членов Союза журналистов России. Поздравляю вас с этим достижением. Желаю новых творческих успехов.

Владимир РЕПИН,
глава Каневского
сельского поселения.



Валентина МОТОРНАЯ

СЛОВО О ЧЕЛОВЕКЕ

В моей домашней библиотеке целую полку, немаленькую, занимают книги, книжки, буклеты, сборники наших каневских авторов; есть авторы и из других районов, из краевого центра. Почти все они – с дарственными надписями, что вызывает какое-то затаённое чувство удовлетворения и гордости.

Больше всего на этой полке книг внезапно ушедшего, 23 января 2017 года, Валентина Александровича Цветкова. Свою первую работу – «У слияния трёх рек» – он подарил мне в 1994 году, последнюю – «Тайны и явь» – в 2016-ом, последнем году его жизни. А между ними были другие, которые он дарил с тёплыми дарственными надписями, способными удовлетворить любое тщеславие того, кому предназначен подарок. Но я не тщеславна и хорошо знаю, что слова посвящения, написанные им, – не дежурная любезность, а искреннее признание уважения. Думаю, где-то подспудно он хотел, чтобы я им гордилась.

Мне это было понятно – в 60-е годы 20-летней девчонкой я пришла работать в хуторскую школу, где ученикам моим было

от 10 до 16 лет, а учителя в школе – все пожилые… Наша небольшая разница в возрасте не стала поводом для фамильярности, но большое уважение, а может, и что-то большее, в наличии было.

Валентин Цветков, так и не ставший для меня Валентином Александровичем, уже тогда привлекал внимание в общей массе хуторских ребят своей «нездешностью», какой-то внутренней сдержанностью, интеллигентностью – стройный, подтянутый, аккуратный, он уже тогда обращал на себя внимание, будущий «Ален Делон». (Кстати, эта интеллигентность, обозначившаяся ещё в детстве, сохранилась на всю жизнь – ни разу не слышала, чтобы он ругнулся, даже в самой сложной ситуации, как это бывает у мужиков; чтобы он повысил когда-нибудь голос – наверное, это было ниже его достоинства).

Собственно, он и был нездешним: родители его, медработники, по прихоти судьбы были заброшены на хутор, где дорога в райцентр – обычная пыльная грунтовка, а зимой, когда непролазная грязь замерзала, до райцентра ходил «собачий ящик» – образно названный хуторянами грузовик с деревянной будкой, исполнявший роль маршрутного такси, которым пользовались и фельдшер, и мы, молодые учительки, и все, кому надо было в райцентр.

Он учился у меня два года, в 7 – 8 классах, и сочинения его тоже отличались от других – хорошей речью, грамотным изложением мысли, умением анализировать и систематизировать факты будущей работы. Уже тогда в нём просматривались задатки будущего гуманитария.

Но после окончания восьмилетки Валентин поступил в техникум… автодорожный. И на какое-то время исчез из поля зрения.

Он окончил техникум и некоторое время даже работал в автотранспортном предприятии. Но, очевидно, «рука судьбы вела его другим путём», и он пришёл на радио. Где-то годов до 80-х район имел собственную радиосеть и корреспондента, который делал радиопередачи и осуществлял радиотрансляции для жителей района. Будучи редактором радио, Валентин Цветков объехал весь район, делал репортажи, зарисовки, интервью – работа на радио стала для него школой журналистики.

А потом пришли времена, когда радиопередачи вдруг стали ненужными, как и многое другое в нашей изменившейся жизни. И радиожурналист Цветков, сменив микрофон на перо, в 1987 году пришёл в редакцию районной газеты «Заря коммунизма». И мы стали коллегами.

С тех пор и до самого последнего дня своей жизни он оставался журналистом. Он писал заметки, репортажи, очерки, не единожды объездил район… Но, очевидно, этого ему было мало, ему нужно было что-то ещё; то, что захватило бы его полностью. Этим «что-то» стало краеведение.

Оценивая сейчас пройденный им творческий путь, думаю, что ему ближе была поисковая работа, работа историка-краеведа, ищущего и изучающего найденные факты и события, чтобы открыть людям то, чего они не знают или не замечают, а после благодарно пользуются плодами труда современника, сумевшего проникнуть в глубины прошлого.

Так появилась его первая, ставшая необходимой учителям-краеведам, школьникам, исследователям, книга «У слияния трёх рек» – очерк об истории нашего района.

А потом были «Хроника жизни Ф. Щербины», «Книга рекордов Кубани», «Земляки», «Приближение прошлого» и многие другие, за каждой из которых стояла большая поисковая работа, и где он полностью реализовал свой дар историка-исследователя. А вот сборник «Серые ленты дорог», где он осветил будни работников автотранспорта, стал благодарной данью памяти его первой профессии, о которой он с теплотой вспоминал как о путёвке в жизнь, школе жизни, предтече его будущей большой работы.

Творчество Валентина Цветкова вызывает глубокое уважение – более 18 книг написал он о нашей станице, ставшей ему, уроженцу предгорья, родной и любимой. Он искренне любил нашу станицу, был в постоянной работе и поиске, и творческие планы его, увлекательные и обширные, обещали читателям новые открытия. Увы, им не суждено было сбыться…

Конечно, говоря о Валентине Цветкове, нельзя не сказать о нём и как о человеке. А он и человек был неплохой. Не знаю, были ли у него враги (у каждого они бывают), но очень сомневаюсь в том, что он когда-то кого-то обидел. Он был человеком коммуникабельным, очень доброжелательным, сдержанным, порядочным. Его уважали коллеги; и многие из них, приезжая в редакцию, заходили именно к нему в кабинет, чтобы обсудить проблемы: профессиональные, международные, личные…

Он и другом был хорошим, никогда не отказывал в помощи нуждающимся…

А ещё он был хорошим семьянином, вырастил двух сыновей, внуков; бережно любил свою жену, тоже Валентину, а проводив её в последний путь, недолго страдал от одиночества – ушёл к ней.

А ведь он был полон творческих и общечеловеческих планов, мой ученик, коллега и друг Валентин Цветков.

К сожалению, был…

Татьяна КУН

ОБОРВАВШИЙСЯ СЛЕД НА ЗЕМЛЕ...

Открытие Доски памяти

5 мая 2017 года состоялось открытие памятной доски Валентину Александровичу Цветкову на здании редакции районной газеты «Каневские зори», в которой он работал до последнего дыхания.

23 января перестало биться его сердце... Но он оставил свой след на земле!

На открытие Доски памяти собрались родственники, друзья и близкие, коллеги-журналисты, писатели, поэты...

Валентин Цветков – краевед, член Союза журналистов России, заслуженный журналист Кубани, действительный член Российского общества историков-архивистов, член редколлегии историко-литературного альманаха «Каневчане», лауреат нескольких престижных краевых конкурсов, трижды «Золотое перо Кубани», обладатель множества наград...

С тёплыми словами о Валентине Александровиче выступили его сыновья, председатель районного отделения Российского общества историков-архивистов Валерий Костров, главный редактор историко-литературного альманаха «Каневчане» Владимир Саяпин, журналисты и писатели Валентина Моторная, Владимир Сальников, Джон Акопов, Ноха Султханов.

Золотое перо Каневского района

Валентин Александрович Цветков родился в 1947 году в Воронежской области. С пяти лет жил на Кубани. После 8-го класса учился в Ростовском автомобильно-дорожном техникуме. А в 1969 году, сразу после армии, поселился в станице Каневской, встретив здесь будущую жену. Работал слесарем, шофером, механиком.

В конце 60-х Валентин Цветков начал печататься в газетах. Был общественным корреспондентом районной газеты «Заря коммунизма», редактором газеты «По ленинскому пути». Пятнадцать лет работал редактором районного радио, затем пришёл на постоянную работу в районную газету «Каневские зори» (бывшую «Зарю коммунизма»).

С 1993 года – ответственный секретарь, а с 2002-го – заведующий экономическим отделом «Каневских зорь».

Огромный труд, патриотизм, преданность профессии, творческий подход – во всём, что оставил нам Валентин Александрович. Именно он нашёл в Ленинской библиотеке весь архив районной газеты, с самого первого номера! А ведь газетная подшивка – это история жизни района, такая, как есть. Какой подарок каневчанам!

Валентин Александрович является автором 18 книг: «У слияния трёх рек», «Серые ленты дорог», «Фёдор Щербина: хроника биографии и библиография», «Плечом к плечу», «Книга рекордов Кубани», «Земляки», «Оседлавшие Пегаса», «Приближение прошлого», «География Каневского района», «Книга рекордов Каневского района», «На земле предков», «Свой след оставить на земле», «Прямой путь по зигзагам судьбы», «Ответственные за Ро-

дину», «Тайны и явь»... Нам досталось бесценное наследие – в этих книгах собраны и систематизированы наполненные любовью к людям, природе, каневской земле сведения и материалы, различные фотографии... Кладезь знаний!

19-ю книгу «Прикосновение к возможному» Валентин Цветков подготовил к изданию, но издать не успел... Каневские журналисты и семья Валентина Александровича довели до конца не завершённое им дело. Члены районной первичной организации Союза журналистов России подготовили макет к печати, и сборник увидел свет. Валентин Александрович посвятил теперь уже последнее своё издание супруге Валентине, которая всего на полгода раньше, чем он, покинула этот мир...

Почтили память друга

Почтить память заслуженного журналиста Кубани Валентина Цветкова в день его 70-летия, 23 августа, в кафе «Мелодия» Каневского РДК собрались члены первичной районной организации Союза журналистов России, родные и друзья.

В роли ведущих замечательно выступили младший научный сотрудник Каневского районного историко-краеведческого музея Наталья Дуленко и председатель Каневской первичной организации Союза журналистов России Елена Бутенко.

В течение пятнадцати лет Валентин Александрович Цветков был редактором районного радио. Сохранившиеся магнитофонные записи радиопрограмм его семья передала для оцифровки гендиректору Каневской телестудии Михаилу Моргуну.

Михаил Алексеевич представил собравшимся оцифрованную копию радиопрограмм Валентина Цветкова, которые вышли в эфир по проводному радио в 1974 – 1991 годах, и мы услышали позывные каневского радио и голос Валентина Александровича, чистый и звонкий: «Говорит районное радио...»

Михаил Моргун рассказал о дружбе, которая связывала его долгие годы с Валентином Александровичем, о его творчестве.

С кратким обзором книг Валентина Цветкова выступили его друзья и коллеги: Владимир Сальников, Наталья Иванова, Ноха Султханов, Константин Бандин, Валерий Костров, Джон Акопов.

Свои стихи из недавно вышедшего в свет сборника, посвящённые ушедшим друзьям, в том числе и Валентину Александровичу, прочёл Владимир Саяпин – главный редактор историко-литературного альманаха «Каневчане». Валентин Александрович был членом редколлегии нашего журнала, и нам его очень не хватает...

Младший научный сотрудник районного историко-краеведческого музея Константин Бандин рассказал об уникальном издании, вышедшем в Каневской двадцать лет назад, аналогов которому не знала печать района. Его название – «Приватная газета», его учредитель и редактор – Валентин Александрович Цветков...

Много тёплых слов мы услышали в этот день от друзей...

В районном музее подготовили экспозицию замечательных фотоэтюдов Валентина Цветкова. Всех присутствующих на мероприятии пригласили на открытие этой выставки, которую сам Валентин Александрович мечтал провести именно в этот день...

Ведущая рубрики Лариса ЯКИМЕНКО

Нас читают

* * *

Здравствуйте, дорогие друзья!

В марте 2017 года к нам в Краснодонский ордена Дружбы народов музей «Молодая гвардия» с очередным дружеским визитом приезжал ваш земляк Андрей Михайлович Лымарь, руководитель Каневского филиала СКТ «Знание». Вот уже в который раз он вместе со своим помощником Романом Дмитриевым привёз сотрудникам музея и их детям гуманитарную помощь от небезразличных к судьбе жителей нашего региона каневчан. Ваш замечательный альманах «Каневчане» буквально сразу же заинтересовал всех сотрудников музея своим видом и содержанием.

Нам как историкам было интересно, перелистывая страницы, знакомиться с историей станицы Каневской и в целом всей Кубани. Все рубрики, наполняющие альманах, оказались по-своему занимательными, интересными и поучительными. В целом журнал поражает своей масштабностью и оформлением; видно, что люди, работающие в журнале и занимающиеся его созданием, очень любят свою работу и отдаются ей на все сто процентов.

Хочется пожелать редакции альманаха «Каневчане» долгой и плодотворной работы, процветания, творческих успехов, а также огромных сил и терпения всем людям, работающим над его созданием, ведь прежде чем к читателю попадёт альманах, он проходит сложные и долгие этапы подготовки.

С уважением М. ПОДОБНАЯ,
Краснодонский ордена Дружбы народов
музей «Молодая гвардия», г. Донбасс.

* * *

Совершенно случайно мне в руки попал журнал «Каневчане» 2010 года. Так как мы планируем что-то подобное в своей станице Вёшенской, то, конечно же, он заинтересовал. Журнал понравился, ведь здесь собран отличный материал о родном крае. Прекрасно подобраны рубрики: «Летопись каневской старины», «Казацькому роду нэма пэрэводу», «Горькая память войны» и другие. Видно, что материал для альманаха подобран не равнодушными людьми, а поистине влюблёнными в свой край, бережно хранящими и фотографии из семейных архивов, и рассказы очевидцев и старожилов района. Порадовали и стихи ваших поэтов, очень лиричные и наполненные любовью. Творчество Владимира Тощева и Валентины Вервекиной, Татьяны Кун и Марины Яценко – прекрасные стихи, берущие за душу.

Желаем вам, чтобы всегда находились средства к изданию следующих выпусков альманаха. Побольше вам помощников в этом нелёгком деле! Успехов и удачи в ваших начинаниях.

Л. ЗАИРХАНОВА,
директор Вёшенской библиотеки.

* * *

Лариса Анатольевна, вот прочитала вашу статью про Наталью Вертепу, причём прочитала с великим удовольствием. Я, конечно, не литературный критик, но всё очень хорошо – и история бисероплe-

тения, и о самой мастерице. Мне всегда нравится, когда в очерках (статьях) ставятся риторические вопросы: с чем можно сравнить бисероплетение? С морозным инеем на окне? С хрупкой снежинкой? С солнечными бликами?.. Это придаёт какой-то шарм. Я думаю, и самой мастерице понравилось. Извините, а ваше украшение на фото – это её рук дело?! Всё очень оригинально.

Н. А. КУКСАР,
районная библиотека
г. Осиповичи, Белоруссия.

* * *

Здравствуйте, дорогие каневчане! Вновь в моих руках выпуск вашего альманаха: № 13 за 2014 год. Прочитала от корки до корки. И, конечно же, я опять в восхищении от подвижнического труда создателей, составителей журнала!

Это сколько же надо потратить сил, чтобы подобрать такой разнообразный материал, отредактировать, разместить, не забыть ни одну сторону жизни своей станицы, края! Освещены такие периоды жизни – от дореволюционных событий до настоящего времени! Сколько же светлых, талантливых, героических земляков у вас!

Опять я плакала над страданиями народа в годы лихолетий и радовалась возрождению и восстановлению жизни станицы.

Пусть никогда не переведутся у вас талантливые поэты, писатели, музыканты – люди всех видов искусств, которыми так славится ваш богатый, удивительный край! И пусть светлая вера в Бога объединяет вас всегда и укрепляет в любви к родному краю, людям, природе. Пусть светлая радость и душевный мир царят в сердцах всех людей! И пусть вашему «казацькому роду» никогда не будет переводу!

Дорогие каневчане, восхищаюсь вами!
Душами добрейшими, светлыми умами.
Не забыт никто у вас, ничто не забыто.
Горе гнуло, и не раз – души не убиты!
Всё сумели возродить, перемены всюду!
Дух сумели пробудить, радуются люди.
Радостный – непобедим, так вещает Слово.
Ваш народ всегда един, выстоите снова!

С искренним восхищением,
уважением и любовью к вам
В. А. КУЗИНА,
г. Острогожск
Воронежской области.

* * *

Удивительный раритет 20-летней давности с зимней, морозной, снежно-голубой обложкой, которая настраивает на сказочный лад – это об альманахе «Каневчане» № 4 за 1996 год. Но открываешь журнал и видишь, что материал в нём – не сказка, а быль, собранная редактором журнала В. М. Тощевым. Светлая ему память!

1996 год, видимо, для многих был не очень весёлым, поэтому у ваших «родниковцев» много печальных ноток, в частности, в «Непридуманных историях» Ю. Бардина: предательство самых близких людей – куда уж хуже. Очень трогательная история рассказана Н. Лемишем о Грозе и Громе – это действительно прозаическая ода Коню.

Как здорово сумел В. Саяпин создать образ оказавшегося в чужих краях человека, которого безнадёжная тоска по родным местам ведёт к трагическому финалу. «Исповедь» просто потрясает: герой в отчаянии, и помочь ему никто не может. Это судьбы многих русских эмигрантов, волей истории выброшенных за пределы России. Удивительно, как автор сумел проникнуть в их души.

Н. А. ТИШАКОВА,
центр творчества и досуга «Солнышко»,
с. Осташёво Московской области.

* * *

Два журнала «Каневчане» (№ 12 – 2014 год, № 15 – 2015 год) из библиотеки Старицы – лучшее из того, что прочитал от корки до корки в этом сезоне!

Новые пласты информации потрясают и наполняют душу сопереживанием. Лиха хватило всем!

Ощущение добротности, зримой достоверности пережитого – «Житница» – и символ полновесного зерна хлебного колоса, залога будущего в гербе Каневской, близки по сути. Восприятие названия расширено до духовной житницы.

А на страницах историко-литературного объединения «Родник» «сердцем, песней и светлой душой» (Василий Кравченко) раскрываются Джон Акопов, Ольга Барабаш... Всех хочется выделить...

Искренне и правдиво! Чудесные ассоциации – образы одушевления привычного и вечного: снежинок, ёлки, Рождества.

Слёзы сопереживания от истории семьи и станицы – «Динка» Ольги Сергань.

Потрясают общие боль истории, вера и духовная стойкость русского и армянского народа, казачества (Джон Акопов «За други своя», № 12 – 2014 год), образ сродства душевной стойкости человека и белой акации в рассказе Степана Деревянко.

На дороге в бессмертие высветливают одной страницей фотография памятника «Единый крест» и стихотворение атамана Михаила Тимченко «Деду Трофиму».

Благодарю судьбу за то, что работал в Стройиндустрии Подмосковья вместе с вашими земляками, которым присущи неистребимые «достоинство и красота» (стр. 63, № 15, 2015 год).

Поклон всем причастным к празднику выпуска журнала и его продвижению к людям, за укрепление памяти поколений, веры в преемственность достоинства и любви к жизни, конкретные шаги самопознания на извечном пути к свободе!

И N. B.:

Запомнить – как душевную молитву для всех – обращение главного редактора журнала Владимира Саяпина (№ 12 – 2014 год).

Подарить друзьям ксерокопии обращения!

В план работы клуба библиофилов внести пункт «Моё открытие журнала «Каневчане»».

Передать, переслать экземпляр сборника «Стихия» + ссылки на сайты «Старицкого вестника», «Стихии», клуба краеведов!

Б. И. МАКСИМОВ,
г. Старица
Тверской области.

* * *

Смотрю на заставку «Журналу «Каневчане» – 20 лет» и вижу много знакомых обложек. Ваш журнал стал почти родным. От души поздравляю с юбилеем.

Листаю журнал: традиционные рубрики, переходящие из номера в номер, но по-прежнему интересные.

Жизненные истории, помещённые в «Летопись каневской старины» удивляют и потрясают. Не зря говорят, что «жизнь почище любого романа» – а ведь так было!

Интересный материал «Взгляд из Парижа»: всегда хочется знать, как мы выглядим в чужих глазах. Даже ностальгию какую-то вызывает о «советских колхозах»...

В «Письме к внуку» дедушки Семёна Лемиша чувствуются заботливые нотки; они прорываются сквозь его рассказ-родословную и описание казачьего быта: помни, внук, думай, сравнивай, живи по совести.

Номер за номером ваш альманах представляет читателям судьбы героев Великой Отечественной войны – солдат Победы. Думаю, что из этих рассказов сложится большая книга «Мы за ценой не постоим» о ваших героях-земляках и займёт своё место в краеведческом музее. Это ведь так важно: сохранить память о них для будущих поколений, чтобы знали и помнили!

Песня Ольги Сергань «Белый тополь, белый клён» «душу греет», и поют её кубанцы здорово!

А как замечательна подборка осенних стихов Владимира Саяпина! Грустно-нежное чувство вызывает стихотворение о прощальной и первой любви; смешанное чувство испытываешь при чтении стихотворения об ушедших друзьях: горечь потери и счастье, что они были; берут за душу строки о «жизни – неспокойном море»: какая там разница, сколько осталось, важней, что оставишь на этой земле!.. Невольно задумываешься: хорошо, что есть, что оставить! Только нужно ли это нашему молодому поколению?..

Понравились стихи Зои Сизовой и Татьяны Кун. С интересом читаются исторические материалы.

В журнале у вас получилась интересная информационная подборка «Творческие встречи». Культурная жизнь кубанских станиц – где ещё о ней узнаешь? Это любопытно, чем живут люди.

Н. А. ТИШАКОВА,
читатель журнала,
с. Осташёво
Московской области.

* * *

Лариса Анатольевна, Ваша статья о бисероплетении очень понравилась: сам стиль написания – не факты и события, а отношения. Мне всегда нравится, когда люди умеют красиво, задушевно написать.

В. В. ЛЕНИВАЯ,
библиотека г. Константиновска
Ростовской области.

* * *

Таня, получила журналы «Каневчане» № 15 и № 16. Радуюсь, не нарадуюсь творческому росту коллектива.

Читаю и перечитываю статьи в нашем журнале. С такой любовью ты всё делаешь! Я сравниваю с местным журналом «Графоман», сделанным мужчинами без души, канонически, и радуюсь, что я с вами.

Читала статью о Валентине Пролейко и вспоминала наши с ним детские игры до войны в доме радиоузла на углу улиц Вокзальной и Почтовой. Дом был из двух частей, в одной – радиоузел с аппаратурой, в другой жила семья Пролейко. А так как папа там работал, то часто оставлял меня у Пролейко. После войны они купили хатку на улице Вокзальной у самого вокзала, справа перед поворотом на вокзал. Именно благодаря этой дружбе мы с Борей поехали Москву покорять, а Боря поступил в институт, где Пролейко уже учился (он был старше меня на три года).

Желаю дальнейших успехов, сбора материалов о наших станичниках, которые каждый сам по себе является героем. Обнимаю, с любовью Жанна.

Ж. ОМЕЛЬЧЕНКО,
Челябинская область,
г. Миасс,
5 августа 2017 г.

Летопись каневской старины

Каневская, улица Горького, вход в парк. Конец 1950-х годов.

Валерий КОСТРОВ

НОВЫЕ ИМЕНА СТАРИННЫХ УЛИЦ

В 2017 году мы отметили не только юбилеи Краснодарского края и Октябрьской революции. 50 лет назад были переименованы 15 улиц и переулков в станице Каневской.

Решение исполкома Каневского сельского Совета депутатов трудящихся было вынесено в 1967 году по причине того, что *«наименования некоторых улиц станицы Каневской по своему значению устарели и практически не имеют никакого исторического значения в связи с возникновением станицы Каневской и идя навстречу пожеланиям трудящихся»*.

Улицы получили имена, вошедшие в историю революционного движения, Гражданской и Великой Отечественной войн, космонавтики, литературы, театра и изобразительного искусства.

Рясная – им. Карла Маркса

Диалектное слово «рясной» означает «обильный, густой, часто растущий». Улица Рясная стала именоваться улицей имени Карла Маркса – в честь немецкого философа и экономиста, автора знаменитого «Капитала». В 1967 году в СССР широко отмечалось 50-летие Октябрьской революции, поэтому и было принято решение увековечить имя этого общественного деятеля на карте нашей станицы.

Стеблиевская – Буденовская

Название улицы «Стеблиевская», вероятно, имеет запорожское происхождение. В исторической справке об образовании станицы Старонижестеблиевской сказано: *«В 1794 году переселенцы Запорожской Сечи из Стеблина прибыли на Кубань во главе с атаманом Захаром Чепигой»*. После переименования улица Стеблиевская стала называться Буденовской (так в документе).

Маршал Советского Союза Семён Михайлович Будённый – трижды Герой Советского Союза, кавалер Георгиевских крестов всех степеней. Во время Великой Отечественной войны он командовал кавалерией

Красной Армии, то есть осуществлял общее руководство, и 4-м гвардейским кубанским кавалерийским казачьим корпусом, в состав которого входил эскадрон Каневского района, состоявший из 186 казаков и 270 лошадей.

В фонде фотодокументов архивного отдела управления делами администрации Каневского района есть несколько фотографий, запечатлевших визит кубанских кавалеристов к маршалу в 1970-х годах.

Среди героических казаков – известный старшему поколению каневчан Александр Иванович Жуков, сражавшийся в рядах прославленного корпуса. Он лично подготовил к боевым действиям взвод добровольцев, в том числе и своих сыновей Олега, Игоря и дочь Светлану, которая была пулемётчицей. Его супруга Анна была санитаркой, а затем и медсестрой. С фронта вернулись только Александр Иванович и Анна Ивановна…

Забайкальская – им. Коваленко

Каневчанин Владимир Иванович Коваленко получил трёхклассное образование в родной станице, затем окончил реальное училище в Екатеринодаре, после этого учился в Харьковском политехническом институте.

Двадцатипятилетний казак был избран каневским атаманом на станичном сходе в 1917 году. Он был рассудителен, умён, в любом деле поступал честно, по справедливости.

В феврале 1918-го в станице сформировался Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Его председателем выбрали атамана Владимира Коваленко. Вскоре в Каневской был создан и военно-революционный комитет. Его возглавил председатель Совета.

В июле 1918 года члены ревкома были схвачены карательным белогвардейским отрядом генерала Покровского, носившего прозвище «вешатель», и казнены на площади перед станичным правлением.

В память о последнем атамане и первом председателе Совета улица Забайкальская 20 марта 1967 года была переименована в улицу имени Коваленко.

Маломегринская – им. О. Кошевого

Маломегринская улица называлась так из-за своего расположения в том районе станицы Каневской, который издавна неофициально назывался Мыгринкой. Там всегда жили люди по фамилии Гринь, отсюда и название: «Мы – Грини».

В 1967 году улица была переименована в честь Олега Васильевича Кошевого. В годы Великой Отечественной войны он участвовал в создании подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» в Краснодоне, был комиссаром и членом её штаба, руководил диверсиями против немецко-фашистских оккупантов.

В январе 1943 года организация была раскрыта фашистами. Олег Кошевой был схвачен и расстрелян врагами. Он похоронен в братской могиле в городе Ровеньки Ворошиловградской (Луганской) области.

Звание Героя Советского Союза Олегу Васильевичу присвоено посмертно Указом Президиума Верховного Совета СССР в сентябре 1943 года.

Широкую известность подвиги и гибель молодогвардейцев получили благодаря роману Александра Фадеева и одноимённому фильму. Именем Олега Кошевого были названы улицы, шахты, школы, корабли и горная вершина. Бюсты Героя установлены в Прилуках, Луганске, Харькове и Каневе.

Прогонная – им. Зои Космодемьянской

Название Прогонной улицы, вероятно, связано с тем, что по ней в старые времена прогоняли скот на пастбище. С 1967 года она носит имя Зои Анатольевны Космодемьянской – первой женщины, удостоенной звания Героя Советского Союза во время Великой Отечественной войны.

В ноябре 1941 года, выполняя боевое задание в составе диверсионно-разведывательной группы, она была схвачена и казнена немецко-фашистскими оккупантами в селе Петрищево Московской области. Перед смертью Зоя призывала жителей бороться с фашистами и не бояться смерти в этой борьбе.

В феврале 1942 года был подписан указ о присвоении ей звания Героя Советского Союза (посмертно). Похоронена Зоя Космодемьянская на Новодевичьем кладбище в Москве.

Она стала одним из символов героизма советского народа в Великой Отечественной войне. Её образ отражён в художественной литературе, публицистике, кинематографе, живописи, монументальном искусстве, музейных экспозициях.

Дед Зои был потомственным священником, и фамилия происходит от названия церкви (святых Космы и Дамиана), где служил их предок. Её младший брат Александр Космодемьянский – советский танкист, Герой Советского Союза. После гибели Зои он отправился на фронт в возрасте 17 лет. В апреле 1945 года был смертельно ранен в бою под Кёнигсбергом.

Рыночная – Комарова

Улица Рыночная получила имя Владимира Михайловича Комарова – лётчика-космонавта, дважды Героя Советского Союза, инженера-полковника.

Свой первый космический полёт Владимир Комаров совершил в октябре 1964 года на первом в мире многоместном космическом корабле. Второй полёт в апреле 1967-го ока-

Каневская, угол улиц Горького и Ленина. Конец 1950-х годов.

зался роковым: Владимир Комаров погиб во время приземления. Стропы запасного парашюта скрутились из-за вращения спускаемого аппарата…

За героизм, мужество и отвагу, проявленные при осуществлении полёта, он был награждён второй медалью «Золотая Звезда» (посмертно). Прах Владимира Комарова помещён в урне в Кремлёвской стене на Красной площади в Москве.

Американские астронавты, побывавшие на Луне, оставили там памятные медали с изображением людей, отдавших жизнь освоению космоса, в том числе и советских космонавтов Владимира Комарова и Юрия Гагарина. Их имена также увековечены на табличке рядом с алюминиевой скульптурой «Павший астронавт» – единственной художественной инсталляции на Луне.

Кирпичная – Чехова

Антон Павлович Чехов – классик мировой литературы, русский писатель, прозаик, драматург. Его произведения переведены более чем на 100 языков.

Родился он в Таганроге. Его дед был управляющим в усадьбе графа Платова, сына знаменитого донского атамана.

В местной гимназии его учителем математики был Эдмунд Дзержинский – отец Феликса Дзержинского, будущего первого председателя ВЧК.

На медицинском факультете Московского университета Чехов учился у известного профессора Николая Склифосовского, затем работал уездным врачом, заведовал больницей. В последующие годы занялся творчеством и был избран в число почётных академиков Академии наук по разряду изящной словесности.

Много путешествовал: был в Крыму, на Кавказе, в Сибири, на Сахалине, в Гонконге, Сингапуре, Цейлоне и Константинополе.

Дружил с писателем Владимиром Короленко, художником Исааком Левитаном.

Его девизом были слова: «Берегите в себе человека».

В честь Чехова названы космический астероид и кратер на Меркурии, а также 1290 проспектов, улиц, площадей, переулков и проездов в населённых пунктах России, множество улиц в других странах.

Лесная – им. Станиславского

Константин Сергеевич Станиславский (настоящая фамилия – Алексеев) – русский театральный режиссёр и актёр, первый Народный артист СССР.

Родился в Москве, в многодетной (у него было девять братьев и сестёр) семье известного промышленника, состоявшей в родстве с Саввой Мамонтовым и братьями Третьяковыми.

Вместе с Владимиром Немировичем-Данченко основал Московский Художественный театр. Его товарищем был композитор Пётр Чайковский.

Почётный академик Российской Академии наук по Отделению русского языка и словесности, автор книги «Моя жизнь в искусстве».

Его именем названы улицы в десятках населённых пунктов.

Хуторская – им. Айвазовского

Иван Константинович Айвазовский (армянское имя – Ованнес Айвазян) родился двести лет назад, в 1817 году, в Феодосии.

Знаменитый художник. Его картину «Девятый вал» знают все в нашей стране. Живописец Главного Морского штаба, академик Императорской Академии художеств, почёт-

ный член Академий художеств в Амстердаме, Риме, Париже, Флоренции и Штутгарте.

За свою жизнь Айвазовский написал больше 6000 живописных полотен. Его картины морских сражений стали летописью подвигов русского военно-морского флота. Много работ посвящено обороне Севастополя.

Художник был награждён российскими, французскими, греческими и турецкими орденами и получил чин действительного тайного советника, что соответствовало званию адмирала. Ему было пожаловано потомственное дворянство.

Айвазовский интересовался археологией, руководил раскопками более 90 курганов в Крыму; часть найденных в них предметов хранится в Эрмитаже.

Его друзьями были поэт Александр Пушкин, художник Карл Брюллов и композитор Михаил Глинка. Император Николай I заявлял: «Что бы ни написал Айвазовский – будет куплено мною».

В 2012 году на аукционе «Сотбис» его картина «Вид Константинополя и Босфора» была продана за 3,2 миллиона фунтов стерлингов.

Картины Айвазовского находятся во многих музеях мира, в том числе и в Краснодарском художественном музее имени Фёдора Коваленко.

Во многих городах России и стран ближнего зарубежья имеются улицы Айвазовского.

Красный и Грузинский переулки – улица Красная

«Красная» – один из синонимов слова «красивая». Так часто называли центральные улицы городов и станиц. До 1935 года Красной называлась нынешняя улица Горького, затем президиум Каневского райисполкома принял постановление об увековечении памяти писателя Алексея Максимовича Горького, и в его честь были названы улица, Дом культуры и образцовая начальная школа.

В 1967 году Красный и Грузинский переулки были переименованы в улицу Красную, и на карте станицы Каневской вновь появилось это название.

Камышеватская – Заречная, Кустарная – Мира, Водопойный – Восточный, Колодезный – Цветочный

В 1960-х годах в районной прессе публиковались письма читателей о необходимости переименования некоторых улиц: *«В станице Каневской имеется целый ряд улиц, носящих явно неудачные названия... В самом деле, почему улица Кустарная? Разве там живут кустари?..»* Видимо, эти письма и послужили поводом для изменения подобных названий улиц и переулков.

Торговая – 50 лет Великого Октября – Революции

В газете «Заря коммунизма» от 31 октября 1967 года была опубликована заметка, в которой упоминались не только эти переименования, но и отмечалось, что *«исполком сельского Совета также решил Торговой площади, расположенной в центре Каневской, присвоить наименование площадь имени 50 лет Великого Октября»*. Ныне это площадь Революции.

Вскоре, 5 ноября, на этой площади был открыт обелиск Славы и зажжён Вечный огонь у братской могилы каневчан, погибших в годы Гражданской и Великой Отечественной войн.

Парашютисты и мирные жители, убитые немецко-фашистскими оккупантами на территории пенькозавода, после освобождения нашей станицы были захоронены на территории парка культуры и отдыха, а в 1967 году их останки были перенесены в братскую могилу у Вечного огня и обелиска Славы.

Вечный огонь зажгли от факела, который ветераны привезли от обелиска, установленного на границе станиц Шкуринской и Кущёвской в честь героев 4-го гвардейского казачьего кубанского кавалерийского корпуса.

В архивном отделе сохранилась фотография, запечатлевшая многолюдный митинг в день открытия этого мемориального комплекса.

Центр Каневской, открытие мемориала «Вечный огонь». 1967 год.

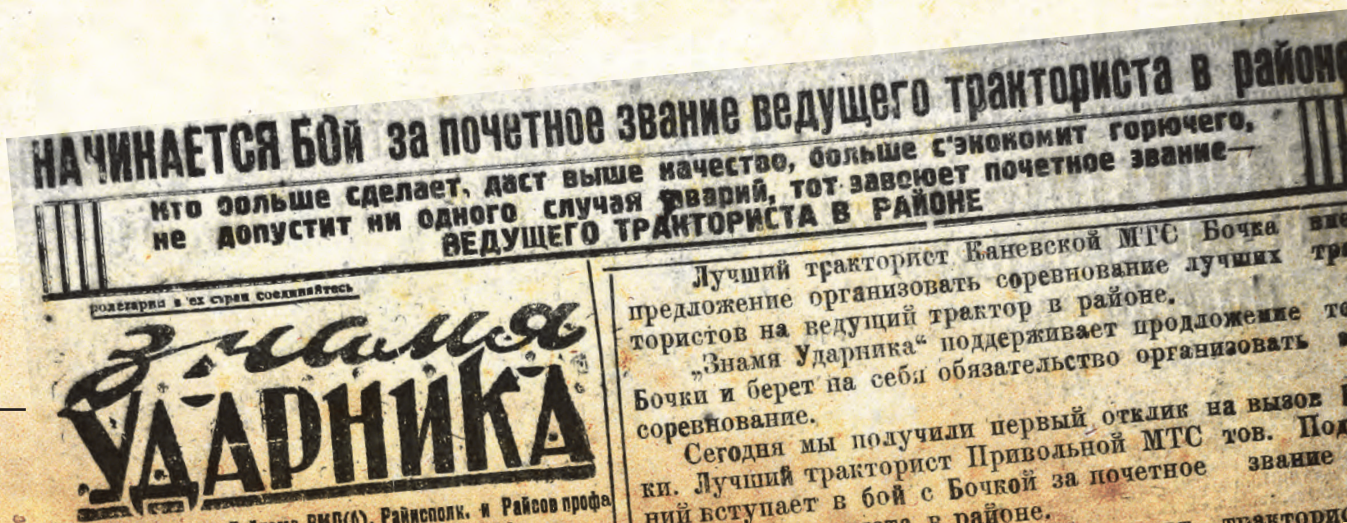
Первый «Фордзон», тракторист Кавунов Иван Германович. 3 августа 1923 года.

Николай ЛЕМИШ

ГОД 1937. ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Зарубежными и отечественными историками много написано о трагическом 37-ом годе. Собственно, в устах нашей либеральной оппозиционной прессы исторические события 1937 года истолковываются негативно, в самых мрачных тонах. А ведь это наша история, и хотя в ней были и неоднозначные страницы, мы всё же вправе рассчитывать на объективную оценку, не навязанную извне. Сколько же грязи вылито на предвоенную историю СССР! Да, собственно, на послевоенную – не меньше.

Для нас, кубанцев, 1937 год – это год образования Краснодарского края, 80-летие которого пришлось на минувший 2017-й. Это год, в который крестьяне стали более благополучны в материальном плане, появилась уверенность в завтрашнем дне, люди стали забывать о нищете, страшных временах голодомора, когда уходила неустроенность жизни. В 1937 году сельское хозяйство и промышленность дали ощутимый прирост. Это год колоссальных достижений первой на планете (и в истории) социалистической державы – Союза Советских Социалистических республик.


НАЧИНАЕТСЯ БОЙ за почетное звание ведущего тракториста в районе

Кто больше сделает, даст выше качество, больше сэкономит горючего, не допустит ни одного случая аварий, тот завоюет почетное звание— ВЕДУЩЕГО ТРАКТОРИСТА В РАЙОНЕ

Пролетарии всех стран соединяйтесь

Знамя Ударника

Лучший тракторист Каневской МТС Бочка вы
предложение организовать соревнование лучших тр
тористов на ведущий трактор в районе.
„Знамя Ударника" поддерживает продложение то
Бочки и берет на себя обязательство организовать
соревнование.
Сегодня мы получили первый отклик на вызов
ки. Лучший тракторист Привольной МТС тов. Под
ний вступает в бой с Бочкой за почетное звание
в районе.

Но также считается, что это время подозрений, доносов, репрессивных действий государственного аппарата в отношении инакомыслящих. До сих пор не утихают страсти в отношении того, как расценивать тот самый страшный 37-ой, тем более что, считай, почти полностью ушло из жизни поколение, которое могло много чего рассказать о тех временах. Ведь тем, кто родился в 1937-ом, – уже 80.

События имеют свойство таять в тумане времени, а восприятие (особенно у следующих поколений) – искажаться. Беру на себя смелость ознакомить читателей с событиями такого сложного и противоречивого времени в рамках всего одного года, основываясь на сообщениях тогдашней прессы.

Новогодняя центральная пресса первых дней 1937-го сообщила о наступлении пятого года второй пятилетки. Тяжёлая промышленность выполнила план второй пятилетки за четыре года. Что касается пищевой промышленности, то при наращивании высоких показателей качества продукции вторая пятилетка была выполнена также за четыре года.

А главное, выпуск товаров широкого потребления в 1937 году превысил запланированные объёмы на 25 %. Это очень нужно было народу, истосковавшемуся по хорошей одежде, обуви, мебели, предметам быта, то есть всему тому, что крайне необходимо для стабильной жизни.

В результате серьёзной реорганизации работы железных дорог суточная загрузка железнодорожного подвижного состава приблизилась к 88 тысячам вагонов. Уже в 1937 году по прибытию поездов можно было проверять время. Потом, в военную пору лета – осени 1941-го, железнодорожный транспорт даже в обстановке войны успешно справлялся с задачами, поставленными Комитетом Обороны, эвакуировав в глубокий тыл тысячи предприятий.

В 1937 году в СССР появилось свыше тысячи новых предприятий стоимостью 32 млрд рублей. Средняя зарплата высококвалифицированного рабочего составляла 250 рублей; уровень зарплаты поднялся на 25,5 %.

В череде событий промелькнуло сообщение о том, что вышло постановление ЦК ВКП(б) об обмене партийных билетов.

6 января газеты сообщили о проведении переписи населения страны. Тут же был помещён снимок самолёта АНТ-25, на котором Герои Советского Союза Чкалов, Байдуков, Беляков совершили беспосадочный перелёт в Америку. В следующих номерах центральных газет сообщалось о награждении государственными наградами работников авиамоторного завода № 24 им. Фрунзе, моторного завода № 29, авиационного завода № 22.

За выдающиеся достижения в области культуры и искусства орденами Трудового Красного Знамени были награждены композитор Дунаевский и поэт Лебедев-Кумач.

Районная газета «Знамя ударника» сообщала в новогоднем выпуске, что с 1.01.1937 года электростанция в станице Каневской будет работать с вечера и до пяти утра. Соответственно, изменится и плата за электроэнергию. В прессе было отмечено, что в районе прошло 17 новогодних ёлок. В преддверии Нового года в каневском культмаге продано ёлочных украшений на 3100 рублей (сумма по тем временам немалая). Под Новый год в магазины Каневского райпотребсоюза поступили хлопчатобумажные ткани, швейные изделия, трикотаж, обувь, консервы, колбасы, повидло, мёд, спички и другие товары на сумму 820 тысяч рублей. В порядке оказания помощи многодетным матерям 17 семьям выделено 34 тысячи рублей.

Районная газета довела до сведения читателей, что нарком образования Бубнов А. С. дал указание продлить новогодние каникулы во всех школах страны до 12 января. Сообщила газета и о том, что в станице Каневской, в Доме Социалистической культуры, прошёл костюмированный бал-маскарад. Не остался в стороне и хутор Сладкий Лиман, где в Доме культуры также была организована новогодняя ёлка: *«Кружился вокруг ёлки хоровод, школьники пели, играли, декламировали стихи, танцевали. В стихах они благодарили товарища Сталина за счастливое и радостное детство...»*

Газета «Знамя ударника» сообщала как местные, так и региональные новости, известив читателей, что проходивший 6 – 7 января в городе Ростове Пленум Азово-Черноморского Краевого комитета ВКП(б) освободил Шеболдаева Б. П. от обязанностей Первого секретаря крайкома ВКП(б), назначив на этот пост члена ЦК, члена ЦКК, в прошлом полномочного представителя ОГПУ на Северном Кавказе Ефима Георгиевича Евдокимова.

Важные политические новости перемежались местными сообщениями: *«С Нового года Райзо организует курсы бригадиров полеводческих бригад. Слушатели наряду с агротехникой будут изучать <...> русский язык и арифметику».*

Сообщалось и о том, что по итогам 1936 года в районе озимые дали по 15,2 ц/га, против 7,0 в 1934 году. По ячменю – 11,6 ц/га, против 9,0 в 1935 году. Каждая колхозная семья получила на трудодни от 200 до 300 пудов зерна (3,2 – 4,8 т). Газета сообщала в победном тоне, что в колхозе «Политотделец» Куйбышевской МТС у колхозников в 1934-ом было всего 43 коровы, а в 1936-ом – уже 221, и 242 головы свиней. Корреспонденты сообщали о стахановской работе рулевого Захара Каина, ставя его в пример многим колхозникам (*в 1942 году он перейдёт на службу к фашистам, а в 1943-ем покончит с собой* – ***прим. автора***). А в колхозе «Борец Труда» Стародеревянковской МТС при 53 крестьянских хозяйствах и 110 жителях полностью ликвидирована безграмотность.

Литвиненко Андрей и Бычкарёва Пелагея – стахановцы. 1936 год сделал рядового колхозника Литвиненко зажиточным и прославил его как стахановца: *«Сейчас у него корова,*

У колхозного дома культуры им. Калинина по улице Свердликова. 1949 год.

тёлка, двое свиней, овцы, куры, гуси, огород». Приводятся ещё выдержки из писем в газету колхозников, рассказывающих о своей счастливой и зажиточной жизни. А богатство и благоустроенность олицетворяет теперь наличие в доме радио, патефона, велосипедов, кроватей с панцирной сеткой, обуви у каждого члена семьи. Подчёркивается даже наличие белых простыней, тёплых одеял, расширенных комплектов постельного белья, то есть гигиенический фон населения был резко улучшен. Да, у каждой эпохи – свои понятия о счастливой жизни.

В то же время центральная пресса сообщала об ожесточённых боях в Испании, где республиканские войска успешно отражали наступление фалангистов генерала Франко. В Испании, свободу и независимость которой защищали вместе с республиканцами воины-интернационалисты из многих стран, шла гражданская война, а на стороне мятежников воевали регулярные формирования фашистской Германии.

Рассказывали газеты и о событиях внутри страны. Прокуратура СССР сообщила о привлечении к судебной ответственности «параллельного центра» троцкистов, а именно Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова, Муралова, Лифшица, Богуславского, Князева, Норкина, состоявших в составе группы заговорщиков. 23 января 1937 года прошёл суд над антисоветским троцкистским центром и приговорил уже названных фигурантов дела, а также Ратайчака, Шестова, Турок, Пушкина, Грамме к расстрелу. В водоворот репрессий будут втянуты и организаторы голодомора на Украине, Дону, Кубани, Ставрополье. Многих настигнет действительно справедливая кара. Положено начало серьёзным чисткам в эшелонах высшей власти, в частности ОГПУ-НКВД, и немало впереди драматических событий. Но пока видно, что публикации на тему репрессий не занимают в прессе главенствующего места.

Темпы экономического развития страны настолько высоки, что пресса буквально захлёбывается, получая сообщения из многих регионов о строительстве заводов, фабрик, объектов здравоохранения, социокультбыта.

Поступают сведения о наращивании темпов выпуска грузовых автомобилей для народного хозяйства, тракторов, комбайнов, различной сельскохозяйственной техники, об увеличении темпов выпуска товаров широкого потребления. С конвейера Московского автозавода сошли первые десять легковых автомобилей ЗИС-101, как бы мы сегодня сказали, представительского класса.

И в то же время увеличивается выпуск средств вооружения, танков, самолётов. В мире неспокойно, а события в Испании – это прелюдия подготовки к большой войне.

Из сообщений мирного характера – распоряжение Предсовнаркома СССР Молотова об изучении в различных сферах хозяйства, в том числе и школах, Конституции СССР.

А 10 февраля многонациональная держава широко отметила 100-летие со дня трагической гибели великого русского поэта А. С. Пушкина. По всей стране проводились пушкинские дни. Откликаясь на события в стране, газета «Знамя ударника» сообщает, что комитеты комсомола колхозов «Красный партизан», «Страна Советов» им. Фрунзе, «ОГПУ» провели пушкинские вечера с лекциями о жизни и творчестве поэта, читкой его

стихов. Силами любителей драмы, членами драмкружков были поставлены спектакли по пушкинским произведениям.

Там же газета оповестила о создании в Каневской клуба «ворошиловских кавалеристов». Члены клуба – не только любители конной езды, но и казачья молодёжь. Перед конниками была поставлена задача продемонстрировать искусство верховой езды, джигитовки к ноябрьским праздникам не только на районных, но и на краевых скачках.

Среди районных новостей – сообщение о начале подписки на районную газету, о проблемах школы малограмотных, о краевом слёте стахановцев сельскохозяйственного труда, в котором участвует и делегация Каневского района.

Уголовный розыск раскрыл деятельность преступной группы, занимающейся криминальными абортами (*на тот период аборты в стране были запрещены, за исключением случаев медицинской патологии – **прим. автора***). Двое организаторов были привлечены к уголовной ответственности.

Весьма категорично отреагировала районная газета на факт превращения клуба в колхозе «Индустрия» станицы Привольной в общежитие для конюхов и склад конной упряжи. И тут же ложку дёгтя, образно говоря, попытались нейтрализовать позитивными фактами. Сообщили, что на прибыль, полученную от продажи зерна, тем же колхозом был куплен трёхтонный автомобиль ЗИС-5. А ранее по такой же схеме были приобретены две полуторки ГАЗ-АА и духовой оркестр.

В порядке освещения празднования 23 февраля газета писала, что в клубе станицы Александровской была поставлена пьеса украинских авторов «Кровь за кровь».

«Знамя ударника» с удовольствием сообщила, насколько в Каневском районе велик спрос на велосипеды – только Стародеревянковское сельпо продало сдатчикам зерна 158 велосипедов и приняло заявки ещё на 50 штук.

В общую картину благополучных событий районного значения вторгаются сообщения центральных газет. 18 февраля вся пресса с прискорбием известила о смерти наркома тяжёлой промышленности Серго Орджоникидзе – одного из уважаемых в стране государственных деятелей. Соболезнования поступали долгое время со всех концов многомиллионной страны.

Тревожные вести поступали из республиканской Испании, где так и не затихала гражданская война. Проведя серию тяжёлых битв, республиканцы сумели организовать наступление по широкому фронту, чтобы выбить мятежников из Малаги. На очереди – Гренада, впоследствии воспетая советскими поэтами. Газеты констатировали факты прямого вмешательства фашистской Германии в войну на стороне мятежного генерала Франко. Борьба республиканских войск велась, причём уже на пределе сил, и с собственными фашистами, и против мировых агрессоров. В то же время германские военно-морские силы совершили акт прямой агрессии в испанских территориальных водах, обстреляв корабли торгового флота и захватив пиратскими методами три торговых судна. И при этом они угрожали новыми актами агрессии.

В то же время так называемая «мировая общественность» в лице Англии, Франции и США требовала в соответствии с международным соглашением о невмешательстве в дела Испании запретить въезд добровольцев-интернационалистов в эту страну. Акцент сделан особо в отношении добровольцев из СССР – им дорога в Испанию должна быть закрыта. Что касается Германии, она наплевала на разные там соглашения, ведя напрямую агрессию против законного республиканского правительства Испании (*вам это ничего не напоминает? – **прим. автора***).

Тут же газеты сообщают о правительственных награждениях ряда работников главного управления «Севморпуть», а также лиц из числа рядового и командного состава военно-морских сил РККА.

По-прежнему высокий рейтинг имеет газета «Знамя ударника». На её страницах публикуется всё, что интересует читателей, прежде всего рядовых тружеников. В кинотеатре демонстрируются новые звуковые фильмы. А ещё колхоз «Большевик» за счёт продажи зерна купил четыре грузовых автомобиля и выстроил гараж (*есть фото, на котором кирпичный гараж смотрится очень неплохо, и даже мог бы вписаться в нынешний индустриальный пейзаж – **прим. автора***).

С большим подъёмом прошла XIV районная партконференция.

В духе кампании по пресечению троцкистских заговоров на Стародеревянковском маслосырзаводе арестованы директор и завхоз, которые под видом сооружения канализационного коллектора украли и разбазарили 206 тысяч рублей государственных средств. Итог: ни коллектора, ни денег. По вине директора Стрелкова пропало 1700 кг сыра, от бескормицы погибли лошади (*были ли арестованные троцкистами – вопрос, но ворами они были первостатейными! – **прим. автора***). По тем временам 206 тысяч – сумма астрономическая.

Опубликовано в газете и выступление районного прокурора, вставшего на защиту уволенной учительницы из хутора Рыкова, Яковенко Анастасии, которую освободил от работы районный комитет народного образования якобы за ненадлежащее исполнение обязанностей. Оказалось, что её избивает муж, запрещает ей ходить на работу, закрывает в кладовке, морит голодом. В результате прокурорского расследования была дана оценка действиям мужа-садиста; восстановлена не только гражданская, но и профессиональная честь молодой учительницы. И на работе она была восстановлена.

Сообщали корреспонденты и о том, что из сада колхоза «Красный партизан» Куйбышевской МТС было похищено 80 фруктовых деревьев. Воры вскоре были пойманы в резуль-

тате быстрого расследования, проведённого комсомольцами Марией Передерий и Алексем Сторчаком.

Газета «Знамя ударника» сообщила о высокой раскрываемости хозяйственных и уголовных преступлений с помощью активных граждан и, конечно, о нескольких судах над спекулянтами, ворами, расхитителями социалистической собственности. Не обошла вниманием районная пресса и факты бесхозяйственности, откровенного головотяпства. Так, журналисты раскритиковали председателя сельсовета хутора Мигуты Кузнецову за порубку деревьев на территории детских яслей.

Районная газета решилась даже на критику районного комитета ВКП(б). Было сообщено о ротозействе и небрежном отношении к партийным документам, о необходимости повышения партийной дисциплины (*и это в период «массовых репрессий и террора». Возможно ли подобное сегодня? – **прим. автора***).

И вновь центральную прессу пронзили серии сообщений с фронтов Испании. Переполоха добавило заявление министра иностранных дел испанской республики Альвареса дель Вайо. Анализируя боевые действия за Гвадалахару, он обратился к мировому сообществу, констатируя, что если бы не прямое вмешательство фашистской Германии, принявшей сторону франкистов, гражданская война завершилась бы ещё в декабре 1936 года. На стороне мятежников выступали десятки тысяч германских и итальянских солдат.

От автора: *как и события Второй Мировой войны, так и гражданская война в Испании, окончившаяся победой фалангистов, остались лишь в анналах истории да в памяти немногих ещё живых героев Второй Мировой. Сегодня зарождается новая Мировая война, и мир балансирует на грани ядерной катастрофы. Новые разжигатели войны из-за океана и продажные политики, отроду пороха не нюхавшие, готовы ввергнуть мир в бездну.*

А ведь ростки Второй Мировой войны появились именно в Испании. В то же время советское правительство отчаянно взывало к разуму мирового сообщества с требованием остановить кровопролитие. Испанская республика была растерзана, обескровлена. Весь мир ужаснулся, когда германский воздушный флот в лице «легиона Кондор» буквально стёр с лица земли городок Гернику со всеми жителями. В то время мир ещё не видел столь страшной и масштабной военной операции с воздуха по уничтожению мирного населения.

Я не сторонник импрессионизма и мало что в нём понимаю, но и меня потрясла картина Пикассо, запечатлевшего поверженную Гернику. А, если вдуматься, ведь небольшой испанский город был лишь репетицией перед бенефисом фашистской Германии, прелюдией жуткой войны, развязанной гитлеровцами спустя два года в мирной и благополучной Европе. Потом так будут гореть польские города, а с 1941 года – города СССР.

Тогда, в 30-е годы XX века, человеческая память и история не знали ещё столь масштабной гибели мирного населения в странах, оккупированных впоследствии фашистами. В Советском Союзе в результате бомбёжек, прямых военных действий, карательных операций немецко-фашистских войск погибло (по разным сведениям) около 17 млн мирных жителей.

Невольно напрашивается аналогия с нынешним веком. События 1936 – 1937 годов перекликаются с недавними событиями в Ираке, Ливии, Сирии, Украине. И не так ли сегодня Президент и правительство РФ взывают к разуму разжигающих новые и новые очаги напряжения агрессивных политических кругов USA, то и дело ввязывающихся во внутренние дела суверенных стран, протаскивая на штыках свою гегемонию, организуя «цветные революции», гражданские войны по всему миру? Поистине, они не ведают, что творят, или слишком хорошо знают. Но, так или иначе, снова наш хрупкий мир, вся цивилизация, стоит на краю бездны новой Мировой войны.

В 1937 году СССР был окружён если не врагами, то не слишком дружественными соседями наверняка. И мирная жизнь часто прерывалась чередой войн и конфликтов.

В марте газета «Правда» сообщила, что Подольский механический завод освоил выпуск швейных машин, пришедших на смену машинам Зингера. Отечественная модель отличалась большой надёжностью, выполняла 12 операций. В 1937 году их было выпущено 600 тысяч штук, что на 120 тысяч больше, чем в 1936-ом. «Правда» также сообщила, что в лаборатории Центрального автоклуба в Москве заканчивается сборка первого советского скоростного автомобиля на основе ГАЗ-А; скорость – до 130 км/ч.

Районные новости в «Знамени ударника» – о подготовке к празднованию 1 Мая, в частности, о предстоящем обустройстве станичного парка имени 1 Мая. А ещё о том, что 15 велосипедистов готовятся к велопробегу по маршруту Каневская – Привольная – Стародеревянковская – совхоз «Кубанская Степь» – Каневская. Велопробег планировался не только как спортивное мероприятие, он преследовал и другую цель – проверить готовность с/х машин и «живого тягла» к хлебоуборочной кампании. Старт был запланирован на 29 апреля.

Из опубликованной программы празднования 1 Мая стало известно, что в демонстрации примут участие 200 физкультурников, 300 велосипедистов, 2 взвода «ворошиловских кавалеристов». На стадионе состоятся соревнования по бегу и прыжкам. Встретятся футбольные команды Каневской и Стародеревянковской. Праздник продолжится 2 мая гуляниями в Летнем Саду и скачками на ипподроме. В духе предпраздничного оживления «Знамя ударника» сообщила о предстоящем майском снижении (!) цен на товары широкого потребления, от 5 до 20 %.

Нашлось место и критическим материалам. Читателей взволновала редакционная статья под броским названием «Виновника смерти колхозницы к ответу». В ней сообщалось, что по вине дежурного конюха колхоза им. Калинина Каневской МТС умерла роженица. Без матери остались 6 детей. Вина конюха по фамилии Сучок состояла в том, что он отказался выделить лошадей для экстренной доставки колхозницы Дорошенко в родильное отделение районной больницы. Статья вызвала общественный резонанс. Жители потребовали привлечь хамоватого конюха к суду. И можно не сомневаться, что виновник был строго наказан.

Следом появилась статья о деятельности, вернее, бездеятельности фельдшера хутора Мигуты Москаленко. Он отказывался лечить больных, вёл себя крайне высокомерно, грубил, унижал пациентов. На полевых станах, находившихся в его «юрисдикции», отсутствовали элементарные бытовые условия для колхозников, кухни-пищеблоки – в антисанитарном состоянии, пища была низкокачественной, в бытовых помещениях царила жуткая грязь. Газета потребовала от здравотдела оценить профессиональные качества и моральный облик медработника.

В плане освещения событий в стране районка сообщила о третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР.

15 мая центральные газеты писали о второй годовщине Московского метрополитена им. Кагановича. За свою короткую историю метрополитен перевёз 205 млн пассажиров. Следом прозвучала ещё одна радостная для трудящихся новость: с 1 июня правительство СССР снижает цены на 349 наименований хлопчатобумажных тканей, широкий ассортимент тканей из льна, постельные принадлежности, обувь, швейные изделия. Снижаются цены на изделия повышенного спроса, галантерейные товары, мебель, музыкальные инструменты. Естественно, такое сообщение встретили всеобщим ликованием.

На первых страницах газет появилась статья об открытии 25 мая на Международной выставке в Париже павильона СССР, ставшего самым крупным из иностранных павильонов.

Краевая газета «Молот» опубликовала Постановление Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) и крайисполкома «Об уборке хлебов в колхозах в 1937 году». Документ обязывал хозяйства в уборочную страду проявить организованность, высокую эффективность труда, чтобы убрать урожай без потерь.

9 июня завершила работу Ростовская городская партийная конференция. В результате, по отчёту горкома ВКП(б), конференция установила, что руководство крайкома в лице Шеболдаева и Ларина оторвалось от народных масс, потеряло доверие партии и способствовало вражеским действиям японо-германских, троцкистских и бухаринских бандитов. Проходила своего рода перекличка краевой прессы с центральной, а 12 июня центральные газеты сообщили, что был приведён в исполнение «расстрельный» приговор военной коллегии Верховного Суда СССР в отношении троцкистской группы маршала Тухачевского, куда входили Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Фельдман, Примаков, Путна. Один из обвиняемых (Гамарник) покончил жизнь самоубийством.

Спустя несколько дней в краевом «Молоте» был опубликован отчёт Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) о политической и хозяйственной деятельности крайкома и положении дел на текущий момент. Это был доклад недавно избранного Первого секретаря Ефима Евдокимова. Подвергнув решительной критике деятельность крайкома в предыдущем составе, он отметил, что в результате политической беспечности, близорукости и потери бдительности в руководство краевого комитета партии и ряда партийных организаций пробрались злейшие враги партии и народа. В его речи, изобилующей хлёсткими фразами, – немало славословий в адрес великого вождя товарища Сталина. Заключительные слова Евдокимова: «Социализм победил окончательно и бесповоротно!»

В тот же день состоялся и пленум Азово-Черноморского крайисполкома. Пленум исключил из состава Президиума и пленума бывшего председателя крайисполкома Ларина – как врага народа. Из состава были выведены заместитель Ларина Ивницкий, а также Савуш, Ляшенко, Ильченко.

Комментарий автора: *ранее со всех постов был снят Первый секретарь крайкома Борис Шеболдаев. Он, Ларин, а также вновь назначенный Первым секретарём крайкома Евдокимов, иже с ними начальник КубОГПУ Попашенко являются прямыми организаторами и виновниками голодомора на Кубани и Дону (1932 – 1933 гг.). И никто иной, как Ефим Евдокимов был в то время представителем ОГПУ на Дону и Северном Кавказе. Это на их совести сотни тысяч жизней ни в чём не повинных людей. Ещё при жизни они были прокляты за свои злодеяния.*

А в 1937 году он в ореоле славы, награждён четырьмя Орденами Красного Знамени. Зато остальным жить остаётся недолго. По сути, это справедливая кара за всё, совершённое ими. Но в обвинительных документах всё в духе общепринятой фразеологии борьбы с троцкизмом, нет ни слова о голодоморе. Пройдёт время, и участь соратников разделит Евдокимов, также обвинённый в троцкизме.

В угоду политическим амбициям и в плане кампании по дискредитации Сталина все они были реабилитированы как жертвы политических репрессий. Две улицы в Ростове-на-Дону переименованы в честь Шеболдаева и Ларина. Нонсенс: улицы называются именами палачей и кровопийц!

Чтобы раскрыть внутренний моральный облик одного из исполнителей и организаторов голодомора на местах, хочу рассказать о деятельности и мерзкой смерти начальника политотдела Албашской МТС

бывшего Новоминского района Зайцева. Приезжая в подведомственные колхозы, сытый, довольный, в генеральской бекеше, он спрашивал стоящего перед ним навытяжку качающегося от голода председателя: «Сколько у тебя скотов сдохло?» Тот робко отвечал: «30 или 40». Зайцев вальяжно пояснял: «Я спрашиваю не за скотину, за потерю хотя бы одной лошади я тебя расстреляю. А эти саботажники пусть дохнут, и чем больше, тем лучше…» Таков был облик одного из мерзавцев, оказавшегося на проверку бывшим белогвардейским офицером. Так было ли вредительство?

Мною давно была получена информация от сотрудника областного ростовского архива, причастного к документам о расстреле группы Шеболдаева. В числе расстрелянных и Зайцев. В отличие от остальных, смерть принявших достойно, этот «бывший барин» перед расстрелом вёл себя действительно как скот – визжал, катался по земле, изворачивался и даже обгадился. Офицер, исполнитель приговора, от омерзения всадил в это животное ещё две не предусмотренные протоколом пули.

Долгое время с подачи тогдашнего руководителя страны Хрущёва было создано, и существует по наши дни, мнение об абсолютной необоснованности сталинских репрессий. По-видимому, однозначного ответа тут не существует. А разве Никита Сергеевич в те страшные и великие годы почивал на облаке, как святой? Или задуманные разоблачения были попыткой обелить себя и своих соратников?

До сих пор нет точных цифр жертв репрессий. Да, репрессии были, и немало народу погибло, и здесь были ответственные, и нельзя всё валить лично на Сталина. На фоне истошного воя, поднятого ангажированными отечественными историками либерального толка по дискредитации советской истории, наши недруги за рубежом пошли ещё дальше. Они уничтожают памятники советским воинам-освободителям, сравнивают Сталина с Гитлером, а советский строй – с фашизмом.

Сегодня для историков открыты многие архивы, и исследователям с ясной гражданской позицией, для которых профессиональная честь превыше всего, стоит объективно разобраться и оценить всесторонне не только 1937 год, и развеять мифы о десятках, а то и сотнях миллионов жертв сталинских репрессий. Я же представляю на суд читателей события всего одного, пусть и проблемного, года.

В среде динамичных событий первой половины 1937 года промелькнуло скромное сообщение в центральной прессе о смерти Марии Ильиничны Ульяновой – сестры основателя Советского государства В. И. Ленина, как сообщалось в правительственном некрологе, *«старейшего члена ВКП(б), члена Бюро Комиссии советского контроля при СНК СССР»*.

21 июня страна отметила первую годовщину смерти Алексея Максимовича Горького.

30 июня в Кремле состоялся приём покорителей Северного Полюса. 16 июля – новый беспосадочный перелёт по маршруту Москва – аэродром Щёлково – Северный Полюс – Северная Америка. В составе экипажа – Громов, Юмашев, Данилин. Полёт проходил в крайне неблагоприятных метеоусловиях, длился 62 часа 17 минут и потребовал необычайного мужества экипажа. Расстояние по прямой составило 11500 км.

Примета 1937 года – высочайший уровень патриотизма. Молодёжь бредила путешествиями на Северный Полюс, межконтинентальными перелётами, авиацией, флотом. Красную Армию, советскую авиацию и флот боготворила буквально вся страна. В то же время в шквале антитроцкистской кампании в тюрьмы и лагеря попадали правые и неправые. Ныне в глаза бросается абсурдность происходящих в стране разборок.

Чувствуется определённое напряжение и в сообщениях районной газеты «Знамя ударника». В статье с броским призывом «К расстрелу подлеца!» речь шла о том, что освободившийся из мест заключения бандит Хижняк Василий, пробывший на свободе всего два дня, убил учительницу-комсомолку Матрёну Демидову, имевшую неосторожность в своё время выступить на суде по делу об изнасиловании девушки, совершённом Хижняком. В станице Привольной, где происходили события, прошли митинги с требованиями сурово наказать убийцу. В унисон с произошедшим в Привольной и в плане оценки более ранних событий на страницах газеты появились призывы: «Удесятерим свою бдительность!», «Будем бдительны!», «Горячо приветствуем приговор суда!», «К врагам Родины будем беспощадны!» – это в духе оценки суда над группой Тухачевского. Письма в поддержку требования наказать убийцу Хижняка и приговора Военной Коллегии Верховного Суда СССР поступили от коллективов предприятий, колхозов, совхозов, учреждений, комсомольских собраний, в том числе и от учащихся средней школы № 1.

Были и более мирные публикации. Так, газета сообщала, что в колхозе им. Фрунзе Каневской МТС комбайнёры находятся в поле без горячей пищи. Газета строго предупредила руководство колхоза о недопустимости подобного, осудив бездеятельность завхоза Пачева.

1 июля появилась статья «Вражеская ставка» о вредительской деятельности председателя колхоза им. Шевченко Стародеревянковской МТС Мануйлова. Он уже не раз был героем критических публикаций, и, образно говоря, «набил оскому» у читателей своей безнаказанностью, и не только. За ним шлейфом тянулись воровство, пьянки, вопиющая бесхозяйственность. Он мог во время уборочной забрать от комбайнов трактора, используя их по личному усмотрению и даже в личных целях. В газету на него пожаловалась колхозница Лямина, и пока шли разбира-

Каневская, кинотеатр «Родина». 1964 год.

тельства, он вдоволь покуражился над беременной женщиной, принуждая её к тяжёлому физическому труду. Вообще, издеваться над колхозниками – это было в стиле Мануйлова. И он доигрался: был обвинён в троцкизме и подрывной деятельности *(это в отношении того, что арестовывали «совсем безвинных» – **прим. автора**)*. Он манипулировал даже трудоднями колхозников, незаконно лишая заработанного тех, кто его критиковал.

Газета потребовала снять с должности бригадира колхоза «Политотделец» Привольненской МТС за административный беспредел и издевательства над колхозниками. Как далеко это от реалий нынешнего времени!

Писали журналисты и о фактах поджога хлебов, порчи техники, умышленного уничтожения колхозного имущества, издевательства над «живым тяглом», приводившего к падежу лошадей и быков. За всем этим авторам критических материалов виделись сплошь происки троцкистов и вредителей. Таковы приметы того сложного и противоречивого времени.

Каневской народной суд осудил бывшего управляющего райсельхозснабом, а ныне директора жилкоммунтреста Жиманова за незаконную продажу 10 жилых домов, принадлежащих коммунтресту, за административный произвол, издевательство над подчинёнными, воровство, разбазаривание средств. А деньги от продажи домов он без зазрения совести прикарманил. Вот ещё одна жертва «политических репрессий».

Уже следующем номере статья «Кулацкое руководство колхоза имени Шевченко разоблачено» сообщала об аресте Мануйлова, его помощников и собутыльников.

Статья «Нет заботы о людях»: селькор сообщает, что бригадир 4-ой бригады колхоза им. Яковлева Стародеревянковской МТС не организовал подвозку воды в поле колхозникам, варварски относится к «живому тяглу», всячески унижает людей. Факты, указанные в заметке, подтвердились, и бригадир был снят с должности.

По вине кладовщика колхоза «Политотделец» Куйбышевской МТС Солодовникова пропало несколько мешков сушёных фруктов. Их стоимость будет внесена виновным в кассу.

«Жулик Шаманский орудует»: брынзовар овцефермы колхоза им. Фрунзе из-за недолива молока, отпускаемого на питание в бригады, наживался на людях. За три месяца он «сэкономил» более 200 литров молока.

«Одёрнуть грубиянов»: огородник колхоза «Правда» Христю и его сын грубо и нецензурно оскорбляют колхозников.

«От ответа не ушёл»: в ранее опубликованной заметке «Не дают ходу ход» говорилось, что кладовщик колхоза имени «XVII партсъезда» Подопригора расхищал колхозное зерно. Суд приговорил его к году исправительных работ.

Кинотеатр «Азчеркино» (будущий кинотеатр «Родина») демонстрирует новый звуковой фильм «Последняя ночь».

Центральная пресса пестрит разными сообщениями. 21 июня «Правда» сообщила о беспосадочном перелёте авиаторов группы Чкалова, Байдукова, Белякова по маршруту Москва – Белое море – Кольский полуостров – Земля Франца Иосифа – Северный Полюс и через Северный Ледовитый Океан в Северную Америку. 22 июня полёт завершился.

«Зверства японских оккупантов»: в Бенпин-Тяньцзинском районе Китая сосредоточено 40 тысяч японских войск. Новая агрессия японского империализма в Северном Китае приобретает всё более широкий характер.

Продолжение в следующем номере.

Константин БАНДИН

НИКОГДА НЕ ЗАБУДУТ ЖИВЫЕ!

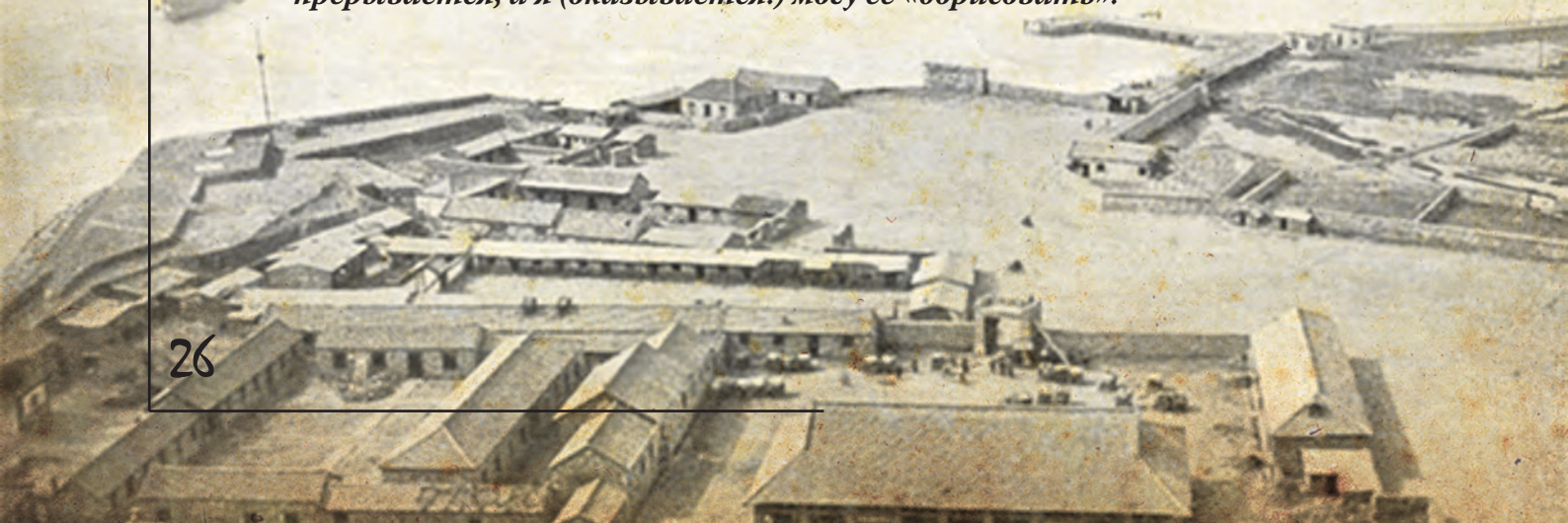
«Большинство людей, что, наверное, естественно, уходя в мир иной, затухают, подобно электролампочке, и перестают существовать в материальном и духовном мире общества. Лишь малый круг родных и близких вспоминает о них добрым или другим словом. Фёдор Андреевич Щербина в этом отношении исключение. Он, как переставшая существовать звезда, светит нам и поныне», – писал когда-то В. А. Цветков в своей биографической книге о нашем великом земляке – исследователе истории Кубани и общественном деятеле.

Хочется от имени всех каневчан поблагодарить автора книги «Фёдор Щербина: хроника биографии и библиография» (ст. Каневская, 1999 г.) за его, без преувеличения, трепетное отношение к истории родного края и от себя лично добавить, что имя самого Валентина Цветкова стало достоянием истории нашего района.

Его не забудут ещё и потому, что он не только открыл и исследовал для нас целый пласт родной истории, но и указал путь, по которому следует идти новому поколению краеведов.

По своей работе мне часто приходится обращаться к исторической литературе, чтобы отыскать ответы на нелёгкие вопросы, возникающие в процессе производственной деятельности. И тут снова и снова выручают книги Валентина Цветкова.

Исследуя родословную Ф. А. Щербины, я наткнулся на одну ветвь его родового древа, которая меня весьма заинтересовала. В книге Цветкова она прерывается, а я (оказывается!) могу её «дорисовать».



Герой Русско-японской войны генерал от артиллерии **Василий Фёдорович Белый** (двоюродный брат Ф. А. Щербины по материнской линии) родился в семье сотника Черноморского казачьего войска Фёдора Григорьевича Белого в Екатеринодаре в 1854 году. В армии с 26 июня 1869 года. Учился в Майкопском юнкерском училище (в 1870 году), затем проходил службу в артиллерийских частях Кубанского казачьего войска. Принимал участие в русско-турецкой войне 1877 – 1878 годов, где получил Орден Святой Анны IV степени и Орден Святого Станислава III степени.

В 1900 году направлен в Квантунский отряд в Маньчжурии. В 1901-ом стал начальником крепостной артиллерии в Порт-Артуре. Воевал с Японией. Награждён боевыми (с мечами) орденами: Святой Анны I степени, Святого Станислава I степени и Святого Владимира II степени, а также Золотым оружием (саблей) «За храбрость».

После капитуляции крепости Порт-Артур 20 декабря 1904 года он оказался в плену. Старшие офицеры и генералы имели возможность уехать на родину, дав неприятелю подписку с обязательствами больше не участвовать в войне с Японией. Почти все царские генералы, включая самого главного в Квантунском укрепрайоне генерала-адьютанта Стесселя Анатолия Михайловича (старшая дочь Белого была замужем за сыном Стесселя Александром) сделали это. На вопрос командующего, почему генерал Белый не поступает, как они, Василий Фёдорович ответил: «Я перестал бы себя уважать, если бы дал такую подписку врагу. Я сын великой России и останусь им до конца дней своих».

После возвращения из плена назначен председателем комиссии по приёму бывших военнопленных из японских лагерей, а 27 февраля 1906 года В. Ф. Белый назначается начальником крепостной артиллерии Владивостока.

6 декабря 1908 года произведён в генерал-лейтенанты. А в апреле 1911 года ему был пожалован чин генерал-адьютанта с последующим увольнением с военной службы по болезни. 7 января 1913 года Василий Фёдорович Белый умер в Царском Селе (ныне город Пушкин).

У генерала Белого была жена **Мария Фоминична**, с которой у них было шестеро детей (в книге В. А. Цветкова указана только одна дочь «Стесселъ (Белая) ... Васильевна», как мне удалось установить, её звали Раиса). Четверо сыновей: Иван, Вячеслав, Олег, Леонид. А также две дочери: старшая, ставшая женой Стесселя Александра Анатольевича, и младшая – Лидия Белая, по мужу Кобеляцкая.

А где же Варя Белая, о которой писал в романе «Порт-Артур» писатель А. Н. Степанов? Оказывается, Варя – вымышленный литературный персонаж, за которым, по признанию автора, он спрятал младшую дочь Белого Лиду. Напомню, когда вышел в свет роман «Порт-Артур», во главе МВД страны находился Лаврентий Берия, последствия могли быть самыми печальными. Именно в образе Вари Белой воплотился героизм порт-артурской женщины, который надо было показать, следуя канонам соцреализма.

Сын генерала Белого **Иван Васильевич** погиб в сражении под Мукденом в 1905 году. О нём вскользь говорится и в романе «Порт-Артур»: Варя рассказывала о брате, воюющем где-то на реке Ялу (река Ялуцзян на границе с Кореей), а значит, бывшем участником ещё и битвы под Тюренченом. Узнав о гибели сына, генерал Белый произнёс: «Вечная ему слава, он с честью выполнил свой долг».

Другой сын – Белый **Олег Васильевич** (1890 года рождения), тоже офицер – в годы Гражданской войны воевал за белых. Во время боёв под Нежином (Черниговская губерния) был тяжело ранен; находясь в окружении, застрелился, чтобы не попасть в плен.

Белый **Леонид Васильевич** – артиллерийский офицер – вместе с отцом участвовал в обороне Порт-Артура; награждён орденом Святого Георгия IV степени.

На русской батарее в Порт-Артуре.

О **Вячеславе Васильевиче** Белом (1884 года рождения) известно, что он был офицером Кубанского казачьего войска, служил в Собственном Его Императорского Величества конвое. Умер в Марселе 11 апреля 1970 года. Если находился в эмиграции, значит, был активным участником белого движения.

Старшая дочь **Раиса Васильевна** Белая (по мужу Стессель) стала женой офицера, разделив с ним тяжёлую военную судьбу. В декабре 1919 года её муж полковник А. А. Стессель был комендатом Одессы. Раиса Васильевна работала в лазарете гвардейской бригады сестрой милосердия. Вместе с мужем участвовала в Бредовском походе, когда разбитые части белой армии вместе с беженцами отправились из района Одессы в Польшу. Была эвакуирована в Зеленик (Черногория). 8 сентября 1920 года на пароходе «Владимир» вернулась в Россию, на территорию, находящуюся под контролем белых. После разгрома Врангеля в эмиграции (во Франции) с 1937 года – член-соревнователь Союза Царскосельских стрелков (одна из эмигрантских военных организаций).

Младшая дочь **Лидия Васильевна** Белая (по мужу Кобеляцкая) – единственная из семьи генерала Белого осталась после Великой Октябрьской социалистической революции в России. В годы войны Российской Империи с Японией смелая девушка была сестрой милосердия и под взрывами вражеских снарядов спасала раненых.

Интересно, что у Л. В. Кобеляцкой (Белой) была полная тёзка: всё сходилось, кроме годов рождения и личных занятий. Это запутало многих исследователей. Лидия Кобеляцкая, урождённая Хижинская, была писательницей, писала рассказы из жизни Олонецкого края, где жила раньше.

Дочь генерала Белого литературой не занималась, работала врачом; известно лишь её интервью журналу «Родина» (№ 2, 1962 года). Пока позволяло здоровье, ухаживала за могилой отца в городе Пушкине. Затем туда приезжала её дочь **Наталья**. Однажды, когда она наводила порядок на могиле деда, к ней подошла группа экскурсантов, и один из них сказал: «Сердечно благодарим Вас за то, что Вы чтите память геройского генерала и очень уважаемого нами человека». О том, что перед ними внучка В. Ф. Белого, люди не знали.

Последние годы жизни Лидия Васильевна провела в Кисловодске. Вела активную переписку с участниками русско-японской войны, в том числе и с дочерью генерала Кондратенко, погибшего в 1904 году при обороне Порт-Артура, Марией Романовной, которая жила в Саратове.

...Всё дальше уходят от нас события героических лет, но мы свято храним память о славных соотечественниках. Благодаря книгам таких замечательных писателей, наших земляков, как В. А. Цветков, имена их не канули в Лету. А после ухода самого автора книги о Фёдоре Щербине его дело продолжит молодое поколение исследователей истории и краеведов.

Лидия Кобеляцкая, она же Варя Белая. 1962 год.

Могила генерала Белого в Царском Селе.

Казацькому роду
нэма пэрэводу

90 лет назад завершился первый советский передел казачьей земли

Александр ДЕЙНЕВИЧ

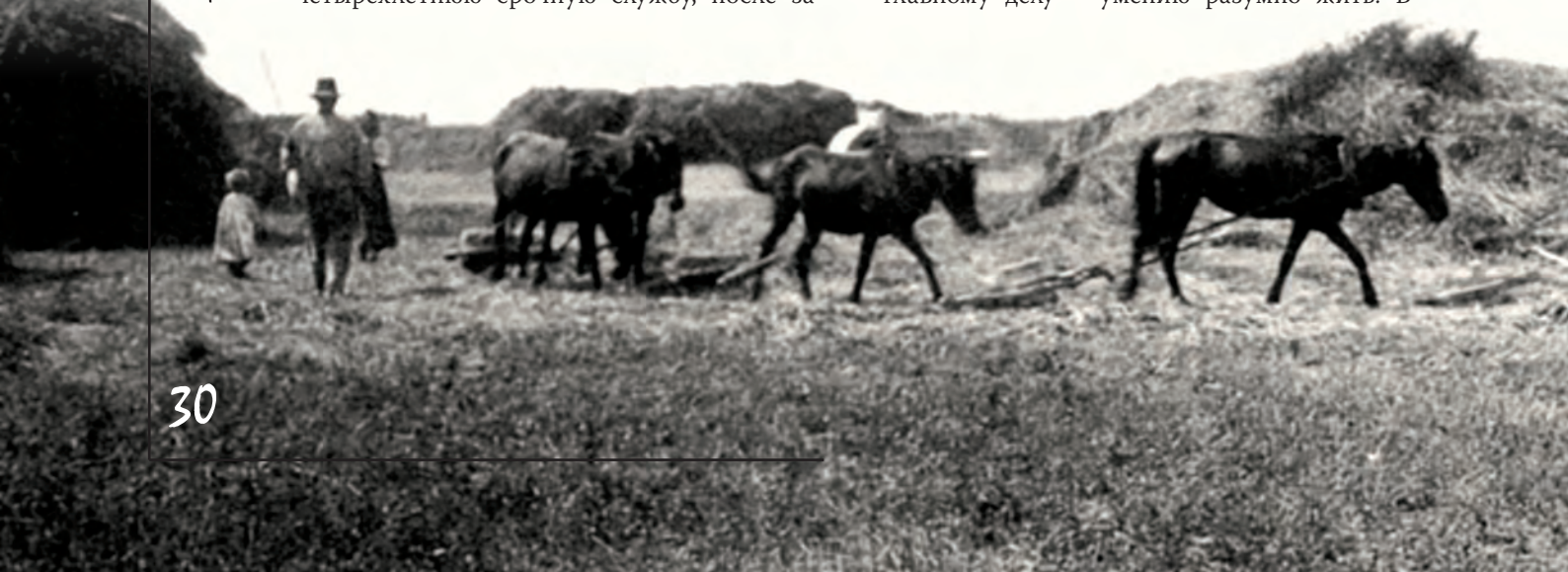
КАК ДОСТИГАЛОСЬ КАЗАЧЬЕ «ДОВОЛЬСТВО»

По страницам истории станицы Новодеревянковской

80-летие образования Краснодарского края, широко освещаемое в СМИ, практически заслонило и отодвинуло на второй план не менее памятную для сельскохозяйственной Кубани дату – 90-летие окончания первого советского массового передела казачьих земель (наделов). Начавшееся в 1924 году, оно растянулось на три года и завершилось в конце 1927-го.

Известно, что в дореволюционной Кубанской области землёю наделялось преимущественно мужское население. И земля давалась казаку не просто так, а являлась как бы условной платой за военную службу в казачьих частях, которая и была главной обязанностью казака. Каждый казак, достигший 18 лет, принимал военную присягу и был обязан посещать строевые занятия в станице (по одному месяцу осенью и зимой), проходить обучение в военных лагерях. По достижении 21 года он поступал на четырёхлетнюю срочную службу, после завершения которой приписывался к полку и до 38 лет должен был участвовать в трёхнедельных лагерных сборах, имея коня и полный комплект обмундирования, являться на регулярные строевые военные сборы. Всё это требовало много времени, поэтому в казачьих семьях большую роль играла женщина, которая вела домашнее хозяйство, заботилась о стариках, воспитывала младшее поколение.

А семьи на Кубани были большие – этого требовала постоянная нужда в рабочих руках. Отец и мать, дед и бабка учили детей главному делу – умению разумно жить. В



основе житейских заветов, которым следовала казачья семья, были идеалы строгой доброты и послушания, взыскательного доверия, совестливой справедливости, нравственного достоинства и прилежания к труду.

Казаки любили детей и рады были рождению и мальчика, и девочки. Но мальчику радовались больше, так как к традиционному интересу к рождению сына как продолжателя рода примешивался интерес чисто практический – на будущего воина общество нарезало земельный надел.

Советская власть, объявившая землю общенародной собственностью, отменила этот «пережиток прошлого», и первое советское землеустройство было уже уравнительным, сориентированным на число едоков. Земельные наделы получили все родившиеся до 15 июля 1924 года, в том числе и те, у кого не было ни лошадей, ни инвентаря. Если последний передел закреплял за казаком земельный пай 7,5 десятины *(одна десятина равнялась 2400 квадратным саженям или 1,092 га – **прим. автора**)*, то теперь норма, установленная на одного едока, составляла 2,1 га.

Земледелец, получив в пользование землю и право распоряжаться произведённым продуктом, превратился, по мнению устроителей «новой жизни», в реального хозяина земли.

Вместе с тем, практическая работа на земле показывала, что в одиночку развивать хозяйство трудно. Часть крестьянских хозяйств для успешной обработки земли стала добровольно объединяться. Так, после установления Советской власти, ещё осенью 1920 года хлеборобами Мотько, Парасоченко, Салопёком и другими на базе хутора есаула Слабизиона была организована коммуна «Красный козак», куда вступили 63 семьи.

– *Основной состав коммуны – это голь перекатная, беднота,* – вспоминал активный участник установления Советской власти Иван Павлович Выростков. – *Ни у кого ничего собственного не было, а помещиков, где можно было бы позаимствовать тягло и инвентарь, тоже не было. В те годы государство ничем помочь коммуне не могло.*

Стансовет нарезал коммуне 500 десятин земли. Военкомат (военком Шинкаренко) выделил 13 лошадей и некоторый инвентарь. КОВ (Комитет общественной взаимопомощи; председатель Салопёк) – 5 лошадей, коекакой инвентарь и около 200 пудов хлеба. Мотько привёл трёх лошадей и пару бычков, Сусидчиха – двух лошадей.

Так коммуна собрала около 50 лошадей и необходимый инвентарь. Засеяли озимой 225 га, гарновки 183 га, 40 га кукурузы. Начало было хорошее. Но в 1921 году приключилась засуха, хлеб почти не уродил. Коммунары поникли и в 1922-ом засеяли всего лишь 93 га озимой, яровой и кукурузы. На 1923 год урожай был хороший, но его было недостаточно, чтобы прокормить коммунаров, и в 1924 году коммуна рассыпалась.

В эти же годы на землях станичного юрта организовывается коммуна «Крестьянская пора» в составе 34 человек. А в 1925 году появляется сельскохозяйственная артель «Заветы Ильича».

– *В нашей артели насчитывалось 52 семьи,* – продолжал И. П. Выростков. – *Артели был передан инвентарь коммуны. Председателем артели был Овчаров Иван Александрович. Члены правления – Зайченко Яков Степанович, Пешехонов Кирилл Лаврентьевич, Салопёк Феофил Максимович и я. Мотько Кирилл Захарович – председатель ревизионной комиссии. Артель была организована на паях. Члены артели платили членские взносы. Артель была крепкая, дружная и работоспособная. Я и Мотько в артели работали сезонно – на пахоте и уборке. Остальное время: я – грузчик, Мотько – в сельпо. Пытались было и зажиточные кулаки организовать артели по совместной обработке земли, но это была фикция. Дело в том, что они не обобществляли своё имущество и прибегали к найму рабочей силы.*

В отличие от коммуны, члены которой не имели личного подсобного хозяйства, где все средства производства и землепользование обобществлялись, а распределение осуществлялось по едокам, сельхозартель оставляла право хлебороба на личное жильё и подсобное хозяйство, а доходы от труда распределялись уже не уравнительно, а по вложенному труду и его качеству.

Комсомолец 20-х годов Яков Петрович Вакуленко вспоминал, что в те же годы, в период перехода к НЭПу, на землях станичного юрта как простейшая форма коллективного

хозяйствования появляется и ряд ТОЗов (товариществ по совместной обработке земли): «Дружба», «Заря», «Красные перемены», «Согласие», «Свободный труд»… В этих товариществах орудия и средства производства, принадлежавшие хлеборобам, не обобществлялись, а, оставаясь в их частной собственности, только совместно использовались. Объединялись земельные наделы, покосы, велась совместная обработка. А при распределении доходов владелец сельхозинвентаря и рабочего скота за их использование получал определённую долю дохода в дополнение к доходу за свой пай и внесённый труд.

Основная же масса населения станицы и хуторов к новым формам общественного труда отнеслась безразлично и продолжала заниматься хлеборобством семьями. По расхожему выражению: «гуртовэ – чортовэ», считалось, что порядочные люди в коммуну не идут.

Положительное влияние на подъём сельского хозяйства оказал закон от 1922 года «О трудовом землепользовании», разрешавший сдачу в аренду всего земельного надела или его части теми хозяйствами, которые не могли обрабатывать землю в силу определённых причин. Развитие арендных отношений позволило более эффективно использовать землю, сельскохозяйственные орудия и инвентарь и, таким образом, служило усилению экономического роста народного хозяйства.

В целом же сельское хозяйство страны первой половины 20-х годов представляло собой миллионы мелкотоварных крестьянских хозяйств. Экономические связи между собой и с другими отраслями народного хозяйства они осуществляли в основном через рынок.

Вот здесь и хочется более подробно остановиться на доколхозном казачьем хозяйстве, рассказать, как казачьей семье доставался хлеб, и почему хлебороб не спешил отдать его за бесценок (а то и бесплатно) целой уйме нахлебников, которых казачья станица раньше и не знала. Уж очень много вымыслов, а то и небылиц, появилось о лёгкости приобретения хлеба и безбедном существовании «прислужников царизма» в досоветский период.

Так как же достигалось то «довольство», которым без стеснения попрекали многие десятилетия казачество те, кто не пахал и не сеял?

В казачьих семьях трудились не покладая рук все. Очень рано приобщались к труду дети, с 5 – 7 лет они уже выполняли посильную работу. Отец и дед обучали сыновей и внуков трудовым навыкам, выживанию в опасных условиях, стойкости и выносливости. Матери и бабушки обучали дочек и внучек умению любить и беречь семью, рачительному ведению хозяйства.

С 6 – 7 лет у ребёнка появлялись устойчивые хозяйственные обязанности, при этом труд приобретал гендерное разделение: мальчика привлекали к мужским занятиям, и он постепенно переходил в отцовскую трудовую сферу, девочку – к женским.

Иван Александрович Овчаров, председатель первой новодеревянковской сельхозартели «Заветы Ильича».

С 5 – 6 лет мальчик обучался управлять лошадью, сидя на ней верхом, ему поручали таскать во время молотьбы снопы. С 8 – 9 лет он учился запрягать лошадь, управлять ею, сидя и стоя на подводе. В этом возрасте его уже посылали на летний ночной выпас лошадей. В 9 – 10 лет мальчик учился бороновать поле после пахоты: вёл под уздцы запряжённую в борону лошадь или ехал на ней верхом. В 12 – 13 начинал пахать, а в 16 – 17 лет – косить.

Не владея такими навыками, подросток не смог бы стать полноправным членом общества, и привлечение мальчиков к работе на земле было одним из наиболее важных моментов в передаче трудовых навыков, необходимых для самостоятельной жизни. Занятие землепашеством воспринималось как основа полноценного мужского статуса.

Становясь помощником отца, – вступая в трудовую жизнь семьи, – мальчик участвовал во всех его работах. Овладение мужскими хозяйственными навыками сопровождалось и обязательным привлечением к заботе о лошадях: он давал им корм, подавал напиться, летом гонял на речку на водопой.

К 15 годам подросток считался годным ко всякой мужской работе и если нанимался в работники, получал плату, равную взрослой. Он считался правой рукой отца, заменой его в отлучках и болезнях.

Цикл работ на казачьем наделе начинался с пахоты. Это была самая трудная работа. Хозяева, имевшие одну – двух лошадей, са-

мостоятельно справиться с ней не могли и вынуждены были объединяться или сдавать землю в аренду. С детских лет познал этот труд и Илья Варивода:

– Сложив на гарбу сельхозтехнику – двухлемешный плуг (пукарь), борону, истык, а заодно четыре мешка посевного зерна, оклунок ячменя для лошадей, паляницу хлеба и кусок сала, – с таким багажом утром мы с дедушкой уехали в степь. До передела земли в 1924 году казак-крестьянин получал 7,5 десятин на мужчину, женщины землёй не наделялись. А поскольку нас было три мужика, то наш пай занимал 22,5 десятины. Обработать их тремя лошадьми было нельзя.

Многие малолошадные казаки спрягались, но такие спряжки зачастую рождали споры и раздор, и мой дед несколько десятин земли отдавал в аренду кулаку или зажиточному середняку и за это брал в пользование на всё лето ещё одну лошадь.

Четыре лошади с трудом тянули двухлемешный плуг с захватом вспашки 25 – 30 см и глубиной 10 – 12 см, вспахивая за день не больше одной десятины. Я ходил в борозде за плугом, очищая истыком лемеха. Дедушка всегда меня хвалил, гладил мою голову и говорил: «Молодец, онучок, надо всё делать хорошо и красиво».

Загоны брали маленькие, десятины две. Сперва пахали толоку, а потом по стерне и, в последнюю очередь, бывший баштан. Каждый хозяин обрабатывал свой участок земли по трёхпольной системе: поле колосовых, поле под толоку, поле сенокосное.

Землю под будущий урожай пахали в июне – июле, но неглубоко – это называлось «под чёрный пар». А в августе – сентябре перепахивали уже под зябь. Пахали на глубину до пяти вершков (20 – 22 см). В день один хозяин поднимал полдесятины, и такое хождение за плугом занимало до трёх недель ежедневного труда. Ранней весной, как только можно выехать в поле, поле бороновалось и засевалось.

Посевы были только весенние, а изредка и осенние – одну-две десятины вспахивали под озимую, исключительно для хлеба – для питания семьи. Сеяли вручную, вразброс, а позже конными сеялками, которые покупали вскладчину либо брали в аренду. За день такой сеялкой можно было засеять до трёх десятин. Зерно, во избежание зарастания поля сорняками, старались использовать очищенное.

Пропашные культуры (подсолнечник, кукурузу) высевали вручную – под тяпку и под плуг. Появление перед войной буккеров, которыми можно было одновременно пахать и сеять, было для крестьянского хозяйства значительным продвижением вперёд.

– Трудный был хлеб, – подтверждает Иван Петрович Вареник. *– Чтобы вспахать десятину, надо пройти по ней 30 вёрст. И не просто пройти. Надо удержать в борозде непослушный плуг, погонять лошадей, самому не упасть, натыкаясь уставшими ногами на комья земли. А ещё боронование, посев, косьба, копнение, подгребание, подвоз хлеба на ток... Простая прикидка ошеломляет: чтобы вырастить урожай, на каждой десятине надо проторить дорожку длиной 70 – 80 километров... С плугом, бороной, вилами, граблями, непослушной лошадью, упрямым быком. Потея и набивая мозоли и шишки.*

Особенно тяжёлыми были полевые работы в страдную пору – уборка урожая. Работали от зари до зари, жить перебирались всей семьёй в поле, домашними делами занималась свекровь или старшая невестка.

Самой напряжённой летней порой оставалась косовица. Ручная коса с производительностью до полдесятины в день уже практически не использовалась. На смену ей пришла косилка – жатка-лобогрейка, которую покупали чаще всего вскладчину. В косилку запрягали цугом (гуськом) две пары лошадей. На переднюю правую лошадь сажали мальчика, который правил первой парой, а вторая пара находилась под управлением отца, деда

Одноконный молотильный каток – «прадедушка» комбайна.

Деревянный амбар для хранения зерна – непременная и обязательная принадлежность каждого казачьего двора. Хутор Албаши. 2002 год.

или старшего брата. Ещё один человек – скидальщик – сидел сзади на косилке и короткими вилами отгребал от косы скошенный хлеб, формировал валок и вручную сбрасывал его на поле. Это была самая трудная и ответственная работа, требующая большого напряжения физических сил. Орудуя вилами или граблями, человек буквально обливался потом – недаром эту простейшую жатвенную машину прозвали лобогрейкой!

Более дорогой машиной была жатка-самосброска, которую вела пара лошадей, а обслуживал один человек. Производительность её была выше лобогрейки почти в два раза: за день скашивали до пяти десятин. Самосброска укладывала срезанную пшеницу на платформу и периодически сама сбрасывала её в виде валка на стерню. За ней, также, как и за лобогрейкой, шли подбиральщицы сброшенного хлеба, сносившие его в небольшие копицы.

Прямо в поле на земле делали ток для обмолота зерна. Выравнивалась площадка радиусом до 6 – 9 метров, её поливали водой, посыпали половой, хорошо утаптывали. Лишнее сметалось. Подвозились снопы и укладывались по кругу ровным толстым слоем. Лошади запрягались в прицепные рамы с закреплёнными катками и с погонщиками (обычно это были подростки), и начинался обмолот.

Ребристые катки для молотьбы зерна, изготовленные из природного камня или бетона, закупали в городе Ейске. Большие катки (семирёберные), под пару лошадей, достигали веса 15 – 18 пудов; малые (шестирёберные), весом 8 – 10 пудов, могла катать одна лошадь.

– Четыре катка с запряжёнными лошадьми шли один за другим. Я сидел верхом на первом коне и с утра до вечера, не вставая с рыжего, вертелся не только по кругу, но и на коне, так как натёр до крови своё «мягкое место». Это была участь каждого погонщика на току в те времена, – рассказывал в 1985 году Фёдор Иванович Марушко.

Мало что изменилось и в первое доколхозное десятилетие Советской власти. Вспоминая 1920-е годы, Илья Дмитриевич Варивода делился:

– Жаркая, трудная пора наступала во время косовицы и молотьбы. Вручную уже не косили. Косилки были двух видов: четырёхкрылая «Маккормик» и пятикрылая «Жестон». Запрягали четырёх лошадей. На сиденье сидел косарь, который управлял косилкой и парой задних лошадей. На правого коня передней пары сажали малыша от пяти до восьми лет. Если кому из пацанов не удавалось с первого раза овладеть верховой ездой, и он падал, то его привязывали к седлу, а через день – два всё шло как по маслу.

Я сел на коня в семь лет. Сначала больше старался держаться за гриву, чем за поводья уздечки, а потом привык, стал хорошим наездником, и даже соседи просили дедушку отпустить меня поездить у них на косовице.

Но более длительной по времени была молотьба. Вся семья, от мала до велика, от зорьки до поздней ночи работала на току. Утром по росе, чтобы не так осыпалось зерно, мы с дедом тягали 7 – 8 копиц на ток, а 10 – 12 ставили вокруг тока. Из тех, что на току, бабушка, тётя Шура, тётя Маруся и мама делали в центре круга стожок и настилали ток.

Закончив подготовку к обмолоту, садились снідати (завтракать). За это время

роса спадала, солнце отрывалось от горизонта, и начиналась молотьба.

При наличии трёх лошадей пару дедушка запрягал в дроги, а третья шла за ними – тянула каток. Ещё один каток дедушка закреплял под дрогами. Эта своеобразная молотильная машина, включающая два каменных катка, четыре колеса, шесть пар лошадиных ног, обмолачивала за день 10 – 12 копен (около полдесятины). А количество копен в разные годы было разным: в хорошо урожайные – 18 – 20, в засушливые – 8 – 10.

Управлял молотильным «гарнитуром» дедушка. Он сидел на передке, держа в руках вожжи и батіжок, приучая живых тягачей ходить точно по краю и только справа налево. Жёсткие дроги дедушка застилал стареньким ліжником или рядном, куда усаживал меня и двух братьев. Нежным касанием конца кнута он приводил такую карусель в движение. Мы занимали удобные места: кто сидел, кто лежал, а дедушка под равномерные ритмичные выстукивания катков хрипловатым голосом заводил песню «Ой, у полі озеречко»…

*Ток убирали поздно вечером. Благо было, когда светила луна, или чистое звёздное небо. Непровеянное зерно вместе с половой ручными деревянными граблями сгребали в ворох. За день молотьбы вокруг тока образовывался соломенный вал, который убирали в последнюю очередь, ночью или ранним утром, складывая в скирду. Не каждый умел заложить причілок (боковую часть – **прим. автора**), углы скирды, вывершить её по строго обтекаемой форме. Правильно сложенная скирда выглядела, как игрушка.*

Дедушка и я – самый старший и самый младший – укладывали 15 – 20 трёхпудовых крестьянских мешков на ход, готовясь отправить зерно домой, в станицу.

Жизнь в те дни была устроена так, что нужно было трудиться с пяти лет. Работать упорно, настойчиво, не доедая, не досыпая, сутками…

Лошади с катками ходили по разостланному по кругу хлебу от краёв к центру. После нескольких проходов хлеб, так же по кругу, переворачивался деревянными вилами, и работа продолжалась. За световой день удавалось провести два таких обмолота. После каждого обмолота солому и полову складывали в скирды, а оставшееся зерно сгребали в центр тока, в ворох.

Значительно облегчили труд хлебороба стационарные молотилки, которые тоже можно было купить в Ейске. Но стоимость их (5000 – 5500 рублей) была под силу только очень обеспеченным.

И это ещё было не всё. Намолоченное зерно нужно было довести до кондиции – провеять, освободив от половы, семян сорняков и другого сора. Ведь именно очищенное зерно становилось товаром, и оно же как семена было залогом хорошего урожая.

В ветреную погоду деревянными лопатами ворох подбрасывали вверх против ветра, делая примитивную очистку. Но, в основном, этим предпочитали заниматься дома – у многих имелись ручные веялки.

Мастером по изготовлению ручных веялок в станице считался иногородний Иван Иванович Фитье, проживавший по улице Столбовой *(сейчас ул. Широкая – **прим. автора**)*. Небольшая стоимость (15 – 20 рублей), позволяла иметь их в хозяйстве каждого хлебороба. Несложную деревянную машину можно было крутить руками и, при наличии возможности, через локомобиль. На такую веялку становились три человека: один, вращая ручку, приводил машину в движение, другой засыпал ворох в приёмный ковш, третий отгортал от веялки очищенное зерно и сор. Семена сурепки обычно также собирали и сдавали на маслобойню, где из них били дорогое постное масло, использовавшееся в пищу.

Очищенное от половы, сурепки, земли и другого мусора зерно хранилось хлеборобами в амбарах, являвшихся принадлежностью каждого казачьего двора. Амбары внутри были поделены на закрома, в которые зерно засыпалось сверху, а выгружалось снизу через специальное выемочное окно – шибер.

Деревянные амбары покупались в разобранном виде в Ейске, у торговцев лесом, доставлялись в станицу. И уже на месте доски, размеченные на каждую из сторон и на деревянные же закрома, соединялись шипами «в лапу», без гвоздей. С целью защиты от грызунов амбар, как правило, устанавливался на каменных блоках, выступая за их пределы. Крыша, в зависимости от достатка хозяина, покрывалась черепицей, железом, но использовался и местный материал – камыш.

Несколько таких казачьих амбаров, переступивших вековой рубеж своего существования *(хочу заметить, – подлинных, а не слепленных из фанеры и гипсокартона на показ публике – **прим. автора**)*, сохранялись до недавнего времени в центре отдалённого хутора Албаши, являясь вещественными памятниками нашей истории.

Зерно сбывалось купцам в ближайший портовый город Ейск, а позже отправлялось в ближе расположившийся, основанный предпринимателями-греками Креази и Архангеловым как хлебный порт, посёлок Ясенская Переправа. На берегу Ясенского гирла были возведены причалы, хлебные амбары и бараки для наёмных рабочих. Купцы предоставляли казакам навесы от дождя для лошадей и подвод и ясли для корма тягловой силы.

Но новая жизнь исподволь уже начала формировать потребность в таких формах объединения, которые обеспечивали бы хлеборобам сбыт их продукции, кредитование, закупку промышленных товаров. Эти вопросы, по мнению партии большевиков, могло решить объединение единоличных крестьянских хозяйств в коллективные, и второе землеустройство, проведённое сразу же, в 1927 – 1928 годах, было настроено уже на решение этой главной задачи, поставленной перед советскими органами в декабре 1927 года XV съездом ВКП(б).

Новоминские казаки в санитарном отряде 11-го кубанского пластунского батальона. Фото 1905 года (из архива Каневского районного музея).

Николай МРИНСКИЙ

КАЗАКИ-ПЛАСТУНЫ

...в глазах простого народа воин идеальный, воин по преимуществу мыслим всегда как казак.

Митрополит Антоний (ХРАПОВИЦКИЙ).

История казачества уходит в глубинные пласты далёкого прошлого. Его происхождению было посвящено немало интересных трудов. И всё же никто не отразил, пожалуй, так верно и образно историческую подоплёку зарождения казачества, как Н. В. Гоголь. Говоря о тяжёлом состоянии полукочующего угла Европы XV века, он писал: *«Когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников; когда, лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; когда на пожарищах в виду грозных соседей и вечной опасности селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда бранным пламенем объялся древле мирный славянский дух и завелось казачество – широкая, разгульная замашка русской природы... Это было, точно, необыкновенное явление русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед».*

Да, эти беды, а также стремление к независимости от иноземных поработителей и доморощенных крепостников выталкивали на окраины страны наиболее мобильную и энергичную часть славянского населения. Российское правительство, постепенно осознав значимость казачества, превратило его с помощью ряда законодательных актов в своеобразное сословие воинов. Тогда и появилось в «Толковом словаре» Владимира Даля следующее определение казака: *«Войсковой обыватель, поселённый воин, принадлежащий к особому сословию казаков, лёгкого конного войска, обязанного служить по вызову на своих конях, в своей одежде и вооружении».* И далее: *«Есть и пешие казаки, в числе которых более известны черноморские пластуны».*

Казаки появились в Запорожской Сечи ещё в XVI веке. Здесь, на юго-западной окраине Дикого поля, в приднепровских камышах, зарослях, запорожцы из засад наблюдали и отслеживали передвижения крымских татар и других недругов. В боевой обстановке при необходимости сближались с врагом, переползая – «пластаясь». Окружающая обстановка диктовала вольнолюбивым казакам свои каноны выживания. Где-то отвлёкся, за-

зевался, проморгал – и вот уже какие-нибудь турецкие или крымско-татарские искатели добычи заарканят тебя и потащат в ясыри к своим ханам, заодно тем самым нанеся немалый вред и всему сичевому товариществу. Так что держи, казак, ухо востро и оружие всегда наготове. По таким неписаным законам жила и воевала Сечь казацкая.

Название «пластун», по словарю Брокгауза и Ефрона, скорее всего, произошло от слов «пласт», «пластувати» – ползти, ползать, и обозначало сначала в Запорожском, Черноморском, а затем и Кубанском казачьем войске (далее ККВ) пешие отряды казаков, несущих сторожевую и специальную разведслужбу. Исследователь казачества Д. Кошкарёв также писал в начале XX века: *«Ещё запорожцы в днепровских камышах залегали пластом, высматривая подолгу то татарский чамбул, то неприятельский разъезд...»*

Перенесёмся на Кубань, которую по велению Государыни Екатерины Алексеевны должны были освоить и оборонять запорожцы, изгнанные в своё время царскими войсками из вольной Сечи, с родимой Хортицы. Здесь, в новых условиях, казакам прежде всего надо было выжить и укрепить своё Черноморское войско, свои курени. Им пришлось, по сути дела, стать пограничниками, защищавшими рубежи империи от набегов закубанцев и угрозы турок, чьи крепости стояли на Черноморском побережье.

Морские походы отошли в прошлое; чтобы отражать черкесские вылазки, нужно было садиться на коня. К тому времени настоящих запорожцев и их прямых потомков оставалось не так уж много – войско пополняли украинскими крестьянами в приказном порядке. И общий боевой уровень черноморцев, как их теперь называли, далеко не сразу стал соответствовать необходимым требованиям. Терские казаки, привычные к войне в горах, котировались в схватках с черкесами гораздо выше. Постепенно у черноморцев появлялись и совершенствовались новые хозяйственные и боевые навыки… Те, кто утверждает, что знаменитые пластуны на Кавказе в готовом виде принесли все свои навыки из Сечи, скажем прямо, преувеличивают. Кто же такие пластуны и какова их роль в истории черноморского и кубанского казачества?

Изначально пластуны были добровольцами (тогда говорили: «охотниками»), желавшими нести службу в пикетах по кордонным линиям войска. Туда отбирались выносливые находчивые смельчаки, меткие стрелки и, как бы сегодня сказали, безукоризненно владеющие приёмами рукопашного боя с применением холодного оружия. Этим воинам приходилось, будучи в дозоре или в тылу врага, часами лежать пластом на земле, не двигаясь, точно слившись с окружающей местностью, чтобы вести наблюдение. Отсюда и пошло название «пластуны». Один из 38 запорожских куреней, вероятно, имея наибольшее число таких «охотников», и получил название Пластуновского.

Известно, что пластуны начали действовать на берегах Кубани с начала XIX века. Достаточно долгое время формально они не были включены в штаты казачьих и пеших полков, однако поддерживали с ними тесную связь и оперативное взаимодействие. С учётом этих обстоятельств, правомерно считать датой создания российского спецназа 13 ноября 1802 года – день формирования в рамках Черноморского казачьего войска (далее ЧКВ) двух пеших полков, переименованных затем во 2-ой и 8-ой пластунские батальоны. В Русской армии старшинство пластунских частей отсчитывали с 1788 года.

В 1818 году герой Отечественной войны с Наполеоном генерал от инфантерии А. П. Ермолов был назначен командиром Кавказского корпуса. Вступая в должность и обследуя оборонительные линии, он обнаружил несколько пластунских команд *(ещё так не назывались – **прим. автора**)* и публично заявил, что эти команды и их люди совершенно не пригодны в военном отношении: *«Похоже, они даже пороху не нюхали»*. Генерал Власов возразил Ермолову и пояснил, что в созданных по его инициативе пеших командах казаков служат следопыты-разведчики, которым в корпусе нет равных. И это соответствовало действительности, в чём впоследствии убедился Алексей Петрович и стал сам, со свойственным ему размахом, энергично создавать такие мобильные команды.

Слово «пластун» впервые официально употребил донской генерал Максим Григорьевич Власов. 7 января 1824 года назначенный царём главно-управляющим ЧКВ по охране границ от набегов горцев, он сформировал особые отряды непревзойдённых стрелков, охотников. Они несли свою нелёгкую службу при пехотных и кавалерийских полках небольшими группами в 3 – 5 человек, выступая в роли застрельщиков, занимаясь разведкой и заготовкой дичи. По истечении времени пластуны на Кубани стали самыми надёжными стражами Черноморской кордонной (порубежной) линии и играли заметную роль в Кавказской войне.

Основу их тактики составляли сакма (след) и залога (засада). Большим мастерством считалось пластаться (от малороссийского глагола «пластать», те есть бродить по грязи, по болоту) по залогам – в камышах и окопах возле пикетов, в открытой степи посреди буйных зарослей тростников. Уметь убрать за собой собственный след, заглушить шум своих шагов в трескучем тростнике, поймать следы противника и сделать по ним безошибочные выводы. Пластуны умело подражали голосам диких птиц и зверей, сигнализируя друг другу об опасности.

Они совершали скрытые изнурительные переходы по потаённым тропам в стан неприятеля, чтобы добыть нужные сведения о его численности, коварных планах, или чтобы вызволить из полона своих или гражданских лиц, а то и захватить в плен языка.

На рисунке: черноморские пластуны в Шапсугском отряде на Кавказе. Литография В. Ф. Тимма.

Я. Г. Кухаренко говорил о пластунах: *«они с малолетства, пристрастясь к охоте, проводят всю жизнь в топких местах, заросших непроходимым тростником, где обитают одни дикие звери».* Считается, что самое удачное, краткое и образное определение пластунов дал И. Д. Попко – казачий полковник, предводитель дворянства, кубанский летописец: *«Особенный, единственный в своём роде разряд стрелков-разведчиков, предприимчивых, мужественных, неусыпных...»* Он также полагал, что в основе малороссийского слова «пластун» – лежит польское «plazy», то есть «ползающие».

Во многих литературных источниках неоднократно описан внешний вид пластуна: рослый или чуть ниже, сильный неутомимый казак с лицом, окуренным порохом, превращённым в бронзу непогодами, одетый, как самый бедный черкес, в потрёпанную с заплатами черкеску, в вытертую и порыжелую папаху, но в удостоверение беззаботной отваги заломленную на затылок; в чувяках (мягкая обувь без каблуков) из кожи дикого кабана, щетиною наружу... в изодранных шароварах. Вот такие, в будничном убранстве, голытьбовые (бедные) с виду воины составляли цвет казачьего войска, его особое почётное сословие.

Не зря известный историк, знаток казачьей старины Ф. А. Щербина с откровенным любованием давал характеристику черноморским пластунам как храбрым застрельщикам, лазутчикам и умелым разведчикам, способным находить выход из любой сложной ситуации.

Постоянные трудности и опасности выковали морально-психологический тип пластунов – людей, которым были присущи сила, ловкость и бесстрашие, сочетавшиеся у них с природным благодушием и непритязательностью к бытовым условиям. Дорисовывая портрет пластуна-черноморца, автор «Истории Кубанского казачьего войска» Фёдор Андреевич Щербина советовал: *«Прибавьте к этому: сухарную сумку за плечами, добрый штуцер в руках, привинтной штуцерный тесак с деревянной набойкой спереди около пояса и висящие с боков пояса так называемые причандалья: пороховницу, кулечницу, отвёртку, жирник, шило из рога дикого козла, иногда котелок, иногда балалайку или даже скрипку – и вы составите себе полное понятие о походной наружности пластуна, как она есть».*

Потомственный казак Ф. Щербина заключает свои исследования образа пластуна так: *«Пластун – произведение Черноморского казачьего войска, родился, крестился, вырос и исторически возмужал в Черномории под влиянием тех военных условий, в которых находился этот край».* А. Дьячков-Тарасов также считал, что *«в пограничных секретах Кубани выработались черноморские пластуны».* Шашку, ручные гранаты пластун носил только тогда, когда этого требовали воинский порядок и необходимость при ведении открытого боя. Что касается отличий в парадной форме одежды, то пластуны носили черкески цвета своих войск и, в отличие от других казаков, лампас не имели.

Профессионалы-охотники постепенно становились воинами-профессионалами. Пластунское движение ширилось и укреплялось. С Черноморской линии оно перекинулось на старую и новую Кавказскую линию, что тянулась по равнинным и предгорным районам юго-западного Кавказа до Усть-Лабинской крепости. Здесь, как и в изначальной Черномории, ни одно сколь-нибудь заметное предприятие не обходилось без участия пластунов. Среди них было много таких, кто без промаха на слух стрелял по едва обнаружившей себя невидимой цели и точно её поражал. Но в напряжённой обстановке вместо врага по слуховому восприятию можно было случайно подстрелить и кого-нибудь из своих казаков. Оттого-то и появился приказ по казачьим частям от 5 июня 1845 года о запрещении стрельбы на слух с целью недопущения нежелательных последствий.

В то время носить звание пластуна было почётно, хотя это и было связано с наибольшим риском. Поэтому пластуны имели свои правила, в частности, право подбора к себе новых молодых казаков. Принимали только того, кто «умел думать, размышлять», что означало действовать самостоятельно и находить выход из любого положения. Кто обладал природной удалью, отвагой, необыкновенным хладнокровием и выдержкой, имел безупречные зрение и слух, словом – верный взгляд и твёрдую руку для стрельбы без промаха, потому что один потерянный выстрел мог загубить всё дело. А ещё будущий пластун должен был быть отменным «ходоком» и «артельным» (уживчивым) человеком, превыше всего ценить общество себе подобных. Как правило, кандидатов выбирали ветераны и старейшины, которые учитывали не только вышеуказанные воинские достоинства казака, но и его характер, психологическую и физическую устойчивость к экстремальным ситуациям.

Одним из условий, предъявляемых кандидату, было происхождение его из заслуженной казачьей семьи, хорошо проявившей себя в военных действиях. Этот отбор был вызван необходимостью действовать долгое время в тылу врага, и здесь нужны были абсолютно надёжные воины, которые могли не только выполнить поставленную задачу, но и вынести к своим раненых и тела убитых казаков. Учитывая всё это, в пластуны обычно брали людей зрелого возраста, уже доказавших свои воинские и человеческие качества.

Пластуны – разведчики, зашедшие на территорию противника, – должны были рассчитывать только на собственные силы, изворотливость, хитрость, прекрасное знание местности. Многие из них владели черкесским языком, до тонкости знали обычаи горцев, их нравы, носили даже крашенную, как у них, бороду. Всё это позволяло пластунам, выслеживая неприятеля, пробираться далеко в аулы и, добыв ценную информацию от друзей-кунаков в среде местного населения, благополучно возвращаться в расположение своих войск.

Оружие у пластунов было более совершенным, чем у обычных казаков, штуцера их были дальнобойные.

Казаки-пластуны выработали свою особую тактику, которую П. П. Орлов так описывал: *«Хмуро, сурово смотрит вокруг пластун, готовый при первой возможности пустить меткую пулю в недруга или схватиться с ним врукопашную, надеясь на свою силу, ловкость и кинжал, а коли враг окажется сильнее, и его не одолеть, то, нанеся ему как можно больше вреда, самому удрать, да так, чтобы не поймали. Чтобы обмануть врага, пластуны снимали на бегу черкеску и накидывали её на куст, а сами, отойдя в сторону, снова пускались наутёк и снова накидывали бурку, а когда уже крепко начнут наседать, то вскочит в лес или плавни и пошёл метаться то вправо, то влево, то задкует, то есть идёт задом, то припадает к земле – змеёй ползёт. Ловят, ловят, бывало, и сутки, и двое такого молодца, да и бросят. Впрочем, бывало, что нет-нет да и застукают пластуна, тогда в неволе его ждёт железный ошейник, ножные кандалы с колодкой и яма. Да, всё бывало».*

Привлекались пластуны и для разблокирования осаждённых неприятелем казачьих укреплений. Так было, например, когда горцы численностью около трёх тысяч человек предприняли попытку захвата Крымского укрепления, расположенного за кордонной линией на реке Кубани. На помощь осаждённому гарнизону атаман направил отряд в составе сорока пластунов. Командовавший отрядом пластун Крыжановский поставил задачу – оттянуть на себя возможно большее количество атаковавших. При этом он умело выбрал позицию, рассредоточил и укрыл пластунов на берегу реки за стволами деревьев, принесённых во время весеннего половодья. Меткий огонь стрелков наносил неприятелю ощутимые потери. Попытки горцев в конном и пешем строю смять малочисленный отряд храбрецов успеха не принесли. После двухчасового боя пластуны во взаимодействии с гарнизоном укрепления вынудили нападавших отказаться от планов захвата и отойти.

Ещё один пример умелых действий и меткой стрельбы пластунов. В конце 40-х годов XIX столетия у Верхнебарсуковского поста на линию проскользнула шайка горцев, охотников за ясырем. Кордонные резервы Барсуковской и Невинномысской станиц загнали непрошеных гостей в поросшую лесом балку близ станицы Темнолесской и прочно их блокировали. На предложение сдаться те ответили выстрелами. Чтобы не «ходить в шашки», то есть врукопашную, и зря не подвергать смертельной опасности казаков, из Ставропольской крепости вызвали трёх пластунов, которым было поручено стрелять «на хруст», если кто-либо из шайки вздумает скрыться под покровом надвигающейся ночи. Когда взошло солнце, вся банда из четырнадцати человек оказалась уничтоженной, три раненых горца были захвачены в плен…

Первые четыре десятилетия XIX века в истории черноморского пластунства можно назвать периодом «полковых пластунов» или «военных товариществ». С 1 июля 1842 года, согласно новому Положению о ЧКВ, территория Черномории разделялась на три военных округа: Таманский, Ейский и Екатеринодарский. Военные округа обязывались выставлять в войско 12 конных полков, 9 пеших батальонов, 3 конно-артиллерийских батареи, Лейб-гвардии Черноморский казачий дивизион и гарнизонную артиллерийскую роту. Начинается и период «штатных команд». Теперь в каждом конном полку и пешем батальоне полагалась пластунская команда из 60 человек конных и 96 пеших.

31 января 1855 года Департамент военных поселений на основании высочайшего утверждения постановил: *«Застрельщиков конных полков (их было 12 – **прим. автора**) и пеших батальонов Черноморского казачьего войска <...> переименовать в пластунов и затем в каждом полку и батальоне иметь пластунов вместо 60-ти по 96 человек».*

Черноморские (кубанские) казаки были единственными, у кого имелись пешие казачьи части – 9 пластунских батальонов четырёхротного состава. Формировались они по тем же, обозначенным ещё в 1842 году, округам: Екатеринодарскому, Таманскому и Ейскому. Принцип службы, как и для конных полков, был трёхочередной, то есть одна часть несла кордонную службу, две другие находились на «льготе», поочерёдно сменяя друг друга. Командирами батальонов назначались, согласно положению, *«способные офицеры регулярной полевой пехоты».* Штат батальона состоял из одного командира в чине подполковника, есаулов – 4, сотников – 6, хорунжих – 4; нижних чинов: старших урядников – 10, младших – 12, казаков – 920. Казаки-пластуны несли сторожевую и разведывательную службу и в ЧКВ, и в Кавказском линейном казачьем войске.

Пластуны и линейцы служили на лошадях и, по выражению А. Шпаковского, *«представляли собой едва ли не лучших наездников, хорошо знакомых к тому же со всеми тонкостями разъездной и разведывательной службы. Пластуны-линейцы пользовались практически теми же приёмами, что и черноморцы, но при этом имели и много своего собственного».*

С момента образования ККВ в нём числилось 13 пеших батальонов. В связи с окончанием Кавказской войны они были отпущены на льготу. Черноморское казачье войско 19 ноября 1860 года по приказу военного министра *«в порядке эксперимента»* переименовывалось в Кубанское казачье войско с центром в городе Екатеринодаре. В его состав включались ещё и первые 6 бригад Кавказского Линейного казачьего войска с землями, которыми они пользовались, а также Азовское казачье войско. Первым наказным (не выборным, а назначенным) атаманом Кубанского войска в 1860 – 1861 годах стал генерал от инфантерии граф Н. И. Евдокимов – командующий всеми войсками, находившимися в Кубанской области на завершающем этапе Кавказской войны в 1860 – 1864 годах.

Настоящую воинскую доблесть пластуны проявили в 1854 – 1855-х, когда против России велась война Турцией, Англией и Францией. В составе регулярных русских войск и черноморских казачьих формирований пластуны бесстрашно дрались на бастионах Севастополя и прибрежных рубежах Таманского полуострова, у Новороссийска, Анапы и Ейска.

Крым в России называли «жемчужиной короны империи». Военные действия там начались 2 сентября 1854 года. Черноморские пластуны в Севастополь прибыли уже 10 сентября в составе двух пеших казачьих батальонов: 2-го (под командованием полковника Венедикта Головинского) и 8-го (командир полковник Иов Игнатьевич Беднягин). Их внешний вид не произвёл выгодного впечатления на моряков, солдат и офицеров регулярной армии. *«Незадолго до первой бомбардировки,* – писал один из армейских офицеров, – *прибыли казаки в своих изношенных до крайности полуазиатских костюмах <...> Со строем они решительно не были знакомы, но вооружение имели хорошее: бельгийские штуцера. Мы на пластунов имели мало надежды, судя по их малорослости и немолодым уже летам...»*

Однако очень быстро автор этих записок проникся доверием и уважением к казакам-пластунам. Уже 13 октября в сражении близ Балаклавы ими были захвачены четыре редута. А вот как описывает один из эпизодов боевых столкновений всё тот же Ф. А. Щербина: *«В октябре 1854 года под Балаклавой 120 казаков в качестве застрельщиков двигались впереди цепи Владимирского пехотного полка, имея задачей захватить французскую батарею <...> Они были рассыпаны по лощине, усеянной изредка мелким кустарником, и здесь налетел на них полуэскадрон африканских конных егерей с высоко поднятыми и ярко блиставшими на солнце саблями. Враги ожидали встретить обычный приём отражения атаки, в виде каре – построение в четырёхугольник, но пластуны с их крепкими нервами не растерялись, не стали строить кучек, присели, как были, в рассыпке, и каждый человек верным выстрелом с колена положил скакавшего на него всадника. Многие егеря упали, а оставшиеся в живых, не удержав лошадей, пронеслись в промежутках между пластунами. Не более десяти всадникам удалось ускакать обратно. Тогда в атаку на пластунов бросился другой полуэскадрон «африканцев». Казаки снова встретили его врассыпную и, подпустив на близкую дистанцию, уничтожили всех до единого, не потеряв ни одного из своих. После боя они шутили: «На Кавказе – не такие рубаки, как эти, и сабли у них другой выточки, да и то не помним такого, чтоб пластун со штуцером в руках, был изрублен в бою»».*

Пластунские команды сражались под Бахчисараем, на реке Каче, под Балаклавой. В Севастополе они находились на самых важных

и опасных участках обороны города: Малаховом кургане, 4-ом бастионе. Известен такой исторический эпизод. За высоким валом 4-го бастиона (ныне Исторический бульвар) враг установил мортирную батарею, которая навесным огнём сильно разрушала оборону города. 28 ноября 1854 года казаки-пластуны или, как их ещё называли, ползуны успешно справились с задачей по уничтожению батареи. *«В батальоне полковника В. В. Головинского вечером составили отряд охотников из 390 казаков, 50 моряков и 100 солдат. В полночь пластуны поползли к неприятельским траншеям и высмотрели расположение караулов. Под утро они повели отряд в обход караулов и после дружного залпа заняли траншею и батарею. Заклепав три больших орудия, казаки с помощью пленных (14 чел. – в их числе один полковник) французов утащили к себе ещё 3 шестипудовых ствола мортир».*

И таких фактов, эпизодов боевой работы пластунов – десятки. Князь Виктор Барятинский (1823 – 1904 годы) в мемуарах свидетельствовал: *«4-й бастион, состоявший под командой адмирала Новосильского, в начальный период осады служил главной целью атаки англичан и французов, считавших его ключом Севастополя. Можно было беспрестанно ожидать его штурма, и бастион подвергался неумолкаемому, убийственному огню. Прислуги около орудий уже оставалось совсем мало. Тогда пластуны, никогда не имевшие дело с дальнобойными орудиями, дружно приступили к пушкам и смело взялись за мудрёное для них дело. Через полчаса они уже смело вели огонь из всех орудий, да так здорово, что неприятель вынужден был прекратить штурм бастиона».*

Интересно, что горцев как противника казаки ставили гораздо выше, чем французов и англичан: *«Немало было хороших стрельцов у англичан и французов, но до горцев не дойдут: не понимают, когда стрелять, когда выждать, – тоже, как и наши солдаты. Насчёт рукопашки и говорить нечего: горцы смелее и завзятее; один будет спереди налазить, а два другие с боков хватят, и не увидишь как...»*

Противнику очень не нравились «технические» приёмы пластунов, и особенно два из них, когда пленным они связывали за спиной большие пальцы рук, а часовых снимали каким-то особо устроенным крючком. *«После одной вылазки,* – пишет П. С. Мягков, – *где участвовали казаки, французский главнокомандующий Канробер жаловался на них начальнику войск Южной стороны Севастополя: «Не желая утверждать, что эти средства были противны правилам войны, я позволю себе заметить, что это оружие вовсе не учтиво»».* Уже другой командующий французской экспедиционной армии маршал Сент-Арно писал в донесениях: *«Какие-то казаки парализуют осадные работы, поголовно выбивая всю прислугу штурмовых батарей».*

Уничтожая таких богатых, цивилизованных, хорошо вооружённых и обученных противников как французы и англичане, пластуны также несли большие потери. После каждой вылазки оставшиеся в живых получали по рублю серебром, семьям погибших

Укрепление Георгиевский (или «Липкинский») пост. 1862 год.

Кубанские пластуны на русско-японской войне 1904 – 1905 годы. Построение перед смотром.

отправляли по 30 рублей. После восьмимесячной тяжёлой севастопольской эпопеи численный состав обоих пеших батальонов, где имелись штатные пластунские команды, сократился более чем вдвое.

Командующий Русской армией генерал от артиллерии М. Д. Горчаков в одном из приказов отмечал: *«Служение сказанных (пластунских) батальонов под Севастополем при блистательной храбрости <…> выходит из черты обыкновенных военных заслуг».* Уже прощаясь лично с убывавшими на Кубань черноморцами, князь Горчаков сказал: *«Я счёл своим долгом к вам выехать и поблагодарить вас за долголетнюю службу; вы заслужили благодарность Государя и всей России: пластунов теперь знают везде».* Отличились при защите Севастополя и были награждены пластуны И. Кравченко, И. Чиж, П. Белый, Д. Онищенко, братья Сопельняки, П. Семак. Не зря тогда в рабочем кабинете императора появилась статуэтка черноморца-пластуна...

Отечество по достоинству оценило подвиги пластунов: каждый месяц участия в Крымской войне был зачтён им за год военной службы. Оба кубанских пеших пластунских батальона стали первыми строевыми частями ЧКВ, награждёнными Георгиевскими знамёнами: 2-му батальону пожаловано знамя с надписью «За примерное отличие при обороне Севастополя 1854 и 1855 годов», 8-ой батальон награждён знаменем с надписью «За отличие при взятии крепости Анапы 12 июня 1828 года и беспримерное мужество при обороне Севастополя 1854 и 1855 годов». Почти все нижние чины получили Георгиевские кресты, медали, многим из них были присвоены офицерские звания. Да сохранятся в веках в памяти народной имена героев казаков, сложивших головы за Отечество.

Осада Севастополя английскими и французскими войсками, считавшимися в тот период времени самыми подготовленными в техническом обеспечении, показали несовершенство боевого вооружения Русской армии. Французские стержневые штуцеры в 3 – 4 раза перекрывали дальность отечественных ружей и гладкоствольных пушек, что приносило русским войскам большие потери при обороне своих позиций и во время атаки на неприятеля. Учитывая эти обстоятельства, и задействовали пластунов, но несмотря на их успехи и героизм солдат и офицеров, противнику, как известно, удалось захватить Севастополь… Спасли честь России и Крыма малоизвестные, но выдающиеся военные операции генерала Н. Н. Муравьёва по осаде и взятию турецких крепостей Карс и Эрзерум.

Активное участие в боевых действиях на территории Османской империи (на так называемой «кубанской линии») принимали казаки-пластуны, которыми командовал генерал-майор Яков Петрович Бакланов. «Гроза Кавказа» в своих записках упоминал о каждодневной фронтовой работе разведчиков-пластунов: *«В одну прекрасную ночь я отправлюсь лично с моими пластунами к чакмахским батареям, осмотрю их, измерю рвы и спущусь в шорахский овраг, чтобы видеть, куда вести кавалерию…»* Боевые действия Кавказской армии привели к завоеванию стратегических крепостей и обширных территорий противника, которые на Париж-

ских переговорах Россия обменяла на Севастополь и другие русские города, занятые союзниками турок – Англией и Францией.

В 1860 году в штате пеших батальонов ККВ были утверждены стрелковые роты, что означало юридическую ликвидацию в них пластунов. Главная причина таких перемен проистекала из того, что *«война закончилась, и пластуны утратили своё назначение»*. К такому выводу пришёл штаб войск Кубанской области и изложил его в докладной записке Главному штабу Кавказской армии. Тем не менее, в конных полках пластуны (в виде пеших команд) сохранялись ещё 10 лет.

В середине XIX века была построена Адагумская укреплённая линия, протянувшаяся от нынешнего хутора Тиховского Красноармейского района до Новороссийска. Входивший в её состав Георгиевский пост, появившийся в июне 1860 года, прикрывал подступы к недавно основанным станицам Нижне- и Верхнебаканской. Занимал он стратегическое положение, перекрывая выходы сразу из двух ущелий. Вокруг шумел настоящий липовый лес, поэтому изначально иначе как Липкинским пост не называли, или говорили о нём просто – Липки.

В мае 1862 года пост принял сотник Ефим Миронович Горбатко с 40 казаками 3-ей роты 6-го Черноморского пешего батальона. Все заступившие на службу пластуны были из станиц Ейского отдела: Уманской, Староминской, Старощербиновской, Камышеватской. Лишь один сотник, прозванный горцами за ярость в бою и начальственный вид «Султаном», – из Екатеринодарской станицы.

Укрепление представляло собой место, огороженное двойным слоем плетня. Внутренняя часть ограды была заполнена землёй. Напротив ворот стояла сторожевая вышка и высилась земляная насыпь с пушечкой. Деревья не были вырублены на достаточном расстоянии от поста, и горцы могли обстреливать его, скрываясь в лесу. Но самое главное – существовала огромная «мёртвая зона» для пушки. Между стенами укрепления и поражаемым местом *«могли проходить целые колонны не только пешие, но и конные»*.

Ночь с 3 на 4 сентября 1862 года выдалась тёмной, сырой и ветреной. К тому же под утро пошёл дождь и пополз из-за гор туман. По боковому ущелью, выходящему к Неберджаевскому ущелью, двигался отряд горцев-натухайцев (одно из черкесских племён) численностью до 3000 человек пеших и около 400 конных всадников. Впереди отряда шли дозорные. Их целью было напасть на станицу Верхнебаканскую, но отряд слишком долго собирался и когда подошёл к кромке леса, то начало светать, и незаметно проскочить линию укреплений было уже невозможно. У входа в Неберджаевское ущелье горцы наткнулись на казачью засаду – внезапность нападения была сорвана. Казаки на посту услышали выстрелы и приготовились к бою.

Канонир сделал несколько сигнальных выстрелов, но из-за дождя и ветра казаки на других постах их не услышали. Вот тогда молодые горцы решили, чтобы поход не прошёл даром, уничтожить гарнизон Липок. Старейшины разубеждали их, боясь понести большие потери, но мнение «горячих голов» возобладало. Это стоило жизни двум сотням натухайцев и тяжких ранений ещё стольким же.

Атака горцев началась в пять утра. Первый залп пластунов через бойницы и орудийная картечь сразу повалили на землю до сотни натухайцев. Затем враги полезли на стену, но их сбивали прикладами, штыками. Масса черкесов, копошившаяся под стенами укрепления, была удобной мишенью, и пули пластунов пронизывали часто по два человека сразу. Все ждали выстрела пушки по наседающим горцам. Но пушка молчала – порох отсырел, и ничто не мешало горцам рубить топорами плетень у ворот. В конце концов, часть стены рухнула, и в образовавшийся пролом хлынула жаждавшая мести толпа.

Вот как описывает дальнейшие события в своей статье «Сотник Горбатко и его сподвижники» есаул Никита Вишневецкий, впоследствии ставший генералом (Русский архив, № 11, 1889 г.), который буквально за сутки до трагедии заходил в укрепление передохнуть со своим небольшим казачьим отрядом: *«Мгновенно пост принял ужасающий вид: валялись тела убитых, мучились с раздирающим воплем и проклятиями раненые...»* В короткой и жуткой резне погибли все казаки, защищавшие центральную часть поста. Сотник Горбатко бился со словами: «Не робей, братцы!» И упал от удара шашки, шепча всё то же: «Не робей, не робей…»

Канонир Ромоальд Баруцкий (не будучи казаком, он не попал позже в списки погибших), окружённый врагами, подорвал вместе с собой ящик с артиллерийскими зарядами. Оставшиеся ещё в живых 18 казаков, защищавшие западную и восточную части укрепления, под командой урядника Ивана Мольки отошли в казарму. На предложение горцев сдаться гордо ответили, что «пластуны в плен не сдаются; сдадимся, если сам царь велит». И продолжали отстреливаться. Тогда нападавшие подожгли бревенчатую казарму. Из неё так никто и не вышел – казаки предпочли сгореть заживо. Ни одного из 35 защитников Липкинского поста во главе с сотником Горбатко в живых не осталось.

Только утром следующего дня на пост прибыло подкрепление. В проломе и у бойниц были обнаружены 17 тел погибших героев, в том числе сотника Горбатко. Спустя сутки они были похоронены в братской могиле на старом кладбище станицы Неберджаевской. Героизм защитников Липкинского поста потряс горцев. Несмотря на собственные огромные потери, натухайцы всегда с гордостью говорили о пластунах, с которыми им довелось сражаться. И бой за пост превратили в настоящую легенду; шашка сотника Горбатко переходила в их среде из рук в руки по баснословным ценам.

8 сентября отряд полковника Орла вскрыл сгоревшую казарму и обнаружил 18 обуглив-

шихся трупов казаков. Останки 35 героев, в том числе 9 казаков-уманцев, были похоронены рядом с бывшим постом на берегу речки Неберджай. Над останками погибших во дворе укрепления и похороненных в окрестностях станицы Неберджаевской в 1882 году был установлен памятник с высеченным текстом на нём: *«С изволения Его Императорского Высочества, главнокомандующего Кавказскою армиею Великого Князя Михаила Николаевича, сооружён Кубанским казачьим войском сей памятник в воспоминание на веки славного подвига неустрашимости, самоотвержения и точной исполнительности воинского долга, оказанного командою из 35 человек 6-го пешего Кубанского казачьего батальона, бывшего в гарнизоне поста Липкинского при отражении нападения трёхтысячного скопища горцев 4 сентября 1862 г., причём убиты неприятелем начальник поста сотник Горбатко и 34 человека нижних чинов, именно: урядник станицы Староминской Иван Молька, казаки той же станицы: Сергей Цисарский, Михаил Вовк, Яков Юдицкий, Григорий Тримиль, Семён Радченко, Михаил Линец, Иван Пича, Иван Ивченко, Фёдор Яковенко, Афанасий Чмиль, Роман Романенко, Филипп Дудка, Ерофей Иванский; казаки станицы Старощербиновской: Леонтий Тыцкий, Савва Колясник, Василий Волошин, Емельян Ильченко, Василий Подгорний, Петр Прозоря, Фёдор Вивчарь, Фотий Сковорода, Феодосий Степаненко, Василий Моршук; казаки станицы Уманской: Семён Андрющенко, Дмитрий Рясик, Козьма Родионенко, Михаил Ермоленко, Трофим Соловьян, Каленик Козик, Василий Филобок, Григорий Пинчук, Куприян Устиненко, и казак станицы Камышеватской Иван Тур».* Детали подвига восстановлены историком краеведом В. А. Соловьёвым и опубликованы в его исследовании «Бой казаков Ейского отдела с черкесами за Липкинский пост».

Из архивных документов за 1867 – 1868 годы известно, что при необходимости пластунские команды формировались и от пеших батальонов. Они выполняли «военно-политические» функции – занимались розыском «горских разбойников». В 1870 году в ККВ было образовано 10 конных полков (в них пластунов не имелось) и два пеших пластунских батальона, в которых был уже иной качественный состав. Не стрелок-разведчик, не охотник, а пехотинец – вот что теперь представлял пластун Кубанского войска, причём призывался он уже из бедных малоимущих семей.

Итак, в соответствии с приказом по войску от 10 декабря 1870 года появляются 1-й и 2-ой пешие пластунские батальоны, в каждом из которых по штату полагалось 660 нижних чинов: 25 старших и 35 младших урядников, 50 приказных и 550 казаков. Причём людей теперь в них направляли со всего ККВ. Так во 2-ой пеший пластунский батальон были направлены две сотни из Ейского отдела, одна – из Майкопского и две – из Баталпашинского.

Исходя из распоряжения Военного министра, с 1 сентября по 11 ноября 1876 года было сформировано пять батальонов четырёхсотенного состава с номерами с 3-го по 7-ой. 20 ноября 1876 года была проведена мобилизация 1-го и 2-го льготных комплектов кубанских пластунских батальонов. Пластунские сотни Темрюкского отдела собраны в станице Новомышастовской, Екатеринодарского отдела – в станице Елизаветинской, Баталпашинского – по месту отдела, Майкопского – в станице Келермесской. Льготные сотни 1-го комплекта Ейского отдела – в станице Кущёвской, а 2-го комплекта – в Уманской.

30 апреля 1877 года по Высочайшему повелению сформировано ещё пять пластунских батальонов из казаков, находившихся на льготе, с номерами с 8-го по 12-й. В частности, 9-ый пластунский батальон был сформирован из казаков Баталпашинского отдела ККВ с одной сотней Ейского полка, располагался в Невинномысской (ныне территория электромеханического завода). Батальон участвовал в подавлении мятежа в Чечне и Дагестане.

12 июня 1878 года Ейский военный отдел был разделён на два: Ейский и Уманский. Станица Уманская становится центром военного полкового округа, который включал станицы Кущёвскую, Шкуринскую, Уманскую, Кисляковскую с посёлком Михайловским, Екатериновскую, Павловскую с посёлками Сосыкским, Курчанским, Незамаевскую с посёлком Новоелизаветинским, Калниболотскую с посёлком Новогорским, Новолеушковскую, Старолеушковскую, Ирклиевскую с посёлком Баяковским, Березанскую с посёлком Троицкое на Средне-Челбаской степи, Крыловскую, с посёлком Челбасским, колонии Александровскую, Михельсталь и станицу Батуринскую.

Участвовали пластунские части в русско-турецких, русско-персидской, русско-польской и русско-японской войнах.

135 лет назад отгремели сражения русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов, возникшей в результате подъёма национально-освободительного движения на Балканах и обострения международных противоречий на Ближнем Востоке. Россия поддерживала освободительное движение балканских народов, а также стремилась восстановить свои престиж и влияние, подорванные в результате Крымской войны 1853 – 1856 годов. Немаловажным для России было и выгодное для неё решение о свободе судоходства через Босфорский пролив, чего требовало растущее экономическое развитие страны. Правительство России вначале решило содействовать балканским народам дипломатическим путём. Но его предложение о коллективной защите славян было отклонено Англией при поддержке Австро-Венгрии. После того как в апреле 1877 года Турция отвергла проект автономии Боснии, Герцеговины и Болгарии, выработанный российскими дипломатами, русское правительство 12 (24) апреля объявило Турции войну, к которой на стороне России вскоре присоединились Румыния, Сербия и Черногория.

К началу войны Россия развернула две армии: Дунайскую, состоявшую из 185 тысяч человек, 810 орудий под командой великого князя Николая Николаевича, и Кавказскую, под командованием великого князя Михаила Николаевича, куда входило 75 тысяч человек, 276 орудий. В составе обеих армий действовали конные казачьи полки ККВ и батальоны кубанских пластунов, как и в прошлые годы, внёсшие достойный вклад в победы русского оружия. Диверсионно-разведывательные партии пластунов мужественно и умело действовали на обоих театрах военных действий.

В ноябре 1876 года по приказу Войскового атамана в станице Уманской был сформирован 7-ой пеший пластунский батальон. Уже 7 декабря 1-я и 2-я сотни под командой героя обороны Севастополя есаула А. А. Баштанника были отправлены в Кишинёв. По прибытию 16 декабря сотни были зачислены в состав войск Дунайской армии. 12 апреля 1877 года казаки-пластуны в составе эшелона под общей командой начальника 4-ой стрелковой бригады перешли границу. В местечке Свиштов до сих пор находится мемориальная доска, напоминающая поколениям, что здесь в ночь с 14 на 15 мая 1877 года пластунская сотня есаула Ивана Пруса первой вступила на болгарскую землю и приняла бой с турками. Тогда же пластуны понесли первые потери.

От прибрежных Систовских высот начали кубанцы славный боевой путь к легендарной Шипке. Пластунский батальон в авангарде отряда генерал-майора М. И. Драгомирова с необычайной храбростью и отвагой отбил высоты у неприятеля, чем обеспечил переправу через Дунай русской армии генерал-лейтенанта И. В. Гурко.

22 июня 1877 года обе сотни пластунов вошли в состав передового отряда под командой генерала И. Гурко с задачей перейти Балканы. 1 июля казаки-пластуны перешли «Балканы через Ханкиойский проход» и на следующий день были «в деле при деревне Ханкиой и взятии лагеря Египетских войск в авангарде отряда». 4 июля они участвовали «в деле у деревни Уфлани в составе главных сил отряда». 5 июля – «в деле при взятии города Казанлык». 6 июля – «в рекогносцировке Шипкинского перевала в составе отдельной колонны из 13-го и 15-го батальонов». В этом бою казаки лишились своего храброго командира Александра Аверьяновича Баштанника. Командование сотнями было поручено уроженцу кубанской станицы Староминской есаулу И. Пруссу.

Турки решили перебросить в тыл русским войскам 70-тысячную армию; крайне важным было удержать перевалы и не пропустить её. В «Ведомости об участии в походах и сражениях» (находится в одном из дел фонда 396 ГАКК) говорится, что с 17 по 19 июля пластуны были задействованы в боях с турками у городов Ени-Загры, Ески-Загры и у деревни Джурани. С 25 по 27 июля 1877 года пластунские сотни вместе с частями генерал-майора Н. Г. Столетова находились на марше к Главному Балканскому хребту. 11 августа они прибыли к Шипкинскому перевалу и уже через день заняли позиции на нём. «*От Круглой батареи до батареи Портнягина, на каковой и находились в составе войск, оборонявших Шипку: до 1 ноября – в распоряжении начальника 4-ой стрелковой дивизии, а затем – 14-ой пехотной дивизии с наименованием «за Балканы». До конца декабря 1877 года русские солдаты, болгарские ополченцы и казаки 1-ой и 2-ой пластунских сотен удерживали перевал – «ключ к дверям Болгарии»*».

Оборона Шипки продолжалась под непрерывным огнём неприятельской артиллерии. Турки предприняли несколько мощных, но безуспешных штурмов.

В героической обороне Шипкинского перевала кубанские пластуны отличились особо. Они вынесли все испытания: иссушающую жару и изнуряющую жажду в августе, жесто-

Художник В. Ф. Тимм рисовал казаков-пластунов карандашом в осаждённом Севастополе в январе 1855 года. Слева направо ему позировали черноморцы: Сидор Белобородов, Дмитрий Горленко, подполковник Венедикт Головинский – командир 2-го батальона, хорунжий Даниленко, Макар Шульга, Андрей Гиденко, Иван Демьяненко, Лука Грешов.

чайшие морозы и метели в ноябре (без тёплой одежды и обуви, когда в день было обмороженных от 300 до 400 человек). За доблесть в последнем бою с турками 28 декабря у деревень Шейново и Шипки казаки-пластуны были отмечены Главнокомандующим русской армией на Балканах.

«По разбитии Шипкинской армии Веселяпаши» обе сильно поредевшие пластунские сотни с 1 по 16 января находились на марше к городу Адрианополю. Туда 15 января 1878 года прибыло долгожданное пополнение – 29 казаков с вновь назначенным командиром батальона есаулом Зубковским. Они также были награждены тёмно-бронзовыми медалями.

После заключения перемирия и подписания Андрианопольского мира кубанцы до августа находились в составе 14-ой пехотной дивизии. По изысканиям главного специалиста ГАКК В. И. Шкуро, из 301 человека, направленного на Балканы, в живых остались 133 казака, которые 16 сентября 1878 года возвратились в Кубанскую область и уже 20-го числа разъехались в свои станицы. Все пластуны, принимавшие непосредственное участие в защите Шипкинского перевала, получили особые серебряные памятные медали. 14 человек награждены светло-бронзовыми медалями. Это были пластуны, раненые в летних боях и не вернувшиеся в строй до закрытия зимних перевалов.

Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич пожаловал за мужество и отвагу на полях сражений с турками в Болгарии знаки отличия военного ордена Святого Георгия IV степени, которые были возложены по приговору нижних чинов на урядников Якова Нехая и Трофима Герасименко; казаков Шрамко Ивана (станица Пашковская), Радченко Ефима (Крыловская), Варивода Ивана и Мотько Исаакия (Деревянковская), Кулик Степана (Каневская), Сорока Семёна (Камышеватская), Рожен Ивана (Щербиновская), Очередько Евдокима (Бриньковская), Олифиренко Антона (Уманская), Лоб Фёдора и Корниенко Андрея (Незамаевская), Гунька Кондрата (Кущёвская), Сублонос Лариона (Калниболотская), Зателепа Харлампия (Старолеушковская), а также Кипигуева Николая, Шамро Игната, Снимщикова Ивана, Коротконожку Михаила, Ссыка Арсения, Запорожца Ивана, Свистуна Самсона, Походило Парфентия, Казбанова Афанасия, Гогоберидзе Георгия, Чернейкина Андрея, Пилипко Григория, Чалого Никифора, Клименко Данила (станицы не установлены).

Из офицерского состава есаул Иван Прусс награждён орденами Святой Анны II степени с мечами и бантом, Святого Владимира IV степени с мечами и бантом; сотник Иван Москаленко – орденами Святой Анны III степени с мечами и бантом, Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость», Святого Станислава III степени с мечами и бантом и Святой Анны III степени с мечами и бантом; хорунжий Владимир Нейман – орденами Святой Анны III степени с мечами и бантом, Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость», Святого Станислава III степени с мечами и бантом.

Кроме того, за доблесть в боях на Балканах многим нижним чинам были присвоены унтер-офицерские звания. Обеим сотням 7-го Кубанского пластунского батальона вручили Георгиевские серебряные сигнальные рожки с надписью: «За оборону Шипки в 1877 г.»

Кроме пластунов, на Балканском фронте сражался 2-ой Кубанский казачий (льготный) полк под командованием подполковника С. Я. Кухаренко. Он состоял из 6 сотен и входил в состав 1-ой Кавказской казачьей бригады полковника И. Тутолмина. За многочисленные подвиги в боях с турками с июня 1877 по январь 1878 года в составе отрядов генералов М. Д. Скобелева и И. В. Гурко казакам 2-го Кубанского конного полка были пожалованы знаки отличия на папахи с надписью «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов». Многие награждены Георгиевскими крестами, румынскими железными крестами за взятие города Плевны и разного достоинства медалями.

В фонде 332 ГАКК содержатся сведения об участии в русско-турецкой войне и лейб-гвардейцев. Несмотря на то что основная их служба заключалась в сопровождении и охране государя императора, гвардейцы участвовали в третьем штурме Плевны, сражении при Горном Дубняке. Кубанский дивизион гвардейцев участвовал во взятии Телишской укреплённой позиции, в четвёртом штурме Плевны и т. д. Затем гвардейцы были прикомандированы к Главной квартире Главкома русскими войсками великого князя Николая Николаевича, которого они сопровождали при переходе к Андрианополю и Сан-Стефано.

Балканская кампания сопровождалась тяжёлыми боями и на других театрах военных действий. После поражения под Плевной турки возлагали большую надежду на успешное развитие событий под Карсом. В числе прочих боевых частей в штурме крепости участвовали 1-ый и 2-ой Ейские конные казачьи полки. Бои носили тяжёлый и затяжной характер с многочисленными потерями с обеих сторон.

Развёртыванию Кавказской армии предшествовали подготовительный период (1 сентября – 11 ноября 1876 года) и непосредственно мобилизационный (11 ноября 1876 – 12 апреля 1877 года). По распоряжению Военного министра полным ходом шло комплектование пехотных, артиллерийских и кавалерийских частей русской армии. От ККВ выставлялось 10 конных полков 1-го льготного комплекта, эскадрон Собственного Его Императорского Величества Конвоя и 20 пластунских сотен обоих льготных комплектов. 20 ноября, исходя из приказа Главнокомандующего Кавказской армией, из пластунских сотен сформировали пять батальонов с номерами с 3-го по 7-ой. Полкам дано наименование вторых.

Формирование казачьих частей осложнилось тем, что к началу мобилизации огнестрельного оружия для вооружения казаков оказалось недостаточно (увы, недостаточная подготовленность армии к войне была харак-

терна и для русско-японской, и Первой Мировой). На сентябрь 1876 года в ККВ имелось 6454 винтовки системы Бердана – не доставало 2086 единиц. В конце октября из Санкт-Петербурга в Екатеринодар прибыл транспорт с 10387 винтовками, что позволило вооружить только полки первого комплекта, второй комплект казаков прибыл на сборный пункт с собственными винтовками системы Таннера. Некоторые пластунские батальоны были вооружены ружьями системы Карлея, отпущенными войску в 1872 – 1874 годах. На последующих этапах мобилизации пешие пластунские батальоны вооружались драгунскими ружьями системы Крынка. В целом казачьи части вооружались огнестрельным оружием разных систем, что порождало сложности при обеспечении боеприпасами. Ружья некоторых систем были устаревшими и не соответствовали требованиям современного боя.

Вскоре обострение политического положения, военные приготовления турок и настроения горцев потребовали проведения дополнительной мобилизации в начале апреля 1877 года, в том числе и призыва третьей очереди ККВ. 30 апреля дополнительно были сформированы 5 сборных конных казачьих полков и пять пеших батальонов ККВ с 8-го по 12-ый. Всего ККВ выставило 21600 казаков, которые принимали участие в обороне крепости Баязет, взятии Карса и Эрзерума, в боях на Шипке и на Черноморском побережье Кавказа.

На Кавказско-Малоазиатском театре после объявления войны 12 апреля 1877 года войска Действующего Корпуса и его отрядов под командованием генерал-адъютанта М. Т. Лорис-Меликова перешли границу и углубились на территорию противника в составе нескольких колонн. Сохранились сведения об успешных действиях в этот период пластунов 2-го пешего Пластунского батальона и двух сотен Полтавского конного полка ККВ, которым было поручено снять турецкие пограничные посты и обеспечить беспрепятственное прохождение основных сил отряда полковника Комарова в районе села Вале. Пластуны и конные казачьи сотни активно задействовались в составе летучих и рекогносцировочных отрядов для сбора данных об укреплениях противника, силе гарнизонов, характере местности, порчи телеграфных линий связи. Сведения собирались как путём личного наблюдения, так и опросом местных жителей, захвата пленных.

Так, например, охотничьей команде в составе 11 пластунов и казаков Полтавского конного полка в мае 1877 года была поставлена задача произвести разведку высот Геляверды (у Ардагана), определить пути для подхода основных сил и добыть языка. Для распыления внимания турок одновременно осуществлялись отвлекающие действия других пластунских групп. Охотничья команда под руководством сотника Каменского благополучно миновала три неприятельские цепи, провела разведку укреплений и *«захватила часового с ружьём, которого и доставила в лагерь как доказательство своего подвига»*. В июле при разведке турецких сил у Дагора отряд в составе 20 казаков-пластунов и 20 чеченцев из Чеченского конно-регулярного полка под командованием Генерального штаба полковника Маламы переправился ночью через реку Арпачай, провёл успешную разведку местности и благополучно вернулся на свою территорию.

Активно использовались пластуны на приморском направлении, где действия казачьих конных полков были затруднены горно-лесистой местностью. В сводке о военных действиях Сочинского отряда с 28 июля по 28 августа 1877 года говорится об успешной разведывательной операции сотни пластунов под командованием хорунжего Никитина: *«…партия пластунов в Сандрипше нашла неприятельские пикеты, а близь Гагр заметили движение значительной массы людей, причём проход охранялся двумя турецкими броненосцами. Командир отряда доложил, что неприятель принял все меры для воспрепятствования следования наших войск к Гагринскому укреплению. Пластунам было передано указание осуществить разведку обходных горных троп»*. В дальнейшем пластунам была поставлена задача взять под контроль возможно больший район у Гагр, чтобы неприятель не успел занять труднодоступные подступы, которые пришлось бы потом брать у него с большими жертвами. Совместно со стрелками три сотни пластунов участвовали и в успешном штурме гагринского укрепления.

Интересные воспоминания о действиях пластунов во время русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов оставил известный журналист и писатель Владимир Гиляровский. Он добровольцем пошёл служить в действующую армию и, благодаря беспокойному и авантюрному характеру, оказался среди кубанских охотников-пластунов, действующих на Черноморском побережье Кавказа. *«У Карганова в роте я пробыл около недели, тоска страшная, сражений давно не было. Только впереди отряда бывали частые схватки охотников-пластунов. Гулял я по лагерю с юнкером Костей Поповым и старым своим другом подпоручиком Николиным, и они мне рассказывали о позиции: «Вот это Хуцубани <…> Там турки пока сидят, господствующая высота, мы раз в июне её заняли, да нас оттуда опять выгнали. Рядом с ней, левее, лесная гора в виде сахарной головы, называется «Охотничий курган», его нашли охотники-пластуны, человек двадцать ночью отбили у турок без выстрела, всех перерезали и заняли <…> Мы не успели послать им подкрепления, а через три дня пришли наши на смену, и там оказалось 18 трупов наших пластунов, над ними турки жестоко надругались. Турок мы опять выгнали, теперь там опять стоят наши охотники, и с той поры курган называется «Охотничьим» <…> Опасное место на отлёте от нас, к туркам очень близко <…> Да ничего, там такой народец подобрали, который ничего не боится»»*. По окончании войны с турками все 10 пластунских батальонов ККВ были уволены на льготу.

В годы царствования императора Александра III (1881 – 1894 гг.) происходит увеличение пластунских батальонов до 14. По положению о прохождении военной службы в казачьих областях от 24 июня 1882 года служебный состав Кубанского войска стал разделяться на 3 разряда, из которых строевой – на три очереди. Теперь 18-летние казаки зачислялись в приготовительный разряд (проходили 3 года первичную подготовку). В 21 год призывались на действительную военную службу сроком на 4 года. Затем на 4 года зачислялись во вторую очередь, а ещё через 4 года – в третью. После этого казаков переводили в ополчение.

Казаки второй очереди раз в 4 года проходили трёхнедельные военные сборы. В мирное время от ККВ на службу призывалось 2 эскадрона Императорского конвоя, 10 конных полков, конный дивизион, 2 пластунских батальона и 5 конно-артиллерийских рот. В военное время к первоочередникам добавлялись казаки 2-ой и 3-ей очереди. В полках 3-ей очереди служили люди от 30 до 35 лет со своим снаряжением и обмундированием, лошадей же им выдавало государство.

В мирной обстановке Екатеринодарский отдел выставлял 1-й Екатеринодарский конный полк и 1-й пластунский батальон; Баталпашинский отдел – 1-й Хопёрский конный полк и часть 6-го пластунского батальона; Ейский отдел – 1-й Запорожский, 1-й Уманский конные полки и 5-й пластунский батальон; Кавказский отдел – 1-й Кавказский, 1-й Черноморский конные полки и 4-й пластунский батальон; Лабинский (бывший Закубанский) отдел – 1-й Лабинский, 1-й Кубанский конные полки и другую часть 6-го пластунского батальона; Таманский отдел – 1-й Таманский, 1-й Полтавский конные полки и 3-й пластунский батальон. Данная структура ККВ с делением на семь отделов и десять полковых округов сохранялась вплоть до 1917 года. В 1894 году из названия батальонов было исключено слово «пеший», и оно стало звучать как 1-й (2-й...) Кубанский пластунский батальон.

В 1888 году на Кубань приезжал знаменитый русский художник И. Е. Репин. Из героев-пластунов, защитников Севастополя и Шипки, он отобрал несколько прототипов для своих картин. Одним из них оказался житель станицы Невинномысской Аверьян Сирота.

К началу XX века изменились как формы комплектования, так и контингент пластунских батальонов. Социально-экономическое расслоение привело к увеличению числа бедняков среди казаков. Теперь в пластуны шли не добровольцы-«охотники» времён Запорожья и Черномории, а выходцы из малообеспеченных семей, которые не могли приобрести строевую лошадь. Вот почему в годы первой русской революции многие казаки-пластуны с сочувствием и пониманием относились к рабоче-крестьянским выступлениям, а три пластунских батальона даже проявили неповиновение, отказавшись исполнять полицейские функции. В то же время в Государственной Думе стараниями либеральных депутатов родилась легенда об особой жестокости казаков в подавлении митингующих масс, прочно утвердившаяся затем в трудах историков советского периода. Думцы обвиняли правительство в незаконной мобилизации казачьих частей, подстрекали казаков к борьбе «против общего врага». Репутация «душителей революции» прочно утвердилась за казаками. Однако они, продолжая нести тяжёлую и неблагодарную службу по охране общественного порядка, теряя сослуживцев при умиротворении национальных конфликтов, продолжали достойно выполнять воинский долг.

Япония, прервав дипломатические отношения с Россией, в ночь с 26 на 27 января 1904 года без объявления войны силами 10 миноносцев атаковала русскую тихоокеанскую эскадру, стоящую на рейде Порт-Артура, в результате чего были подорваны два лучших броненосца и один крейсер. Началась русско-японская война. 27 января на рейде Чемульпо приняли неравный бой и погибли от превосходящих японских сил легендарные крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец». С первого же дня и часа войны японцы добились господства на море, что вылилось и в стратегическое преимущество их на суше. Лишённая инициативы, русская армия под командованием генерала Куропаткина терпела поражение в Манчжурии. Не менее печально складывалась оборона крепости Порт-Артур.

Участвовали в той далёкой войне и кубанские казаки. 23 октября наказные атаманы Кубанского и Терского казачьих войск получили приказ военного министерства о переводе на военное положение по два первоочередных казачьих полка с целью формирования сводной Кавказской казачьей дивизии. Приказано было также сформировать Кавказский казачий артиллерийский дивизион. К началу декабря 1904 года Кавказская казачья дивизия была сформирована. В её состав от ККВ вошли 1-й Екатеринодарский и 1-й Уманский казачьи полки. Ими соответственно командовали полковник А. Непокупный и полковник В. Акулов. 24 ноября 1904 года 10-й Кубанский пластунский батальон, располагавшийся в станице Кавказской, также получил приказ о мобилизации и развёртывании его во 2-ю Кубанскую пластунскую бригаду. Менее чем через месяц бригада кубанских пластунов из числа казаков-второочередников в составе шести батальонов (с 7-го по 12-й) под руководством генерала М. В. Мартынова была сформирована и эшелонами из селения Армавира и станицы Прочноокопской отправлена на театр военных действий в Маньчжурию.

Кавказская казачья дивизия и 2-я Кубанская пластунская бригада прибыли на Дальний Восток во второй половине апреля 1905 года и были назначены в 1-ю Маньчжурскую армию генерала Линевича. 25 апреля состоялся смотр казачьих соединений и доклад императору. Уже 26 апреля командующему армией от государя пришла телеграмма, в которой, помимо прочего, он отметил: *«Рад, что полки Сводной Кавказской дивизии, казачьи бата-*

реи и полки казачьей бригады представились Вам в блестящем состоянии. Уверен, что они сумеют покрыть доблестные кавказские казачьи войска новой боевой славой».

И пластуны оправдали доверие. Они прекрасно зарекомендовали себя в войне с Японией, причём в значительно большей степени, чем обычные конные полки. Уже первая неделя на фронте принесла «русским дьяволам» высокую оценку командования, доверявшего им «наиболее трудные задания по разведке, нахождению противника и снятию его постов и застав». На сопках Маньчжурии пластуны успешно действовали в одиночку, охотничьими командами, в составе отдельных групп и, развернувшись в цепь, как обычная пехота.

Боевые действия казаков-пластунов получили высокую оценку многих известных генералов и офицеров русской армии. Но давайте остановим выбор на сдержанном и «деловом» заключении не известного нам подъесаула: *«Батальоны 2-й Кубанской пластунской бригады <...> участвуя во всех рекогносцировках отряда генерала П. К. фон Ренненкампфа, беспрерывно и безостановочно неся сторожевую и разведывательную службу, всегда выказывали примерную храбрость, мужество и беззаветную преданность своим обязанностям и долгу службы».* Начальникам всех отрядов штабом генерала Павла фон Ренненкампфа предписывалось: *«Признавая пластунов по их развитости и смышлёности в полном составе батальонов за готовые охотничьи команды <...> давать им более трудные самостоятельные задания по разведке, нахождению противника и снятию постов и застав его. Для этого выпускать, в зависимости от обстановки, небольшие партии, которым предоставить работать по своему усмотрению совершенно не стесняя их».*

Приведём примеры боевой деятельности кубанцев против японцев.

4 мая 1905 года небольшой специально созданный отряд пластунов во главе с самим генералом Мартыновым успешно провёл усиленную рекогносцировку в направлении деревень Пакану, Людзятуй, Глин, Цинцхэ.

7 мая отряд из состава сводной Кавказской дивизии под командой генерал-адъютанта П. И. Мищенко принял бой с японцами у Цинсяйпао. Затем на равнине Кавказская дивизия завязала смертельный бой с японской пехотой у деревни Донсяза. Казаки 1-го Уманского полка под начальством войскового старшины Глинского штурмовали укреплённую деревню Шилаза, на улицах которой погибло смертью храбрых 7 кубанцев. Бросок П. И. Мищенко в тыл врага получил название «Факумынского рейда». Будущий белый генерал А. И. Деникин состоял в то время офицером связи при штабе генерала. Вот что он вспоминает: *«Отряд выступил, имея 45 сотен и 6 орудий. Прошли в 4 дня вглубь японского расположения на 170 км, дошли до реки Ляохе и окрестностей Синминтина <...> Сотник Чуприна погиб, спасая раненых. Результаты рейда были таковы: разгромлены две транспортные дороги со складами, запасами и телеграфными линиями, уничтожено более 800 повозок с ценным грузом и уведено более 200 лошадей, взято в плен 234 японца, 15 офицеров и не менее 500 выведено из строя. Стоил нам набег 187 человек убитыми и ранеными».* Все казаки за храбрость получили медали, а многие – Георгиевские кресты.

15 мая казаки из состава 7-го и 12-го пластунских батальонов в районе Саньцзяоцзы при постоянных боестолкновениях с японцами и хунхузами успешно выполнили задачу по разведке дислокации частей противника, их состава и принадлежности. Казаки 2-ой сотни Варфоломей Редько, Василий Курочка, Семён Гладков, Сидор Головкин и Ефим Малев вызвались добровольцами пробраться в тыл противника. В результате они захватили в качестве «языка» нескольких японских солдат и благополучно доставили их в расположение части.

31 мая пластуны в долине реки Цинхе устроили засаду офицерскому разъезду противника, многих японцев перебили, а двоих взяли в плен.

При рекогносцировке 8 и 9 июня возле селения Лицзятой пластуны Лосинского заняли скалистые сопки, господствовавшие над позицией врага, и, как пишет полковник Кондратович, *«...эти молодцы, привязав себя над бездной к камням и деревьям, открыли продольную стрельбу вдоль по окопам японцев».* Далее, описывая действия пластунов-кубанцев Сипинчайского отряда, он отмечает: *«Пластуны-сипинчайцы работали в моём отряде 8 – 10 мая великолепно. Не нахожу слов описать восторг, с каким я наблюдал за их молодецкой деятельностью. Пластуны офицеры и пластуны нижние чины щеголяли друг перед другом беззаветной удалью, храбростью и полным презрением к опасности <...> Три дня, проведённые мною среди отряда, считаю лучшими в моей жизни».*

В приказе по 2-ой Кубанской пластунской бригаде от 15 июня 1905 года отмечено: *«Наши пластуны работали в этих отрядах выше всякой похвалы <...> работа была от всей души».* Не удивительно, что за доблесть и отвагу высочайшим приказом от 12 ноября 1906 года все шесть пластунских батальонов были пожалованы знаками отличия на папахах, очень многие из пластунов – Георгиевскими крестами. Так, например, в 7-ом пластунском батальоне получил почётный орден 61 казак, а в 10-ом – 181. Командир 8-ой Кубанской пластунской батареи полковник Критский за подвиги и личное мужество был также награждён орденом Святого Георгия.

Всего ККВ выставило в период русско-японской войны 8574 человека, в том числе 6142 конных казака, 2132 пеших и 300 казаков в артиллерию. По окончании боевых действий Кубанские пластунские батальоны убыли на Кубань и по прибытии в первой половине апреля были отпущены на отдых.

Продолжение в следующем номере.

Андрей ЛЯХ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

I

– Станция Кысляковка… Гражданы, выходымо… Кысляковка… Поизд стоятымэ дэсять мынут…

Прохор вздрогнул и открыл глаза. Машинально зашарил вокруг себя по деревянному отшлифованному до блеска лежаку нижнего яруса. Рядом никого уже не было. Отерпшая, словно ставшая деревянной, рука не слушалась и тщетно пыталась ухватить связанные, как перемётные сумки, две замызганных торбы, сшитые из домотканой грубой ряднины. Глянув в забитый суетливыми людьми проход вагона, Прохор второй рукой потеребил бесчувственные пальцы, пока не ощутил покалывание под ногтями и прилив пульсирующей горячей крови в омертвевших фалангах. Достав кисет, свернул самокрутку и, послюнявив её, сжал обветренными, с потрескавшимися заедами по уголкам, губами:

– Собака! – негромко промолвил Прохор. Чиркнув серниками, глубоко затянулся клубом желтовато-сизого густого дыма. – Гнылота пьяна… Просыв ж ёго штовхнуть завжды.

В проходе поредело. Прохор об ноготь притушил цигарку и торопливо засунул окурок за повытертый, с залысинами по краям, околыш некогда богатой курпеевой папахи. Легко подхватив ожившей рукой полупустые торбы и громко стуча коваными каблуками, он прошёл в заплеванный грязный тамбур. Рыжий заспанный кондуктор, разя перегаром, безразлично кивал и натянуто улыбался лакейским оскалом сходящим пассажирам. Прохор, плюнув ему под ноги, одарив злым поглядом, не касаясь спущенных чугунных ступенек, спрыгнул на утоптанную пропитанную креолином землю.

Вытирая запачканную о поручень ладонь полой черкески, он обернулся, чтобы выматюгаться, но, глянув на ноги кондуктора, который торопливо затирал плевок старым порёпаным ботинком, обутым прямо на голые, отдающие синевой ступни, покрытые редкой рыжей щетиной, торчащие из «подстреляных» чёрных затасканных форменных брюк, сдержался. Прилив весёлости заглушил злобу, и Прохор, небрежно бросив кутавшемуся в бушлат кондуктору: «Ну, бувай!», перекинул через плечо поклажу и резво зашагал к зданию зашарпанной, облупленной, неухоженной станции.

Солнышко уже выглядывало над кронами деревьев и по-весеннему сладко припекало. На отсыпанном щебнем, вперемешку с мусором, перроне разноголосо кипела жизнь:

– Пирижкы с квасолею та с пытрипкою, бырить люды покы ще горячи…

– Таранька нэ солона, з икрою, жирна – аж тэче, наскризь свитыця…

– Насинья гарбузянэ та сояшне цёгогодняшнэ…

– Сам ты прилый…

– Тю-ю дура бульката…

– А ось и на похмильля цила чэтвэрть зильля, куму чарочку нэвэлычку, на закуску щей и яечко, а хто визме два стаканчика – тому й сальця з молодого кабанчика…

Прохор остановился и, сглотнув подступившую слюну, ощутив нестерпимый голод, достал из папахи недокуренный окурок и, экономя серники, подкурил его у пускающего дым, стоящего с костылем поодаль, одноногого подвыпившего улыбающегося солдата с Георгиевской медалью на распахнутой грязной шинели.

– Какого полку, служивый? – бесхитростно спросил солдат.

– 2-й Уманьский по сполоху пийшов, а потим поносыло…

– Главное целай, а меня ваши зелёные казачки расположинькали, – солдат, незлобно гоготнув, закашлялся и сплюнул. – Под Тихорецкой шлялси… Куды направляишси то?

– Щастя бильшего шукать.

– Смотри не растеряй сваво, – солдат вновь оскалился и добродушно проводил взглядом Прохора.

Избавив хозяина от шумного дразнящего запахами перрона, ноги послушно понесли Прохора ведомыми с детства дорожками.

II

Возле бывшей конторы купца Тришкевича, напротив кирпичной бакалейной лавки, на которой теперь красовалась корявая вывеска «Скабяныи тавары и разнае», изготовленная местным умельцем, среди гор мусора стояли шесть – семь подвод, гружёных новыми дубовыми бочками, ящиками с гвоздями и скобами, мешками и прочей дребеденью.

Возницы, большинством своим преклонного возраста, по-видимому из казаков, дожидались своей очереди на разгрузку. Они, разложив на одной из бочек, поставленных «на попа», нехитрую снедь, неспешно жуя, поочерёдно прикладываясь к горлышку баклаги, покрякивая и вытирая рот рукавами бешметов и чекменей, при этом вели негромкую беседу. Два иногородних возницы и молодой кашляющий небритый солдат в самодельной куртке из старой с обрезанными полами шинельки сидели отдельно и тоже поглощали свои домашние подорожные припасы.

Прохор подошёл к старым казакам и, кивнув, поздоровался.

– Доброго здоровьячка вам, дядичкы, прыятних вам закусок та шидрои пидлывочкы.

Бегло осмотрев его с ног до головы и обратив внимание на поношенную подлатанную черкеску, перетянутую потёртым, но с богатым набором серебряным кавказским пояском, с торчащими в полупустых газырницах головками потускневших кабардинских газырей, вылинявший шёлковый бешмет, высокие крепкие казачьи сапоги, возницы почти хором ответили на приветствие.

– И тоби, сынок, хай Господь дасть здоровья, сидай до столу, не стий, як тополя у поли.

Прищурив глаза, ласково посмехиваясь в усы и похлопывая по дну перевернутой бочки, деды жестами предлагали разделить с ними трапезу.

Прохор, не дожидаясь повторного приглашения, снял папаху, перекрестился и присел на пододвинутый кем-то старый, но ещё крепкий ящик.

Пожилые станичники, одобрительно загудев, подали ему шмат хлеба с уложенными на него кусочками розоватого, с толстой прослойкой, сала. Молча указав на порезанные вдоль зимние бочковые огурцы и помятые перекисшие помидоры, с интересом стали наблюдать, как пришлый охотно уплетает поданное угощение. Прохор, понимая, что от него ждут некоторого пояснения его неожиданного появления, и в то же время осознавая, что не может оторваться от пищи, благодарно смотрел им в глаза и поспешно пытался проглотить пережёванное. Продавив в себя еду и запив холодным резким квасом из баклаги, он, отдышавшись, ещё раз поблагодарил новых знакомцев и представился:

– Прохор я, Андрия Кутьнёго сын старший, той шо з Билого хутира Уманьского

куриня. Отмантулыв на клятой вийни, одлэжав у гошпытали, та оцэ й брэду до батька з мамкою. А бильш и никуды…

– Цэ крывого Андрия, шо биля грэбли живэ?

– Ни-и, то дядько мий троюридный, вин Мыхайловыч, пасичник. А мий батько шорник, Сергия Рэпаного сын, той шо чоботы колысь-то шив.

– А-а-а, чоботы твого дида и доси надиваю по празныкам, додильный був чобитнык. А жинячи яки чобиточки тай гуцулочкы робыв, и жинци моей, и нывисткам… Було-о…

Возчики оживились и, перебивая друг друга, стали вспоминать, кто каких сапожников и скорняков знал… Нахваливая каждый своих знакомых и выставляя вперёд ноги, взутые в чувяки, сапоги и постолы.

Казалось, что им до Прохора уже не было никакого дела. Они кричали друг на друга и стремились схватиться навкулачки, хватая близстоящего собеседника за шиворот и в то же время тыкая то пальцем, то рукоятью батога друг-другу в лицо, не преступали черту дозволенности в этом всеобщем споре…

Прошка же, насытившись, сидел, упершись спиной в бочку-стол и смакуя квашеное забродившее яблоко, усмехаясь про себя, думал: «Слава Богу, ось я и дома!»

Спорщики так же быстро и угомонились, как и завелись, и опять, степенно оглаживая всклоченные бороды и усы, стали интересоваться, где и как воевалось Прохору, и под чьим командованием состоял. Одновременно рассказывали и о своих сыновьях: и о живых, и о згинувших на фронтах Мировой и гражданской войн. Походя означили, что первый разгрузившийся из тех, кому по пути, возьмётся доставить до дому служивого и пораненного казака.

Ждать пришлось недолго. Седой сухонький дедуся с хутора «Вишнёвая балка», приписанного к Уманскому округу, назвавшийся Тимофеем Ивановичем, разгрузился скорее всех. Накидав в подводу добытой из валяющихся повсюду ящиков длинной, как лапша, стружки, пояснил, что довезёт служивого до хутора «Куликова балка», а там ему напрямую, манивцями через бугор, рукой подать до отцовского подворья. Прохор прилёг на импровизированную «перину» и, покусывая зубами стебелёк прошлогоднего цикория, или по простому «Пэтрива батиха», ушёл в раздумье.

III

Когда это произошло… Когда в Прошкину голову забрели эти предательские мысли о том, что иногородние теперь наши братья, и что у нас с ними общая доля. Ведь говорили ж нам батьки наши и старики, что страшнее нету для казака, чем братание с пришлыми… Да-а, политика, итить её мать нехай!. А всё Яшка Лемех, стервец, красуясь в новенькой гимнастёрке вместо бешмета, утянутой наборным ремешком с подвешенным кинжалом, гавкал:

– Зараз и у Раду поизбыралы и иногородьних, и черкэсив, нам с нымы тэпэрычко едыным шляхом ходыты прыйдэця, а вы браты, як сычи на гимни, сыдытэ и вочамы лупаетэ. Тилькэ нэ розумни та старорэжимни елемэнты зараз нэ бачуть, шо старовына пийшла гэть. А шо батькы, шо батькы? Батькы из цэрквы нэ вылазють, молютьця, шоб зэмлю инша людына нэ захопыла. А нащо вона им? А хто ии зараз обробляты будэ? Сынив ихних побыло на вийни за царёвэ пузо. Шо? Ныхай паруе, або бурьянамы взьмэця? Захисту трэба? Розумийтэ, дурни, нам ны потрибнэ ны чие захистнычество, мы сами булы всим захистом. Шо нам та Росияньскса допомога, хто кому допоможэ, мы им, чи воны нам?… Нагада; нам здалася и клята наказна атаманьщина? Тылови крысы старшина та охвицирьё чэрэз губу плюе на наши головы. Проминаты с *ьмы на новому мости в Катэрынодари совэршають. А мы раком турэчину вывэртаемо та папахы згынувших зэмлякив, та ихни ладанкы з мидалюкамы в торбы складаемо, шоб хочь их пид батькови иконы в ридных хатах покласты, та мамкы с жинкамы коло ных моглы свичькы запалыть… Сами будэмо житы. Бэз клятой вонючои России. Он на Дону, браты, тэж такэчки думають…Сами соби и атаманив выбэрэм, а иногородьним, тим шо лямку з намы бокы обыбокы тягнуть с покон вику, та солдатам вошив з нами рахувавшим в окопах-могылах, зэмлю тэж дамо. Командирам нашим, тим шо пулям нэ кланялыся, та на басурманив наши лавы водылы, тэж почёт та слава по станыцям будэ спиватысь… А з остальнымы прыхлёбатылямы та с жидамы разбэрэмось… Всих в расход… До одьнёго.

И ведь поверили ж иуде, и сами иудами стали, Господь спросит, ой спросит… Предупреждал сотник Нэбрыйижа, что нельзя казакам от России отделяться, что, свергая монархистов генералов и расстреливая образованных, присягнувших Керенскому, офицеров, поверив разнокалиберным кликушам и краснобаям, заигрывая с иногородней большевистской шелухой, мы, сами того не ведая, ввергнем Черноморье и Закавказье в такой хаос и сечу, что сморкаться красной юшкой будут и наши праправнуки, если они ещё народятся.

IV

Припекало. Прохор снял черкеску и, засунув её в полупустую торбу, подложил всё это под голову.

– И поясок знимы, – не оборачиваясь, сказал возница. И, как будто он видел всё затылком, добавил: – И старайсь нэ носыть их будэнно, бо крыла складэшь за цэ, соколык.

Старик шмыгнул носом и, высморкавшись, запел себе в усы:

Художник Андрей Лях. Утро на Дону.

Стойить гора высокая,
Попид горою гай, гай, гай.
Зэлэный гай, густэсэнькый,
Ныначэ справди рай.

Пид гаем въеться ричэнька,
Як скло вода блыстыть, блыстыть.
Долыною широкою
Бог зна, куды бижыть.

Прохор понял, что старик ждёт вопроса, но специально его не задавал, чтобы ни вспугнуть начинающийся разговор, которому, скорее всего, придётся перейти в откровения. Иваныч перестал петь и, промычав что-то невнятное в отношении лошадей, медленно бредущих по степному шляху, действительно продолжил говорить :

– В Уманьской, по за ту вэсну, козакив богато пострылялы за сэрэбряни цацькы та шашкы з хынджяламы. Ны дывылысь на тэ, шо воны командирамы буллы у червоних конармиях. Воныж, шыбэныкы скажэни, як тикэ попрыходылы з вийны, то сталы по гулькам якшатысь, та на выглядкы якись то ихни ходыть и фастать, як братив рубалы пид Билой Глыной та Егорлыкськой… Тфу-у соромно… А тим жидовынам та иногородьцям-рэпаным, шо в станыци посидалы, завыдкы горло пэрэхватылы, и пийшла «камса» по хатам… У того шашку чи бэбута доброго, у того «музер» наградный вид Пархомэнка побачилы, а то и просто чоботы нови та скрыпучи, або папаху бухарьского суру. Просылы зразу, як бы подарункы нехай зроблють новой власти, а воны нэрозумни «дулю з таком» им скрутылы, чи гузно показалы… Ну чэрэз тыждэнь и побралы их усих… И нэ дывылысь на тэ, що воны у Будэнного эскадроны та брыгады водылы. Прыплэлы им якэсь заговорщицькэ обчиство тай, одибрав цацкы, всих на бэлыбни ий пострылялы.

Старик перекрестился и продолжил прерванную песню:

У затышку, край бэрэжка,
Дэ вьяжуця човны, човны,
Там тры вэрбы схылылыся,
Мов журяться воны.

– Вже пролитае литочко,
Настануть холода, холода.
Обсыпыться з нас лыстячко,
Тай понэсэ вода.

До вас жэж, мои вэрбоньки,
Щэй вэрнэться вэсна.
А молодисть нэ вэрнэться,
Нэ вэрнуться года.

Прохор потянулся, делано зевнул и начал ещё остервенелее жевать былинку. Откровенничать явно расхотелось. Старик разбередил и так проснувшуюся ранее совесть, и теперь попутную злобу на себя самого. Пытаясь съязвить, Прошка, памятуя казачьи адаты, обдумывал, как бы куснуть деда незаметнее, но чтобы поддеть его нравоучительную позицию… Тимофей Иванович, нюхнув ветерку, кашлянул и, прервав песню, вновь заговорил:

– Так шо, сынку, сховай всэ и нэ дратуй чортив лысых, – дед сплюнул через левое плечо и перекрестился.

– А шо оцэ вас, дядичко, потянуло на старисть чумацькэ дило осваюваты. Чи дила якогось иньшого та по литам вашим нэ знайшлы бильшэ? Сыдилы б соби в хати або на лавци в садочку тай пташок райских слухалы. Чи диты куска хлиба та мыску молока ны дадуть.

Старик съёжился и обернулся через плечо, глянув зло на Прохора. Нависла гнетущая пауза, сильнее обозначился топот копыт и скрип не смазанных колёс подводы… Дед чуть громче продолжил песню:

Колысь було так вэсэло
На билом свити жыть, жыть, жыть,
А зараз мое сэрдэнько
И млие, и болыть.

Стойить гора высокая,
Зэлэный гай шумыть, шумыть.
Пташкы спивають голосно,
И ричэчка блыщыть.

Немного отмякнув, старик дребезжащим голосом проговорил:

– Вжэ ны нальють, ны молока, ны горилкы… Удвох мы з бабкою осталысь з дорослих, а унукив восьмэро, старшому 12 лит, а мэньшои 3 годочка, як Матир Божя дозволыла ии на свит народытысь… Ото так хлопче… Як и нэ було у мэнэ трёх сынив тай дочкы.

– Тэж комсюкы побылы, чи можэ били?

– Люды! – дед вздохнул и опустил голову. – Люды!

Кисти рук сжались в кулаки до хруста, до ломоты, до судороги. Гнев и стыд затуманили голову. Прохор хотел было подробнее распытать деда о том, кто именно и по какой причине нанёс старику такую страшную беду-обиду, но вовремя понял, что ничем не сможет помочь бедолаге, а сочувствие только ещё сильнее разбередит душу старого казака. Он с содроганием прогнал по своей памяти страшные эпизоды войны. Войны позорной и братоубийственной, участником которой он и был сам. А стоял он как раз за тех, о ком так с безысходной ненавистью упоминал этот седой попутчик с разбитыми работой руками земляного цвета, с узловатыми скрюченными пальцами.

Мелькнула мысль: «На батю походэ, такый жэж жылыстый та сгорблэнный. Живи воны, чи ни?» Прохор вздохнул и с горькою надеждой мысленно перекрестился, обратив взгляд к небу, затем стыдливо и как-то тоскливо стал молить Царицу Небесную – великую заступницу Матерь Богородицу, чтобы подобная беда минула его хату и домочадцев.

– Трэба яктось з цим житы, – промолвил Прохор тихо и, сам себе не веря, поперхнулся разжёванной травинкой.

Старик, казалось, его не услышал, а повторять сказанное казак не стал, вернее, понял, что не стоит повторять то, с чем он сам внутренне не был согласен.

Затянулось молчание. Прохор хотел уже обласкать деда и чем-то развеселить. Наконец, придумав какую фронтовую байку лучше сбрехать, повернулся через левое плечо к Иванычу, но сразу же осёкся в своих помыслах. Тот сидел, сгорбившись, и плакал, беззвучно всхлипывая, вытирая мокрые глаза воротом пообтрёпанной сорочки. Кони шли шажком, понуро опустив головы. Прелый запах прошлогоднего бурьяна щекотал ноздри.

– Люды… люды… Люды-человеки…

Ст. Уманская, сентябрь 2016 г.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
Горькая память войны
Орловская
Пролетарская
Яшалта
Круглое
Таганрогский залив
Ейское Укрепление
Ейск
Приморско
Новоалександровск
Ставропо
Черкесск
Геленджик
Архипо-Осиповка
Шаумян
Туапсе
Хамышки
Баговская
Лазаревское
Киевское
ЧЕРНОМОРСКАЯ ГРУППА ВОЙСК
ЗАКАВКАЗСКИЙ ФРОНТ
ЧЕРНОМОРСКАЯ ГРУППА

Мы продолжаем публикацию, начатую в предыдущих номерах.

Ноха СУЛТХАНОВ

МЫ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОЯЛИ...

Семья Копыльцовых

Надо было быть очень любознательным человеком и очень любить свою Родину, чтобы исколесить страну вдоль и поперёк, как это сделал новоминчанин **Павел Иванович Копыльцов**.

От Закарпатья до Чукотки, от Кушки до Диксона, столицы всех бывших республик Советского Союза, большинство краевых и областных центров, субтропики, пустыни, тайга, тундра, Арктика – этими маршрутами прошёл наш земляк в годы путешествий.

История, культура, достопримечательности, сегодняшняя жизнь страны...

Из поездок он привозил туристические буклеты и сувениры, массу впечатлений, которыми делился с коллегами, учениками, с новоминчанами. И не только с ними. Он составил альбом, представляющий большой общественный интерес. По фотографиям, пропускам, билетам, дорожным телеграммам, путевым заметкам и другим материалам можно проследить многокилометровую дорогу неутомимого путешественника.

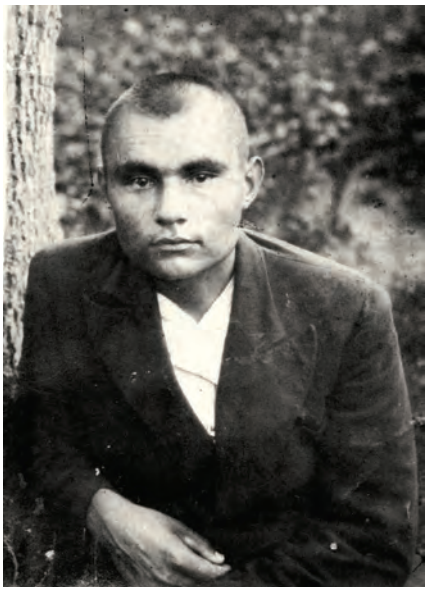
Плавал по всем известным рекам от Дуная до Амура, 25 воздушных маршрутов: Мурманск – Архангельск, Краснодар – Душанбе, Магадан – Петропавловск-Камчатский... Более двух лет жизни Павел Иванович Копыльцов провёл на дорогах Родины и за рубежом, побывав в двадцати семи странах.

Сотни видовых открыток, многочисленные путеводители, краеведческая литература – это не только память об увиденном. Это свидетельство его неиссякаемой тяги к познанию мира.

Инспектор школ, директор школы, организатор внеклассной и внешкольной работы – таков трудовой путь педагога П. И. Копыльцова. Годы и десятилетия творческого поиска, самоотверженной работы и ответственности... Его до сих пор помнят и чтят учителя и ученики из станиц Копанской, Новодеревянковской и, разумеется, родной Новоминской.

В своё время о нём много писали в газетах, его называли в числе подлинных мастеров педагогического дела, маяков народного образования. Отдавали должное и его общественной активности: лектор, пропагандист, докладчик, руководитель станичного клуба политической информации, организатор и в течение 30 лет бессменный диктор Новоминского радиовещания, депутат...

Будучи директором, он закладывал первый кирпич и торжественно открывал (20 сентября 1965 года) центральное здание новоминской средней школы № 32.



Копия

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш сын Красноармеец КОПЫЛЬЦОВ Леонид Иванович, уроженец Краснодарского края, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив мужество и геройство, был ранен и умер от ран 6-го марта 1944 года. Похоронен г. Белая-Церковь. Братская могила на окраине Александрии по ул. Декабристов.

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства./Приказ НКО СССР № 220/.

Эвакогоспиталь НКО № 3660 - Командир части: /подпись/

Председатель Ново-Минского с/совета /Неделков/

Секретарь с/совета /Зачесов/.

44 года.-

Красноармейскую книжку иметь всегда при себе. Не имеющих книжек - задерживать

1. Фамилия Копыльцов
2. Имя и отчество Леонид Иванович
3. Звание и должность
4. Наименование части (учреждения) 21741
5. Наименование подразделения (батальон, рота)
6. № личного знака
Личная подпись владельца книжки

Место для фотокарточки владельца книжки

Командир роты
24 [illegible] 1944 г.
(Место печати части)

I. Общие сведения

1. Номер военно-учетной специальности 45
2. Грамотность и общее образование (если окончил техникум, рабфак или ВУЗ, то указать его название)
3. Национальность
4. Год рождения 1921
5. Год призыва (указать также — нормальный или досрочный призыв) 1939 нормальный
6. Каким военкоматом призван
7. Специальность до призыва

Копыльцов Леонид Иванович.

Как и большинство его сверстников, Павел Иванович прошёл через огненные годы войны, фронтовик. Воевал на Мурманском направлении, там, где фашисты не смогли пересечь государственную границу СССР.

За ратные заслуги награждён двумя боевыми орденами и рядом медалей. А за успехи в развитии просвещения отмечен орденом Трудового Красного Знамени.

Он умер за неделю до своего 80-летия. Ушёл тихо и мудро, сказав спасибо родным и близким друзьям.

Это был настоящий педагог, человек большой личной культуры и высокого чувства долга. Настоящий Человек и Гражданин.

Через месяц после ухода из жизни Павла Ивановича Копыльцова в Каневской райвоенкомат из Государственного Архива Министерства Обороны России поступило сообщение о том, что разысканы три награды, которыми в годы Великой Отечественной войны были отмечены трое новоминчан.

Один из них – капитан, командир роты связи Копыльцов Павел Иванович, не получивший при жизни орден Красной Звезды.

* * *

Когда началась война, супруга Павла Ивановича **Нина Константиновна** училась на последнем курсе Ивановского медицинского института. Врачебную практику ей пришлось проходить в боевых условиях, весь курс был отправлен в блокадный Ленинград.

Нина Константиновна проработала в блокадном городе полгода. С болью вспоминала изможденных, худых, с огромными, распухшими от голода животами, несгибаемых ленинградцев.

Врачи получали скудный паёк наравне со всеми жителями города, тарелки с остатками не записанного ни в одну кулинарную книгу супа вылизывались дочиста.

Нину Константиновну эвакуировали домой с тяжёлой цингой, которой в Ленинграде было не сложно заболеть.

После выздоровления старший лейтенант медицинской службы Н. К. Копыльцова была снова призвана в армию. Воевала в воинских частях 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов. В составе полковой санчасти 143-ей Конотопско-Коростеньской Краснознамённого ордена Суворова

дивизии уже в звании капитана медицинской службы дошла до Берлина.

Вехи военного пути – форсирование Днепра, Ковель, Варшава, Прага, Берлин. Порой приходилось идти по 50 километров в день. В любом месте, под обстрелом, срочно разворачивать госпиталь и быть готовыми за считанные минуты его свернуть, чтобы идти дальше, оставаться с нетранспортабельными ранеными, а потом догонять свою часть, и на всём пути хоронить друзей-однополчан...

Нина Константиновна Копыльцова была награждена двумя орденами Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За оборону Ленинграда», «За освобождение Праги», Георгия Жукова, юбилейными медалями.

Долгие годы работала терапевтом в Новоминской участковой больнице.

***

Не вернулся с полей войны младший брат Павла Ивановича – **Леонид**, 1921 года рождения. Он был на три года моложе брата. После окончания средней школы поступил в Рязанский авиационный институт. Со второго курса призван в ряды Красной Армии. Служил радиотелеграфистом. Скончался от ран в госпитале в 1944 году. Похоронен под Белой Церковью в городе Александрии (Украина).

Копыльцов Павел Иванович, 1967 год.

Копыльцова Нина Константиновна.

Семья Рябко

…А почестей мы не просили,
Не ждали наград за дела.
Нам общая слава России
Солдатской наградой была.

Григорий Поженян.

О войне пишут много и многие. Но последняя точка в поисках героев Великой Отечественной войны ещё не поставлена. Потому что война – особая и трагическая страница в истории нашего народа и в мировой истории, и её надо раскрыть до конца.

Наша страна в священной войне разбила гитлеровскую Германию и спасла от фашизма Европу. Эта Великая Победа стоила советскому народу десятков миллионов жизней. Величие нашей Победы состоит в том, что наши предки отстояли страну, что воины нашей Красной Армии показали высочайшие образцы мужества, героизма и самопожертвования. Поэтому говорить об этом надо непрестанно, каждодневно и, может, даже каждочасно.

В семье **Рябко Кузьмы Сергеевича**, 1903 года рождения, было ещё три брата. Росли без отца, рано ушедшего из жизни. Все четверо сыновей отправились воевать против врага: Кузьма, Андрей, Харитон и Василий.

Вернулся только один – ефрейтор Кузьма Сергеевич, проведший в окопах все четыре года войны. Имел боевые награды: «За оборону Кавказа», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина». Одну из медалей – «За отвагу» – заслужил 29 января 1945 года на польско-германской границе за то, что в рукопашном бою уничтожил двух немецких солдат и двух взял в плен.

После Победы вернулся домой и работал в сельской потребительской кооперации станицы Новоминской. Умер в 1983 году. Был женат на Кобецкой Марии Ивановне, четверо братьев которой тоже находились на фронте.

* * *

В 1943 году в семью Рябко пришла похоронка. В ней сообщалось, что красноармеец **Рябко Андрей Сергеевич**, 1901 года рождения, пропал без вести в апреле 1943 года.

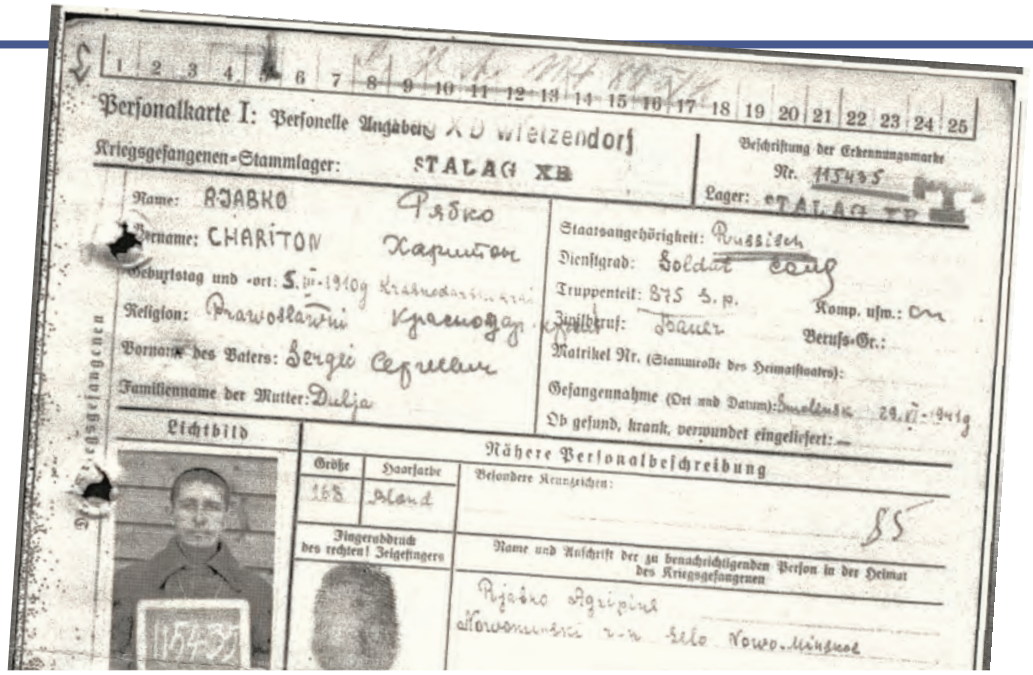
Бесследно исчез и другой из братьев – Василий. Кадровый военный, призванный в Красную Армию ещё перед войной, старший сержант **Рябко Василий Сергеевич** пропал без вести 4 августа 1944 года.

Других сведений о братьях Андрее и Василии найти не удалось.

Мать братьев Агриппина так и ушла из жизни, не узнав о судьбе сына Харитона. А красноармеец **Рябко Харитон Сергеевич**, 1915 года рождения, в боях под Смоленском 29 июня 1941 года попал в плен и умер в фашистском лагере на территории Германии 31 марта 1942 года. Об этом стало известно совсем недавно.

Солдаты Великой Отечественной войны есть почти в каждой новоминской семье. Они – незримые стражи памяти, хранители нашей славы и, вместе с тем, наши судьи.

Низкий поклон им за мужество и доблесть, за мирное небо! Будем достойны их славы!



Карта военнопленного
Рябко Харитона Сергеевича.

Семья Мостипан

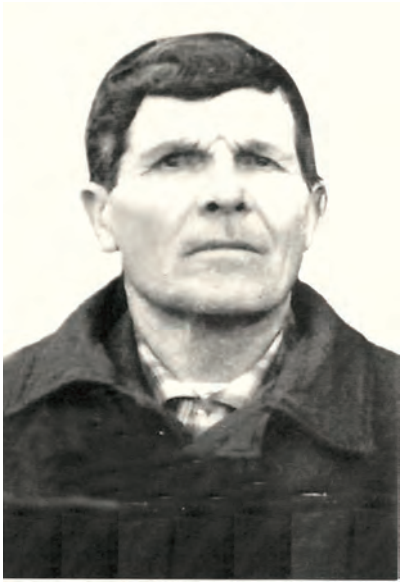
Мостипан Григорий Иванович, 1945 год.

Это было в 1946 году. Когда после демобилизации девятнадцатилетний **Мостипан Алексей Иванович** появился в районном военкомате, его работники с удивлением спросили: «Неужели и повоевать успел?» Фронтовик молча положил на стол военный билет, где было сказано, что он не только храбро воевал с фашистами и имеет орден Славы III степени, но после Победы очищал наши западные границы от остатков фашистских банд и их наймитов, не раз подвергался смертельной опасности.

...На фронт его долго не брали. С немецко-фашистскими захватчиками уже сражались его отец **Мостипан Иван Андреевич** и трое старших братьев: **Михаил**, **Николай** и **Григорий**. Военком не хотел рисковать жизнью молодого человека 1927 года рождения – таких Родина в действующую армию не посылала.

Шёл декабрь 1944 года, война в Европе близилась к завершению. Но Алексей Иванович хотел воевать и просился именно на фронт. Он попал в резервную часть. Однако случилось так, что резервные воинские соединения, выведенные из боёв для укомплектования, вновь понадобились на войне. Так новоминчанин оказался в составе войск 1-го Украинского фронта и храбро бил ненавистного врага.

Из писем от родных Алексею Ивановичу было известно, что домой в Новоминскую вернулся без ноги их тяжелораненый отец, а два старших брата перестали присылать письма.



Мостипан Иван Андреевич.

Мостипан Алексей Иванович.

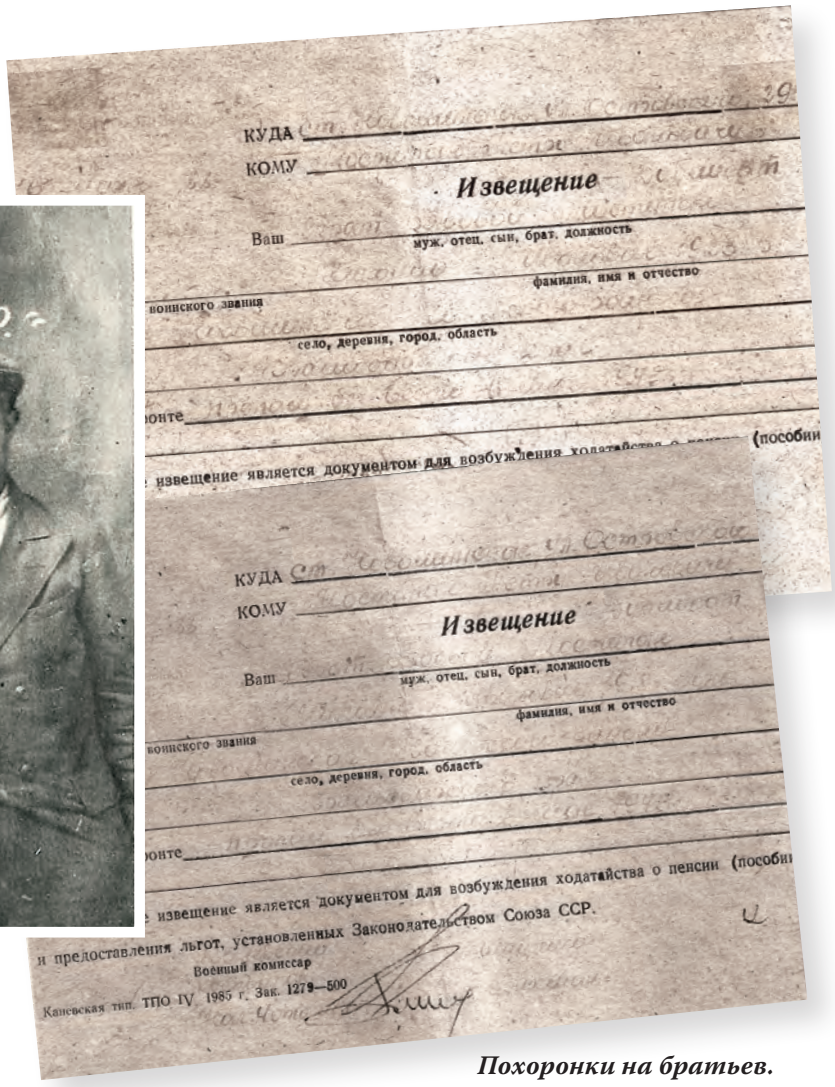
Продолжал сражаться с фашистами старший брат Григорий Иванович, 1922 года рождения. Красноармеец Григорий Мостипан был призван на фронт 22 октября 1941 года и все четыре года войны провёл в окопах, служил сапёром 92-го отдельного сапёрного батальона. Григорий и Алексей в то время ещё не знали, что воевавшие на разных фронтах их старшие братья Михаил и Николай пропали без вести в одно и то же время: в мае переломного 1943 года. Молчание братьев накладывало на младших ещё большую ответственность.

Отважно воевал с ненавистным врагом Алексей Мостипан. Вместе с боевыми товарищами освобождал Украину, Польшу, сражался с гитлеровцами на германской земле. Награждён орденом Славы III степени.

Из пяти новоминчан из семьи Мостипан, сражавшихся с фашистами, после Победы домой вернулись трое: отец Иван Андреевич, братья Григорий и Алексей. Все трудились в колхозе имени С. М. Кирова. Отец – кладовщиком, братья – прицепщиками и заправщиками.

Мостипан Михаил Иванович.

Мостипан Николай Иванович.



Похоронки на братьев.

Зоя СИЗОВА

ОСОБЫХ ПОДВИГОВ НЕ СОВЕРШАЛА

Фисан Анисья Захаровна

Родилась и выросла Анисья Захаровна в станице Каневской. Семилетку закончила в СШ № 1. Затем училась в школе РКШ на счетовода. До войны работала в «Заготскоте».

О том, что началась война, узнала на работе.

По приказу начальства стали выгонять скот, формировать его партиями, которые пастухи перегоняли на Краснодар. Так же складывали и упаковывали для отправки в Краснодар документы. Когда всё отправили, люди разбежались кто куда.

Семья жила на улице Казачьей. Немцы сюда не доходили. Иногда видели из окошка, как они на элеватор ездили на лошадях за продуктами.

Но, на всякий случай, мама не пускала взрослую дочь на улицу, а ночью прятала на чердаке и убирала лестницу, чтобы никто не нашел её.

А 7 февраля 1943 года, когда утром вышли на улицу, то узнали, что немцы отступили, оккупация закончилась.

После освобождения станицы «Заготскот» снова возобновил свою деятельность.

5 мая 1943 года Анисье Захаровне пришла повестка из военкомата. Как комсомолку призывного возраста её призвали служить в армию. На подготовке, пока изучали армейский устав, были один месяц в городе Приморско-Ахтарске. Затем отправили в город Краснодар, в 11-й отдельный зенитный дивизион связистом на КП батареи, где девушка прослужила до 1944 года.

Фисан Анисья Захаровна, 1944 год.

– Бомбёжка или налёт, дождь, грязь – катушку на спину и бегом вперёд. Если обрыв, брали тряпку в руки, чтобы не порезать проводом ладони, находили свою линию и бежали, пока не находили обрыв. Связь шла и по городу, и через железную дорогу: брали когти и сами залезали на столбы. Всего было. Идёшь по линии несколько километров, соединишь разрыв, а когда возвращаешься и подключаешься – узнаёшь, что снова обрыв линии, снова нужно бежать, искать и соединять провода.

– Из Краснодара в 43-ем году отступали. Нести на себе надо было аппарат, катушку и карабин. Бомбили всё время. Привыкли к этому так, что уже и не страшно было. Шли, куда прикажут, и выполняли беспрекословно все приказы, не задумываясь, останемся ли мы живы, возвратимся ли домой...

– Папа тоже был на фронте. Он служил в 4-ом ГККК. Я пишу письма, а они не доходят, – рассказывает Анисья Захаровна. *– Потом прислали справку, что отец отправлен на лечение в госпиталь. После госпиталя он служил адъютантом у Барашевского (под станицей Кущёвской в бою командир погиб). Потом служил адъютантом у другого командира на Кавказе. Затем от командира пришло письмо, что папа умер в госпитале на Украине от тяжёлого ранения.*

...А война продолжалась. Рота должна была идти в Чехословакию, но открылся второй фронт, и за границу они не попали. Были отправлены в Одессу. Стояли в обороне порта, охраняли лётную часть, которая вылетала на дальние бомбардировки. В конце 1944 года организовали прожекторную роту, где Анисья Захаровна тоже была связистом.

Фисан Захар Карпович (справа) с другом.

– В Одессе часто налёты были, бомбили постоянно. Ещё повезло, что батарею не сняли с платформы, а загнали её в тупик. Трём батареям пришлось погрузить и выгрузить приборы самим (и это – одни девчата). Девушки сами окапывались и устанавливали аппаратуру, сами копали землянки, накрывали их, сами окапывали орудия. Жили же как-то...

– Во время налётов «ловили» самолёты прожекторами. Бывало, что уходили самолёты, а бывало, что и сбивали. Радовались все, ведь было несколько зенитных батарей. На зенитных орудиях служили тоже девушки. Служили, воевали, погибали; верили, любили, ждали и надеялись.

У Анисьи Захаровны тоже был парень, с которым познакомились в школе: учились вместе, дружили. Во время войны, конечно же, переписывались. А на войне даже один раз случайно встретились. Анисья Захаровна вспоминает:

– Я еду в одном направлении, а он – в другую сторону. Увидел меня, стучит водителю по машине, чтобы остановился. А мои девочки мне кричат: «Кто-то зовёт, кто-то зовёт!» Остановились – он меня обнял, поцеловал и сказал: «Берегись, после войны встретимся». Вот и вся наша встреча.

Когда закончилась война, Анисья Захаровна дежурила. Услышала по индукции:

– Победа!.. Победа!.. Победа!..

– Я ничего не поняла сначала, потом девчонкам говорю: «Девочки, Победа, наверное, война закончилась!» Позвонили на другое КП. Нам сказали, что да, Победа! Мы вышли на улицу, все стреляют, все прожектора включили, небо всё светится. Такая радость была! Обнимаются, целуются. Кричат: «Ура! Домой поедем!»

– Так для меня война закончилась в городе Одессе. Звание у меня – красноармеец. Награды – медаль «За Победу над Германией 1941 – 1945 гг.». Особых подвигов не совершала, но и мой вклад есть в разгроме фашизма.

– После демобилизации я встретилась со своим парнем. Мы поженились и прожили в мире и согласии 53 года. Детей у нас, к сожалению, не было. Всё здоровье отобрала проклятая война...

Фисан Анисья Захаровна.

Зоя СИЗОВА

ЮНОСТЬ ВОЕННАЯ

Из воспоминаний Красновой Надежды Григорьевны

– Во время войны мы с подругами учились в 7-ом классе и работали в госпитале, который находился в гимназии. Это было до оккупации.

Зимой морозы стояли страшные, топить было нечем. В колхозе выдавали арбу, и мы ездили по полям, собирали бурьян – топили бурьяном и камышом.

Воду брали из речки. Бывало, по два – три раза приходилось возвращаться с полдороги. Было скользко. Поскользнулась, упала – вёдра в разные стороны. Поплакала, встала, опять пошла воду набирать, так как без воды ничего не сделаешь: и варить надо было, и стирать.

Дрова в парке заготавливали – весь парк обнесли: и пилили, и рубили – кто как мог.

Бойцы спали на полу на соломе.

Мы дежурили с двоюродной сестрой: принесли дров, натрусили соломки, натопили, пол помыли, натаскали полный бачок воды. Один раненый говорит:

– Ну, Надечка, ложись и поспи немножко, а когда надо будет, я тебя разбужу.

Я прилегла на лавке, где стоял бачок с водой, и уснула. Не помню, как упала, но упал и бачок с водой и разлился прямо под раненых. Один раненый стал успокаивать:

– Ничего, ничего! Сейчас всё уберём, я сейчас вам помогу.

Он помогал собирать воду и всё время меня успокаивал.

Мы не только ухаживали за ранеными, но и выступали перед ними, помогали писать письма, пели им песни – и всё на одном энтузиазме и за счёт молодости.

Много раненых поступило с Гарбузовой балки. Это были совсем молодые ребята 1925 года рождения.

Там шла линия обороны, и полегло много наших бойцов. Когда бойцы ехали туда, на линию фронта, то у нас останавливался штаб. Среди командиров был грузин. А когда бойцы отступали и попали к нам в госпиталь, то в живых остался только грузин.

Пока он лежал у нас в госпитале, мы ему отнесли подушку, кружку, ложку. Он нас, детей, учил петь грузинскую песню «Сулико». Потом, после войны, связь потеряли.

Мой отец – Голодько Григорий Михайлович, 1902 года рождения. Он работал начальником почты. Раньше был и заместителем, и на других должностях. Почта эвакуировалась в последние дни перед оккупацией. Уже никого не было в станице.

За день до того, как пришли немцы, было затишье на улицах и безлюдье. Телеграфные ленты висели на проводах, заборах, деревьях и летели по площади при первом дуновении ветерка. Только детвора босоногая всё так же носилась по улицам.

Кто-то из подруг сказал, что в заготконторе продают мёд. Мама очень боялась и не пускала нас на улицу, а я всё бегала по дому и не могла придумать, во что налить мёд. На глаза попался графин – я взяла его, деньги и побежала вслед за всеми в заготконтору. Там, посреди склада, стояла большая бочка мёда. Кто-то продавал мёд и собирал деньги. Очередь была очень большая. Вдруг, кто-то крикнул:

– Немцы!

Все вразбежную. Нас осталось всего человек десять.

– Та как же ж так? А мёд?

Мы – опять к этой бочке. Стою, мёд в графин напихиваю. Думаю, может успеем?! С продуктами плоховато было.

Краснова Надежда Григорьевна (стоит вторая слева), Черняк Владимир Львович (сидит во втором ряду сверху второй). 1940 – 41 годы, 7-ой класс.

Набрали мы мёда и пришли домой. Когда мы друг на друга глянули, то расхохотались до слёз. Все волосы были измазаны мёдом. В заготконторе лежала вовна (шерсть овечья): кто мёд набирал, а кто шерсть воровал и тащил через наши головы. Поэтому они были не только измазаны мёдом, но и вываляны в шерсти. Это было в августе 1942 года. Жара была неимоверная.

Оказалось, что тревога насчёт немцев ошибочная. Это мальчишки взяли в милиции деревянные ружья и маршировали по улицам. Маршировали и представляли, как будут немцев бить. Когда мы пришли домой все в меду, отмылись сначала. Мама нас крепко отругала. А на другой день пришли немцы.

В это время мой отец эвакуировался вместе с отцом врача Бублика. Сам врач работал в госпитале. Потом, когда пришли немцы, он работал в немецком госпитале. Он тайком из госпиталя передавал лекарства для раненых красноармейцев, которые скрывались и лечились у жителей станицы во время оккупации. Потом его отпустили.

Первыми зашли немцы на мотоциклах.

Взрослые прятались. А мы, детвора, были любопытные: нам хотелось всё увидеть.

Немцы вошли тихо, без выстрелов. Остановились, показывают, чтобы дали пить. Им вынесли воды. Они попили и уехали. И тихо было до тех пор, пока не началась облава на партизан.

Хорошо помню атамана Владимира Львовича Черняка. Он был учителем математики и нашим классным руководителем. У него было двое детей: Лёва и Мила. С Милой мы учились в одном классе.

Лёва очень рано (в 23 года) уехал из дома. Мила умерла в 16 лет.

Моя мама тоже была учительницей. Наши родители общались и дружили семьями. Это была очень порядочная и положительная семья.

Когда началась оккупация, Владимира Львовича избрали атаманом. Все его любили, уважали. Ему говорили:

– Владимир Львович, не уезжайте. Вас защитит сам народ.

Его жена умерла рано. Он вместе со своей матерью воспитывал детей.

Будучи атаманом, он спас много коммунистов. Говорил всем:

– Прячьтесь, уходите. Наши скоро придут. Немцы здесь больше полугода не будут.

Владимир Львович и Мила знали, что мы перед войной вступили в комсомол, и никого нигде не предали.

Он также предупредил, чтобы Видьмачка уходила. У неё три сына служили в армии, воевали. Видно, она на хуторе у родных пряталась.

Мама с ней не пошла, так как нас было трое детей и бабушка больная.

Продукты прятали в сарае. Выкопали ямку, туда спрятали бачок с мукой, сало, сахар и прикрыли всё соломой.

Но потом немцы стали искать спрятанное. Если находили – забирали, а хозяев расстреливали и закапывали здесь же.

Мы три раза за полгода перепрятывали продукты, чтобы немцы не нашли их. Немного продуктов всё же удалось сохранить.

Мама в войну не работала. За ней приходили, но она отказывалась.

До седьмого класса все занимались. Школа была и при немцах открыта. Мы вторично ходили в седьмой класс. Мама сказала: «Нечего зря болтаться. Иди и учись второй год».

Кроме того что Владимир Львович был хорошим и интеллигентным человеком, он очень хорошо играл на всех музыкальных инструментах.

В колхоз посылали и при немцах. Учитель организовал струнный кружок. И я на гитаре играла. Наработаемся – до упада, а вечером берём инструменты в руки – куда и усталость девалась.

Перед войной очень плохо было с тетрадями. Ученики сдали деньги, и мама купила тетради и сложила их в нижний ящик комода. Во время войны приходит к нам однажды полицай с немцами. Мама вышла и спрашивает:

– В чём дело?

– Да вот к вам зашёл человек с мешком.

– Нет, к нам никакого человека с мешком не заходило. Проходите, смотрите.

И они прошли прямо к комоду и давай по его ящикам лазить. Мать говорит:

– Так что же вы ищете в комоде? Если человека с мешком, так и ищите уже человека с мешком. В комоде он же не может прятаться?!

Там лежали папины перчатки, кое-что из вещей – всё взяли. Открыли нижний ящик, а там тетради. Немец расцвёл, обрадовался. У них, наверное, тоже был дефицит с бумагой. Вытащил все тетради и бросил на стол маме марки. Она говорит:

– Нет, я не торгую, я учительница. Это на детские деньги закуплены тетради для учеников. Имеете право так забрать – забирайте, а я не торгую.

И они забрали все тетради. Агрессивными немцы здесь не были.

Вернулся, не успев эвакуироваться, отец. Он спасался в подвале у маминой сестры Литюк Дарьи Константиновны. Всего у неё прятались 12 человек. Это была смелая и отважная женщина. Она прятала у себя бойцов, пока армия не освободила станицу.

Владимир Львович пришёл и сказал:

– Уходи, уходи, а то я всех спасти не смогу. Забирайте всех, кто есть, кого знаете. Никакой регистрации паспортов! Расстреляют. Ждите, когда наши придут, они уже скоро будут здесь.

Отец приходил по ночам, чтобы проведать нас. Однажды мы все сидели за столом и ужинали всей семьёй. Горел каганец. Вдруг раздался стук в окно. Все притихли, услышав немецкую речь:

– Открывай!

Мама запричитала, не зная, куда спрятать отца. Но ничего уже сделать было нельзя, и ей пришлось идти и открывать дверь. Зашли два немецких офицера. Один был спокойный, а другой с пистолетом и кричит:

– Партизан! Партизан!

Пистолет к лицу отца приставляет и ещё что-то кричит по-немецки. Длилось это с полчаса. Фашист уже приказал отцу встать и идти с ними. Другой немец долго и пристально смотрел на нас.

Может быть, и случилось бы непоправимое, но судьба распорядилась иначе.

Папе один боец подарил плащ-палатку. Мама нам из неё пошила одинаковые сарафаны. Сидим мы в этих сарафанчиках, перепуганные до смерти. Мне было 14 лет, средней – 9 лет, а младшей – годик.

Подошёл спокойный немец к своему напарнику, похлопал его по плечу, достал из кармана фотографию и показывает ему, что там жена и трое детей у него. Говорит:

– Нах хауз фрау и драй киндер (дома жена и трое детей).

Тот, значит, тише, тише. Первый достаёт из кармана три шоколадки и дал нам всем троим по одной. Потом тянет другого немца из дома, и тот очень нехотя пошёл. А он ему на ходу суёт фотографию и уговаривает, что, мол, дома тоже жена у него и трое детей.

Всё-таки дрогнула душа, хоть и немцы. Не смог расстрелять хозяина, так как у самого жена и трое детей дома. И утащил напарника, а маме сказал:

– Никому не открывайте, если будут стучать. Скажите, что у вас на квартире офицер немецкий.

Никто, правда, больше не приходил. Но и отец больше не приходил, пока наши в феврале не пришли.

Парашютистов тоже видела. Их сбросили на Кущёвку, а ветром снесло на нашу станицу. Не обошлось без предателя. Их расстреляли на пенькозаводе. Я их ещё живых видела – везли на арбе мимо нас. На улице как раз была. Снег был, холодно, морозы сильные. Вижу, едет арба, а в ней двое в белых дублёнках – наши, советские. Я бегу домой:

– Мама, наших советских лётчиков везут (они были похожи на лётчиков).

Ходили все смотрели: их то по одному, то по двое ловили и свозили на пенькозавод.

В живых остался только один испанец. Его спасла наша женщина каневчанка. Он спустился на парашюте, обморозился. Его подобрали, затащили в погреб, оттирали салом лицо, руки, ноги – так и спасли.

Какие они были все замученные! У всех на щеке были звёзды выжжены, а у Вали (девушки) были груди отрезаны. И у каждого на шее была щель прорезана.

Я в почётном карауле стояла, когда их перехоранивали через год. Провели эксгумацию и все тела переложили в гробы. Сто гробов стояло в кинотеатре «Родина»: лежали рядом и русские, и испанцы, и девушка Валя.

Наши пришли в феврале. Пришли, стучат в дом, где тётя Даша жила. Она спрашивает:

– Кто там?

– Свои, Красная Армия пришла.

Все бойцы были обтрёпанные, оборванные. Как только наша армия победила?! На одном энтузиазме: ни оружия, ни еды, ни одежды. Были такие идейные и преданные.

...Это было уже в 1944 году. Я пошла в восьмой класс. Чтобы учиться, надо было заплатить 150 рублей. Денег у нас не было, платить нечем. Пошла работать. Собирала налоги.

Когда мне исполнилось 16 лет, меня мобилизовали на стройку Сталинграда. Нас из Каневской было 25 человек. Работали на заводе «Баррикады».

Голод был ужасный, вшей – видимо-невидимо. Разруха полная. Больше всего запомнила разрушенные дома, и как торчали из них кровати.

Очень много было пленных немцев. Они строили. Мы на субботниках работали рядом с ними – выгребали мусор.

Я была невыносимо худющая. Начальник цеха вызвал меня к себе и дал дополнительные талоны ИТРовские на пшённую кашу. Протянул талоны и говорит:

– Надя, бери. И чтобы ела каждый день кашу и никому не давай. Чтобы съедала всё сама.

А у меня уже были голодные обмороки. Вот он меня, может, и спас от голода. Я бы там умерла.

В начале апреля мы получили зарплату и поехали на первый Сталинград за покупками. Очень уж хотелось купить пирожок и заквaски. Все соскучились по домашней еде.

Стою я возле бабушки, покупаю пирожок. Везде полно военных. Рядом со мной тоже стоит военный и пристально на меня смотрит. Усы, как у Будённого. Он – на меня, я – на него. Он как закричит:

– Надичка!

– Папа!

Схватились мы с ним, обнялись. Все военные сбежались, наши – тоже. А мы обнялись и не отпускаем друг друга. Ведь как его забрали на войну после оккупации, так мы и не виделись до Сталинграда. Я плачу, он плачет. Подошёл командир, выписал пропуск мне с подругой в часть к отцу.

Часть стояла на отдыхе под Сталинградом. С отцом служил брат Володьки Видьмака (какой – он не знает). Мы приехали в часть. Надо было видеть, как бойцы несли нам, кто что мог: и комбижир, и сахар, и мыло.

Мылись мы раз в неделю порошком из подсолнечника. Пока моемся, наше бельё надевали на кольца металлические и прожаривали от вшей в печи. Сплошные вши были.

Мы уехали из части с двумя полными сумками. Нам разрешили один выходной мне к папе приезжать, а другой – ему ко мне.

Когда нас поместили жить в общежитие, там уже мы жили геройски. Был у нас большой чугун. Мы каши наварим, комбижир туда бросим: всех кормили, поддерживали.

День Победы я встречала в Сталинграде. Два дня мы не могли спокойно работать. Состояние было шоковое. В три часа утра Левитан объявил, что МИР! Ребята стучат, кричат:

– Девчата, вставайте, война закончилась!

Кто плакал, кто смеялся, у кого истерика. Пленные немцы сидели, понурив головы.

Нас с папой демобилизовали одновременно, и в первую очередь: меня как несовершеннолетнюю, а папу как старшие возраста. Это было в июле. Вишни были. Я заболела ужасно – живот сорвала тяжёлой работой.

Домой ехали поездом. Одна девушка на весь вагон, а то – все военные мужчины. А я – в туалет, да из туалета. Папа говорит:

– Надичка, ты поешь, такая тушёнка вкусная!

Какая там тушёнка. Я только и знала, что туда – сюда мотаться.

Ехали три дня. Приехали в Краснодар. Их часть повели в кино. А я не могу никуда отойти. Отец посадил меня на вокзале и приказал сидеть, пока не вернётся.

Когда вернулся, поехали в Каневскую. Люди на каждой станции и каждый день встречали поезда с военными. Наш – не наш. А вдруг своего встретят?!

Мы сошли с папой с поезда, а мама к нам навстречу кинулась:

– Ой, Боже, наши приехали!

Пришли мы домой. Мама с меня сняла всё вшивое бельё и бросила в печку. Чувствовала я себя очень плохо. Пришлось месяц отлежать в больнице.

После войны я окончила бухгалтерские курсы. Потом познакомилась с мужем, Красновым Иваном Матвеевичем. Он был на войне фельдшером, с войны пришёл инвалидом. У нас родилась дочь (сейчас живёт в Ростове-на-Дону). Мы прожили долгую и счастливую жизнь, несмотря ни на какие трудности.

Отделение радистов 22-го артполка штабной батареи 22-ой Краснодарской дивизии 9-го корпуса Северо-Кавказского Военного округа. В верхнем ряду второй слева – командир отделения Шведко Василий Хрисанфович. 1933 год.

Жанна ОМЕЛЬЧЕНКО

БОЕВОЙ ПУТЬ ОТЦА

Посвящается моему отцу и всему кубанскому казачеству.

Мой отец Шведко Василий Хрисанфович родился 26 февраля 1910 года предпоследним ребёнком в простой семье, где уже было пятеро детей. Дедушка Хрисанф Семёнович служил конюхом при Свято-Покровском храме, расположенном в центре станицы Каневской, бабушка Наталья Петровна была домохозяйкой.

В 1933 году отец был призван в Красную Армию. Первоначальную службу проходил в учебной части станицы Афипской Краснодарского края, где получил специальность связиста. Затем был переведён в город Ставрополь.

Сохранилась открытка от 4 декабря 1933 года, на обратной стороне которой рукой отца написаны эти строки: *«На память дорогим родителям папе и маме, брату Грише и сёстрам Тане, Марусе и Рае и дорогой племяннице Таичке от Василия Хрисанфовича Шведкова, командира отделения радистов 22 артполка штабной батареи 22 Краснодарской стрелковой дивизии 9 корпуса Северо-Кавказского Военного округа».*

После возвращения из армии отец работал по специальности в радиоузле, который располагался в здании на углу улиц Вокзальной и Почтовой (ныне Нестеренко). Участвовал в электрификации и радиофикации станицы, проводил свет и устанавливал радиотарелки в хатах каневчан. В 1936 году женился на моей маме – Шкарбан Нине Сергеевне, молоденькой работнице сберкассы. В 1937 году родилась я. Весной 1941 года отец окончил вечернюю школу-семилетку.

Война началась внезапно. Мой отец Шведко В. Х. был мобилизован Каневским райвоенкоматом в декабре 1941 года (по данным Книги Памяти). К этому времени Правительство принимает решение о создании кавалерийских дивизий лёгкого типа без артил-

лерийских и танковых полков. Перед ними ставится задача: в ходе оборонительных боёв прикрывать отход других соединений и наносить контрудар по флангам и тылам прорвавшихся группировок противника, а при наступлении преследовать неприятеля, осуществляя рейды по тылам противника.

Краснодарский крайком партии 15 октября 1941 года направляет в Москву письмо с просьбой о формировании казачьих кавалерийских дивизий на Кубани:

1. *Разрешить сформировать средствами колхозов края 3 казачьих дивизии в порядке добровольности из числа казаков и адыгейцев без ограничения возраста по принципу – сотня от района.*
2. *Разрешить обмундировать личный состав в кубанскую казачью форму.*
3. *Разрешить обеспечить дивизии конским составом в количестве 955 лошадей за счёт мобилизации лошадей.*
4. *Выделить из кадрового состава Красной Армии для дивизий и полков высший и средний комсостав в количестве 78 человек.*

Секретарь Крайкома ВКП(б)
Селезнев П. И.

Из Постановления бюро Крайкома ВКП(б) о ходе формирования Кубанских казачьих дивизий от 9 ноября 1941 года: *«...к 25 ноября свести все казачьи сотни для прохождения двухнедельных лагерных сборов в центры расположения полков...»*

Формирование казачьих частей осуществлялось, в основном, на добровольной основе. В случае необходимости казачьи сотни доукомплектовывались мужчинами призывного возраста, в числе которых был мой отец.

Колхозы края приняли деятельное участие в формировании сотен. Они обеспечивали казаков обмундированием и продуктами, поставляли лошадей и фураж для них. Шашки для казаков изготавливали в Краснодаре. Когда закончились запасы стали нужной марки, выход нашли быстро – начали использовать вагонные пружины, металл которых отвечал нужным требованиям.

Обучение казаков закончилось к 1 января 1942 года. По Приказу Народного Комиссара Обороны СССР тов. Сталина № 003 от 4 января 1942 года был образован 17-ый Кубанский кавалерийский корпус, зачисленный в кадровый состав Красной Армии. Добровольческим 1-ой, 2-ой и 3-ей казачьим дивизиям были присвоены новые номера: 10-я, 12-я и 13-я соответственно. Казачьи сотни, в соответствии со штатом кавалерийских дивизий Красной Армии, были переименованы в эскадроны.

С 1 мая 1942 года Приказом Наркомата Обороны казачий корпус был введён в состав действующей армии. 29 мая 17-ый кавалерийский корпус возглавил Н. Я. Кириченко. Корпус вошёл в состав Северо-Кавказского фронта под руководством С. М. Будённого.

Учитывая положение на фронте, 17-му кавалерийскому корпусу была поставлена задача – держать оборону по левому берегу реки Дона, реке Кагальнике и далее по восточному побережью Азовского моря до города Темрюка в низовьях Кубани. К началу боевых действий в 17-ом корпусе насчитывалось около 20 тысяч казаков-кавалеристов. Воинская часть отца дислоцировалась в районе Ейска. Мама ездила к нему и привезла оттуда мне подарки: сахар и чернильницу-невыливайку, с которой я пошла в школу 1 сентября 1944 года.

В ночь с 23 на 24 июля 1942 года 38-я армия без приказа отходить оставила Ростов и панически отступала, не успевая организовать оборону. 27 июля немцы форсировали реку Дон и перешли в наступление. 28 июля Сталин издал Приказ № 227, который получил в войсках название «Ни шагу назад». Но войска отступали. 29 июля 17-ый кавалерийский корпус получил Приказ № 00600 выступить полным составом и совместно с 18-ой и 56-ой армиями нанести удар по прорвавшейся из Батайска группировке противника.

«56-я армия (с 17 октября по 22 октября 1941 года – 56-я отдельная Армия) сформирована 17 ОКТЯБРЯ на базе управления войск Северо-Кавказского военного округа. В состав армии (по состоянию на 3 ноября) входили: 31, 317, 343, 347, 353-я СТРЕЛКОВЫЕ дивизии; 302-я горно-стрелковая дивизия; 62, 64, 68 и 70-я кавалерийские дивизии; 6-я танковая бригада; 81-й отдельный танковый батальон; 7-й дивизион бронепоездов; Отдельный Донской отряд кораблей Азовской военной флотилии; авиационные, артиллерийские, инженерные и др. соединения и части. 22 ноября вошла в состав Южного фронта и выполняла задачу по обороне Ростова-на-Дону с севера и северо-запада...» Далее последовал захват немцами Ростова 17 – 21 ноября 1941 года и его освобождение 29 ноября, и снова отступление, но уже в мае 1942 года и т. д.

30 июля по Приказу № 00606 17-ый корпус должен был занять оборону по южному берегу реки Ея. Тогда же корпусу были переданы 1167-ой пушечный, 1187-ой лёгкий артиллерийский полки и 149-ый миномётный полк. В 149-ом миномётном полку отец служил телефонистом до 12 декабря 1942 года, корректируя огонь его батарей. Он вызвал огонь на себя и погиб смертью храбрых под немецкими танками. Но это было позже. Впереди казаков ждали тяжёлые испытания.

2 – 3 августа происходили ожесточённые бои в районе станицы Кущёвской. 4 августа корпус получил Приказ Северо-Кавказского фронта № 0077, согласно которому он начал отход за реку Кубань.

Ранним утром 5 августа, едва забрезжил рассвет, воинская часть отца, в составе которой было много каневчан, отступала через станицу. Весь день бойцы прощались с близкими, а когда солнце стало клониться к закату, они на лошадях и машинах полуторках ушли в сторону Краснодара. Отец уходил с последней машиной. А на следующее утро в станице уже хозяйничали немцы…

27 августа 1942 года Приказом Народного Комиссара Обороны СССР № 342 17-му Кубанскому кавалерийскому корпусу было присвоено гвардейское звание и корпус стал именоваться 4-ый Гвардейский Кубанский кавалерийский корпус. Гвардейскими стали все дивизии и полки корпуса, а также корпусные части. Командиру корпуса Н. Я. Кириченко было присвоено звание генерал-лейтенант.

В конце сентября после короткого отдыха 4-ый Гвардейский Кубанский кавалерийский корпус был переброшен на правый фланг Закавказского фронта (Черноморская группа войск). Это было вызвано неэффективностью использования кавалерии в гористой местности и особыми замыслами командования фронта.

С 25 июля по 31 декабря шли жестокие оборонительные бои. Противник пытался прорваться к Грозному и Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Одна только Моздокская операция унесла жизни десятков тысяч солдат и офицеров, но враг не прорвался в долину Алхан-Чурт и к Эльхотовским воротам.

Перед 4-ым Гвардейским Кубанским кавалерийским корпусом была поставлена задача: 2 октября 1942 года начать рейд в глубокие тылы 1-ой танковой армии противника (Решение ставки от 24.09.42 г.), в то время как основные силы Северной группы войск должны были очистить от врага южный берег Терека.

Карта линии фронта, где кубанские кавалеристы стояли насмерть против 1-ой танковой армии противника.

В условиях безводной полупустыни корпус по ночам продвигался на северо-запад, непрерывно подвергаясь налётам немецкой авиации. В упорных боях 17, 27 октября – 3 ноября он понёс тяжёлые потери и вынужден был отступить вглубь бурунной степи, так и не выйдя в тылы 1-ой танковой армии.

Производя очередной налёт, казачий корпус невольно втягивался в тяжёлые бои и часто оказывался в окружении. Не хватало боеприпасов, артсредств, фуража, воды и еды. Гибли люди и конский состав. Противник бросал против конницы танки и мотопехоту на машинах. Укрыться на открытой местности негде. Кавалеристы решали задачу только за счёт беспредельной храбрости. Но задачу командования они выполнили – оттянули часть сил противника на северный берег реки Терека для прикрытия своего открытого фланга.

В конце первой декады ноября 1942 года командование продолжило подготовку Северной группы войск к контрнаступлению. И снова перед 4-ым Гвардейским Кубанским кавалерийским корпусом поставлена задача: выйти на коммуникации противника в районе Георгиевска. Для этого в распоряжение командующего конной армией генерала Кириченко были выделены три танковых полка (117 машин) и 216-я авиадивизия в составе двух штурмовых (на Ил-2) и двух истребительных (на Як-7) полков. Помимо того, в неё включили почти все кавалерийские соединения фронта, а на укомплектование её тыла использовали тылы 37-ой армии.

Контрнаступление было очень важным моментом для выполнения планов командования под Сталинградом. Нужно было не дать противнику перебросить свои механизированные войска к Сталинграду, во что бы то ни стало. Но не всё получилось так, как было задумано. Курчавились инеем лошадиные морды, обмерзали сосульками усы и брови казаков. От ветра кони и люди укрывались в камышовых балках. Поджимали морозы, а бурки оставались у немногих, шинели – и те получили не на весь личный состав.

Кириченко Н. Я. после инспекции одной из кавалерийских дивизий писал в донесении командующему фронтом: *«В результате преступного <…> использования дивизия доведена до небоеспособного состояния. Конский состав доведён до изнеможения <…> Люди измотаны, ободраны и завшивлены <…> Матчасть и оружие истрёпаны и требуют немедленного восстановления…»*

Не лучшим было положение и всего 4-го Гвардейского Кубанского кавалерийского корпуса, в эскадронах которого оставалось по 20 – 25 активных бойцов. Когда же в усиление ему были присланы конно-сапёрные эскадроны без лошадей, оружия, шанцевого инструмента, Кириченко писал в докладной: «*Это не конные, не Гвардейские, не сапёрные и не эскадроны, потому что лошадей нет, шанцевого инструмента нет, это неорганизованная голодная толпа людей <…> Этот факт является надругательством над*

Памятник в степи над братской могилой, в которой захоронены бойцы и командиры Кубанской дивизии, погибшие в декабрьских боях 1942 года.

гвардией и показом врагам нашей бедности <...> Такая злая сатира и издевательство над советскими людьми терпимы быть не могут. Тов. Сталин к гвардии относится иначе, чем чиновники, формировавшие эти «сапёрные эскадроны»».

Несмотря на то что враг к зиме 1942 года ослаб и был вынужден вывести на оборонительные рубежи запасные, инженерные, жандармские и прочие нестроевые подразделения, сражение сразу приобрело ожесточённый характер. В декабрьских боях в районе хуторов Новкуса-Артезиана, Сунженского, Нортона, Торосова казакам пришлось действовать в основном пешими против подготовленной в инженерном отношении обороны противника, в результате боевая мощь корпуса быстро таяла. На 12 декабря в его полках числилось по 350 – 500 человек, из которых активных сабель было всего по 200. Общая численность трёх дивизий составляла 7168 человек (в боевых подразделениях – 2514).

С учётом потерь 4-го Гвардейского Кубанского казачьего и 5-го Донского корпусов за время декабрьских боёв 12, 14 и 27 декабря из 11000 человек в живых и израненных осталось только 800.

Из архивов ЦАМО: *«Шведков Василий Хрисанфович, казак, телефонист 4-го Гвардейского Кубанского корпуса убит под хутором Нортон Орджоникидзевского края. Похоронен западнее О.Т.Ф. под хутором Нортон».*

Из письма командира: *«Шведко Василий Хрисанфович, рядовой, телефонист, гвардии казак 149 миномётного полка 4-го Гвардейского Кубанского казачьего корпуса погиб смертью храбрых под немецкими танками с гранатами в руках. Он до последней минуты корректировал огонь миномётных батарей, но не покинул свой наблюдательный пункт».*

Из рассказа каневчанина, вернувшегося с войны: *«Василий мог бы спастись в том бою, если бы перескочил в другой окоп, когда увидел, что на него идёт танк. Но не сделал этого и до конца выполнил свой долг».*

...Десятки, сотни братских могил разбросаны по степи. Здесь захоронены те, кто до конца выполнил свой священный долг перед Родиной. На одном из памятников у села Богдановка Ставропольского края выбиты слова: *«Бойцам и командирам 4-й Гвардейской Кубанской казачьей кавалерийской дивизии Северной группы войск Кавказского фронта. Светлая память погибшим за Родину».* Среди перечисленных фамилий есть и фамилия моего отца. *«26.02.1910 – 12.12.1942 гг.»* – ему не было и тридцати трёх лет...

4-ый Гвардейский КККК прошёл славный путь через Украину до Польши, Румынии, Чехословакии и награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Суворова, Кутузова – но уже без отца и других станичников из эскадрона, сформированного в декабре 1941 года в станице Каневской.

Предлагаемый вниманию читателей материал подготовлен по архивным данным, литературным произведениям и личным воспоминаниям автора.

Евгений ТЁР

МЫ – ПЕХОТА: В БОЮ ЕСЛИ НЕ УБИТ, ТО РАНЕН…

Евгений Викторович ТЁР,

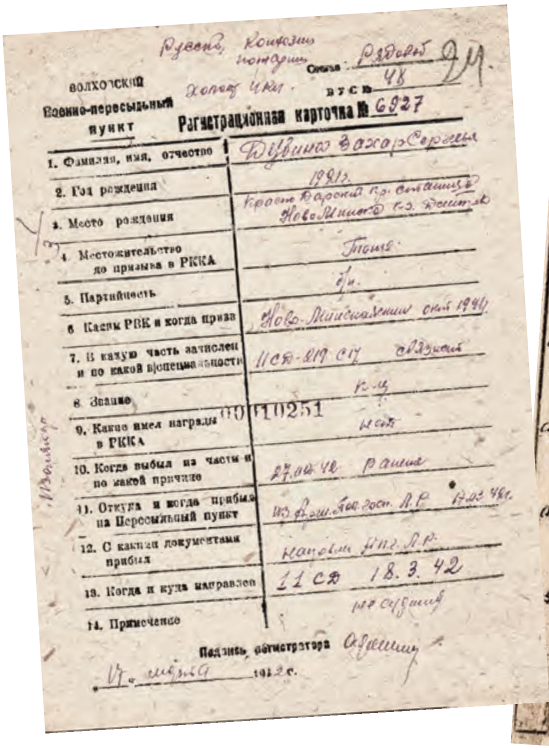
кандидат исторических наук, председатель Ленинградской районной организации Краснодарского отделения Российского общества историков-архивистов, член Союза журналистов России (ст. Ленинградская).

В последнее время, благодаря тому что Министерство обороны Российской Федерации опубликовало документы о событиях Великой Отечественной войны, в которых отображён подвиг нашего народа, я узнал, наконец, о вкладе близких родственников в Великую Победу. Например, об уроженце станицы Новоминской Дубине Захаре Сергеевиче (1921 – 1973 гг.), своём деде, и участии его в двух сражениях – Любаньской наступательной операции 1942 года и операции «Искра», когда Красная Армия впервые прорвала кольцо блокады Ленинграда в январе 1943 года.

Непросто писать о близком человеке, о том, что ему пришлось пережить, воюя на Волховском фронте, защищая Ленинград. Что из себя представлял Волховский фронт? Это сплошная болотисто-лесная местность между озёрами Ладожским и Ильмень.

«Как правило, местность была болотистая, ноги погружались в мокрую грязь. Мириады комаров и крупных слепней облепляли лицо и руки. Резких движений, чтобы смахнуть эту нечисть, нельзя было делать, противник мог заметить. Нельзя было зажечь самокрутку, дымом которой обычно разгоняли комаров. Немцы были в лучшем положении: им выдавали зелёные противомоскитные сетки, предназначенные для тропических джунглей <…> К слову сказать, жизнь на Волховском фронте всегда была нелёгкой. Постоянно мокрые ноги. С потолка землянки течёт (под струи подвешивали котелок). Почти всегда холодно и ветрено. Весной, кроме комаров, в изобилии появлялись клещи, и были случаи энцефалита…» – читаю в статье Н. Н. Никулина «Художник и война» в журнале «Новый часовой».

Из имеющихся документов, открытых на сайте «Память народа», узнаю, что, согласно регистрационной карточке № 6927 Волховского Военно-пересыльного пункта, красноармеец Дубина Захар Сергеевич, уроженец колхоза им. Димитрова станицы Новоминской Краснодарского края, призванный в октябре 1941 года Новоминским РВК, 27 февра-



Волховский
Военно-пересыльный
пункт

Регистрационная карточка № 6927

Сословие: Рядовой
ВУС № 48

1. Фамилия, имя, отчество	Дубина Захар Сергеевич
2. Год рождения	1921 г.
3. Место рождения	
4. Местожительство до призыва в РККА	
5. Партийность	б/п.
6. Каким РВК и когда призван	
7. В какую часть зачислен и по какой специальности	11 сд 219 сп связист
8. Звание	
9. Какие имел награды в РККА	нет
10. Когда выбыл из части и по какой причине	27.02.42 ранен
11. Откуда и когда прибыл на Пересыльный пункт	
12. С какими документами прибыл	
13. Когда и куда направлен	11 сд 18. 3. 42
14. Примечание	не судим

Подпись регистратора

1942 г.

Регистрационная карточка военно-пересыльного пункта Волховского фронта.

Схема положения частей 11-ой стрелковой дивизии на 27.12.1942 года (ст. Погостье).

ля 1942 года был ранен. Службу проходил в 11-ой стрелковой дивизии 219-го стрелкового полка в качестве связиста-проволочника (военно-учётная специальность № 48).

После излечения в армейском госпитале для легкораненых он направлялся обратно в свою часть 18 марта 1942 года. Из дополнительных сведений, отмеченных в карточке: не судим, холост, 4 класса образования, русский, колхозник, пожарный.

Кто такой связист на передовой? Обратимся к воспоминаниям фронтовика Н. Н. Никулина: *«В штабе нас распределили по войсковым частям. Лучше всех была судьба тех, кто попал в полки связи. Там они работали на радиостанциях до конца войны и почти все остались живы. Хуже всех пришлось зачисленным в стрелковые дивизии.*

– Ах, вы радисты, – сказали им, – вот вам винтовки, а вот – высота. Там немцы! Задача – захватить высоту!

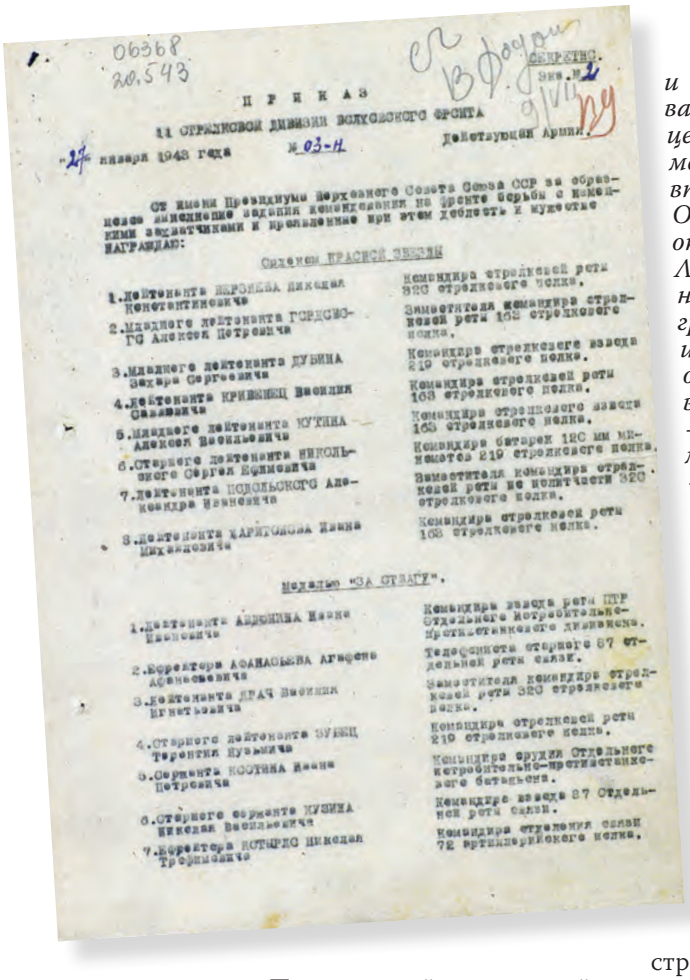
Так и полегли новоиспечённые радисты на безымянных высотах…»

Видимо, это и случилось с рядовым З. С. Дубиной: «…вот вам винтовки, а вот – высота!»

Данные карточки говорят о том, что Захар Сергеевич участвовал в Любаньской наступательной операции 1942 года, когда Волховский фронт начал наступление для прорыва блокады Ленинграда, но наткнулся на отчаянное сопротивление немцев на станции Погостье. Об этом – статья председателя поисковых отрядов Ленинградской области И. Г. Прокофьева.

Оказывается, 7 января в 54-ю армию прибыла 11-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора В. И. Щербакова. После жестоких боев под Кингисеппом и на Ораниенбаумском плацдарме в районе сосредоточения располагаются 219-ый и 320-ый стрелковые полки, остальные подразделения ещё на марше. Несмотря на отсутствие штаба, артиллерийского и 163-го стрелковых полков дивизия получает приказ сменить 3-ю гвардейскую стрелковую дивизию и перейти в наступление. По воспоминаниям комдива, при выдвижении полков к железнодорожной насыпи они попали под организованный огонь противника и понесли большие потери.

Позднее выясняется, что малочисленные подразделения 3-ей гвардейской стрелковой дивизии проникли между немецкими позициями в глубину обороны противника на 2,5 – 3 км незамеченными и радировали оттуда командиру дивизии полковнику А. Д. Краснову, что прорвали немецкую оборону и ведут бои в 3 км западнее железной дороги. В принципе, это было так, но только, пройдя незамеченными между опорными пунктами немцев, они сами не заметили узлов сопротивления, развёрнутых вдоль ж/д насыпи. Полковник А. Д. Краснов, не проверив полковые донесения, ввёл в заблуждение штаб армии, и дивизия Щербакова попала под огонь.



06368
20.543

СЕКРЕТНО
Экз. № 2

П Р И К А З

11 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ ВОЛХОВСКОГО ФРОНТА

Действующей Армии.

27 января 1942 года № 03-н

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество НАГРАЖДАЮ:

Орденом КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

1. Лейтенанта ЯКОВЛЕВА Никиту Константиновича — Командира стрелковой роты 320 стрелкового полка.
2. Младшего лейтенанта ГОРДЕЕВА Алексея Петровича — Заместителя командира стрелковой роты 163 стрелкового полка.
3. Младшего лейтенанта ДУБИНА Захара Сергеевича — Командира стрелкового взвода 219 стрелкового полка.
4. Лейтенанта КРИВИЦА Василия Савватиевича — Командира стрелковой роты 163 стрелкового полка.
5. Младшего лейтенанта МУТИНА Алексея Васильевича — Командира стрелкового взвода 163 стрелкового полка.
6. Старшего лейтенанта НИКОЛЬСКОГО Сергея Ефимовича — Командира батареи 120 мм минометов 219 стрелкового полка.
7. Лейтенанта НОДОЛЬСКОГО Александра Ивановича — Заместителя командира стрелковой роты по политчасти 320 стрелкового полка.
8. Лейтенанта ХАРИТОНОВА Ивана Михайловича — Командира стрелковой роты 163 стрелкового полка.

Медалью "ЗА ОТВАГУ".

1. Лейтенанта АНДРИЯНА Ивана Ивановича — Командира взвода роты ПТР Отдельного истребительно-противотанкового дивизиона.
2. Корректора АСАНАСЬЕВА Аркадия Афанасьевича — Телефониста старшего 87 отдельной роты связи.
3. Лейтенанта ДРАЧ Василия Игнатьевича — Заместителя командира стрелковой роты 320 стрелкового полка.
4. Старшего лейтенанта ЗУЕВА Терентия Кузьмича — Командира стрелковой роты 219 стрелкового полка.
5. Сержанта КОЗЛОВА Ивана Петровича — Командира орудия Отдельного истребительно-противотанкового батальона.
6. Старшего сержанта КУЗЬМИНА Николая Васильевича — Командира взвода 87 Отдельной роты связи.
7. Корректора КОТЛЯРОВ Николая Трофимовича — Командира отделения связи 72 артиллерийского полка.

Приказ 11-ой стрелковой дивизии Волховского фронта о награждении.

В своей книге «На приморских флангах» командир 11-ой стрелковой дивизии В. И. Щербаков, описывая это наступление, отмечал: *«с самого начала операция была обречена на неудачу. Безответственно отнёсся к организации боя и взаимодействия ударной группировки штаб армии. Каждая дивизия выступала в отведённой ей полосе по своему усмотрению вне связи с планом операции. Совершенно было непонятно, кто же должен был организовать наступление ударной группировки армии? Ни перед наступлением, ни в ходе его, никто из представителей штаба армии в дивизии не появлялся. Всё управление шло по телефону...»*

Далее ещё более откровенные, жёсткие по своей правде строки генерала: *«...Мы понапрасну теряем людей, потому что каждый воюет сам по себе. Чем меньше становится людей и средств подавления в дивизиях, тем должна быть сильна организация. Это непреложный закон. У нас же пока всё наоборот. И так каждый день, а продвижения нет. До 16 января 11-я стрелковая дивизия безуспешно вела атаки на позиции противника. Подразделения таяли. Конечно, и противник нёс потери. Когда мы перевалили через ж/д, красноармейцы увидели целые штабеля, сложенные из трупов немецких солдат. Однако без продвижения вперёд свои потери казались большими. Особенно трудно было преодолеть полосу отчуждения и взобраться на насыпь ж/д. Люди шли по пояс в снегу, карабкались на насыпь с возгласами: «Дадим хлеб ленинградцам!» Скатывались обратно вниз и вновь подымались в атаку. В полках оставалось всё меньше людей. Сосед справа – 3-я гвардейская стрелковая дивизия – уже не атакует, все лежат в снегу и с места ведут огонь по врагу. Сосед слева – 281-я стрелковая дивизия – тоже не имеет успеха <...> На 15 января в полках 11-й стрелковой дивизии оставалось от 60 до 150 активных штыков. Операция закончилась неудачей. Оборона противника прорвана не была <...> Каждый день с утра начинался жиденькой артподготовкой, потом давался залп «Катюшами». Затем пехота поднималась и шла в атаку. Так повторялось изо дня в день...»*

После многодневных, не принёсших успеха боев Щербаков решает атаковать противника неожиданно, ночью. На участке 3-ей гвардейской стрелковой дивизии, восточнее Погостья, согласовав свои действия с командованием армии, сапёры 26-го сапёрного батальона 11-ой стрелковой дивизии закладывают взрывчатку под один из немецких блиндажей на насыпи ж/д. В ночь с 17 на 18 января 1942 года в проход, образовавшийся после взрыва, устремляются бойцы 163-го стрелкового полка, за ними уходят подразделения 320-го и 219-го стрелковых полков. Оборона противника была прорвана, но наступление 11-ой стрелковой дивизии никто не поддержал.

К исходу 20 января в полках осталось очень мало людей. В 163-ем стрелковом полку – 60 активных штыков, в 320-ом – 32. Плацдарм в обороне противника расширили до 2,5 км по фронту и 3 км в глубину. Заниматься этим силами 11-ой стрелковой дивизии стало почти невозможно. Сосед справа – 3-я гвардейская стредковая дивизия – не продвинулась ни на шаг, так же сосед слева.

Далее Щербаков открывает для читателей действительно сенсационные известия: *«... возьмём приказ по армии № 085 от 24.01.42 г. В нём говорилось: «Армия, овладев Погостьем, продолжает наступление на Костуя».* Здесь явная ошибка: Погостье оставалось у противника до конца первой декады февраля.

«Работая с воспоминаниями участников боёв за Погостье, я ни разу не встречал даты полного освобождения ст. Погостье от немцев», – утверждает историк И. Г. Прокофьев. В то тяжёлое для всех время порой пытались выдавать желаемое за действительное.

Тем не менее, Погостье было взято. Активно участвовала в операции 11-я стрелковая

дивизия. Это был день ранения Захара Сергеевича Дубины – 27 февраля 1942 года, события которого зафиксировали в журнале боевых действий 72-го артиллерийского полка 11-ой стрелковой дивизии. Запомнились такие строки: *«27.02.42 г. <…> противник наступал 3-мя группами при поддержке танков со стороны полян «Сердце», «Фигурная». В виду малочисленности наших стрелковых полков мощным арт. огнём задерживался, уничтожался и было приостановлено продвижение противника. Особенно отличились в уничтожении живой силы и техники артиллеристы 2/72 АП (артполка). Своим мощным и точным огнём уничтожено до 300 солдат и офицеров. 3 раза в течение суток появлялась авиация противника одиночными самолётами».* О чём свидетельствует и военная карта того дня (см. приложение).

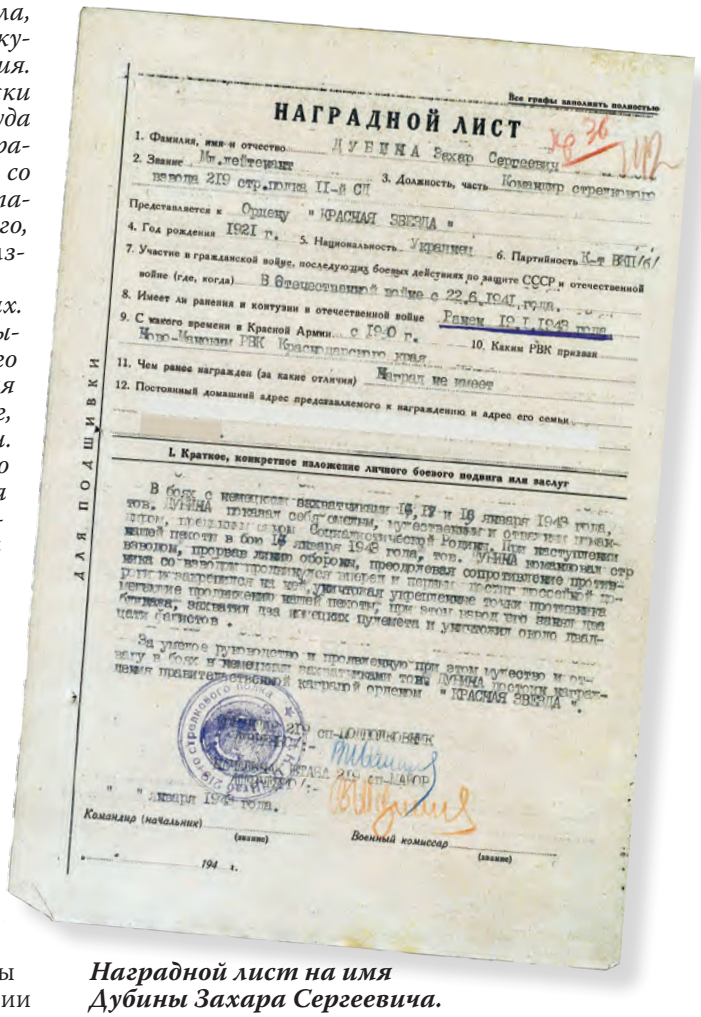
Что значило быть раненым на Волховском фронте в 1942 году? Сошлюсь на воспоминания Н. Н. Никулина. *«…Особенно трудно было уберечь от мороза раненых,* – писал он. – *Их обычно волокли по снегу на специальных лёгких деревянных лодочках, а для сохранения тепла обкладывали химическими грелками. Это были небольшие зелёные брезентовые подушечки. Требовалось налить внутрь немного воды, после чего происходила химическая реакция с выделением тепла, держащегося часа два – три. Иногда волокушу тянули собаки – милые, умные создания. Обычно санитар выпускал вожака упряжки под обстрел, на нейтральную полосу, куда человеку не пробраться. Пёс разыскивал раненого, возвращался и вновь полз туда же со всей упряжкой. Собаки умудрялись подтащить волокушу к здоровому боку раненого, помогали ему перевалиться в лодочку и ползком выбирались из опасной зоны!*

Тяжкой была судьба тяжелораненых. Чаще всего их вообще невозможно было вытянуть из-под обстрела. Но и для тех, кого вынесли с нейтральной полосы, страдания не кончались. Путь до санчасти был долог, а до госпиталя измерялся многими часами. Достигнув госпитальных палаток, нужно было ждать, так как врачи, несмотря на самоотверженную, круглосуточную работу в течение долгих недель, не успевали обработать всех. Длинная очередь окровавленных носилок со стонущими, мечущимися в лихорадке или застывшими в шоке людьми ждала их. Раненные в живот не выдерживали такого ожидания». Ту же судьбу уготовила война и Дубине Захару Сергеевичу. Он перенёс немалые страдания. Но выжил, стал в строй.

Второй эпизод из боевого прошлого Захара Сергеевича – это его участие уже в качестве офицера в операции «Искра» в январе 1943 года, когда блокада была частично прорвана.

В декабре 1942 года 11-я стрелковая дивизия дислоцировалась в районе Гонтовой Липки. В ходе прорыва блокады Ленинграда в составе 2-ой ударной армии 12 января 1943 года она начала наступление вторым эшелоном, но уже 13 января была введена в бой в районе рощи «Круглая» одним полком, а на следующий день и двумя оставшимися полками. С января 1943 года дивизия вела непрекращающиеся бои под Синявино. Прорыв блокады осуществлялся зимой для того, чтобы можно было ввести в бой танки и бронетехнику в условиях болотистой местности.

Перед началом операции войска проходили подготовку для штурма укреплений противника, учились наступать под навесным огнём своей артиллерии. Н. Никулин пишет: *«Поскольку место было болотистое, траншею вырыть нельзя, немцы и мы строили заборы. Делались два ряда кольев, вбитых в землю и стянутых проволокой. Колья оплетались ветвями и сучьями деревьев или облицовывались досками, а пространство между ними заполнялось мокрой землей. Получалась стена 2 – 2,5 метра толщиной и достаточно высокая. Землю выкапывали со стороны противника, отчего перед забором создавался глубокий и широкий ров, заполненный болотной водой. В заборе были дзоты и бойницы*



НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Все графы заполнять полностью

1. Фамилия, имя и отчество ДУБИНА Захар Сергеевич
2. Звание Мл. лейтенант
3. Должность, часть Командир стрелкового взвода 219 стр.полка 11-й СД
Представляется к Ордену "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"
4. Год рождения 1921 г. 5. Национальность Украинец 6. Партийность К-т ВКП(б)
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) В Отечественной войне с 22.6.1941 года.
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне Ранен 19.1.1943 года
9. С какого времени в Красной Армии с 1940 г. 10. Каким РВК призван Ново-Минским РВК Краснодарского края
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) Наград не имеет
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

ДЛЯ ПОДШИВКИ

Командир (начальник) (звание) Военный комиссар (звание)

194 г.

Наградной лист на имя Дубины Захара Сергеевича.

для стрельбы из пулемётов и винтовок. Преодолеть такое укрепление было чрезвычайно трудно. Обычно сапёры подползали к забору, подкладывали под плетень мощный заряд тола. При взрыве образовывался проход, в который просачивалась атакующая пехота. Иногда брешь пробивала артиллерия, выдвинутая на прямую наводку. Прорыв забора всегда требовал героических усилий и стоил много крови. За забором обычно скрывались новые, хорошо замаскированные дзоты и отсечные позиции. Они молчали до поры до времени и были всегда неприятным сюрпризом для наступающих».

11-я стрелковая дивизия находилась во втором эшелоне, но вскоре была введена в бой. Здесь и встречаю сведения о своём деде. В журнале боевых действий 219-го стрелкового полка говорится (привожу дословно): *«19.01.43. Подразделения полка в 5.00 перешли в наступление. Преодолевая сопротивление противника, две роты 3 с-б (стрелкового батальона) совместно с лыжным батальоном 11 с-д (стрелковой дивизии) вышли южным направлением на высоковольтную линию болота. 1-ый и 2-й батальоны, встретив два опорных пункта противника, организовали блокировку последних и в результате наступления в южном направлении вошли в 300 – 350 м севернее высоковольтной линии (35975).*

Подразделения полка понесли большие потери от огня противника с левого фланга. К исходу дня численный состав полка: активных штыков – 199, активных бойцов – 436. В бою отличились: мл. л-т (младший лейтенант) к/стр взв. (командир стрелкового взвода) Дубина, который, преодолевая сопротивление противника, со своим взводом первым достиг шоссейной дороги и закрепился на ней, уничтожив укреплённые точки противника. Захватил два блиндажа и три пулемёта противника. Уничтожил лично около 20 фашистов. Представлен к награде орденом «Красная Звезда». Ст. сержант, миномётчик – Ильин, который стойко и мужественно своим миномётным огнём уничтожил около 25 гитлеровцев. Награждён медалью «За боевые заслуги». В боях отличились и многие другие бойцы и командиры полка. Противник в течение дня, в 4 часа в особенности, в период наступления вёл сильный артиллерийский миномётный огонь по расположению полка. А также автоматно-очередным огнём сильно простреливал боевые порядки подразделений полка. Действий авиации над расположением полка не замечено».

Приказом 11-ой стрелковой дивизии Волховского фронта № 03-3 от 27 января 1943 года от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение задания командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество младший лейтенант, командир стрелкового взвода 219 стрелкового полка, Дубина Захар Сергеевич награждён орденом «Красная Звезда». Из наградного листа узнаю, что в этом бою, 19 января 1943 года, он был ранен (см. приложение).

Некоторые сведения не совпадают с теми, которые были в карточке военно-пересыльного пункта Волховского фронта за 1942 год, в журнале боевых действий 219-го стрелкового полка. Это связано с тем, что после ранения наградной лист заполнялся штабными служащими со слов сослуживцев. Обычное явление в наградных документах времён Великой Отечественной.

В 1973 году в Лениздате вышла в свет книга «Операция «Искра»», в которой описаны события тех дней глазами очевидцев. Есть там и очерк командира 11-ой стрелковой дивизии генерал-майора В. А. Вержбицкого «Отвага и стойкость». Но, к сожалению, изучив его и сравнив с архивными документами, я заметил ряд неточностей. Не буду винить генерала. Прошло тридцать лет и многое стёрлось из памяти. Обидно, что не встретил фамилий тех простых солдат и офицеров, которые были награждены за эту операцию. Эту справедливость по прошествии многих лет приходится восстанавливать уже нам.

18 января 2018 года мы будем отмечать 75-летие со дня прорыва блокады Ленинграда. Достойно, что жители города не забывают о тех, кто на протяжении трёх лет оборонял северную столицу, обеспечивал работу «Дороги жизни», неоднократно пытался прорвать кольцо блокады. Поисковые отряды Ленинградской, да и не только, области регулярно выезжают в места боёв, находят останки тех, кто ещё находится на своём боевом посту. Так, в период с 1988 по 2005 годы поисковые отряды обнаружили в болотистых лесах и перезахоронили на кладбище в Погостье останки 4105 воинов, павших, оборонявших Ленинград. И сейчас в школе № 458 города Санкт-Петербурга действует школьный музей боевого пути 11-ой стрелковой Валгинской дивизии.

Как дальше сложилась армейская служба Захара Сергеевича Дубины? После ранения он был переведён в 33-ю зенитно-артиллерийскую дивизию Резерва Главного Командования. Прошёл большой боевой путь. Был награждён орденом «Красной Звезды», медалями «За оборону Ленинграда», «За взятие Кёнигсберга», «За победу над фашистской Германией в Отечественной войне 194 – 1945 гг.», «За победу над Японией».

После демобилизации в 1946 году работал в Новоминской в родном колхозе. В 1973 году его не стало. И те слова, которые вынесены в название статьи, были сказаны им в своё время моему отцу, журналисту Тёру Виктору Васильевичу. Их я нашёл и в книге Н. Н. Никулина, воевавшего в соседней 311-ой стрелковой дивизии, плечом к плечу с моим дедом. Возможно, они и виделись. Всякое случалось на фронте. Пройдя войну от простого солдата до офицера, в воспоминаниях о событиях на Волховском фронте он заметил: *«...в пехоте во время активных действий человек остаётся жив в среднем неделю. Затем его обязательно ранит или убивает».*

Станица в лицах

Приезд американской делегации в колхоз им. Калинина, август 1963 года. На ступенях четвёртый справа –Саяпин Юрий Иванович, главный инженер.

Владимир САЯПИН

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

«Очевидец», 1963 год.

Нет ничего правдивее, чем повествование о чём-то, когда-либо происшедшем, словами очевидца. И чем дальше от нас уходят события, тем повествование о них становится всё дороже. В силу того что с годами уходят свидетели и участники событий. По их уходу события начинают обрастать самыми нелепыми и фантастическими подробностями в устах тех, кто никакого отношения к событиям далёких лет не имел, но примазаться к яркому событию ой как соблазнительно…

То, о чём я хочу вам, уважаемые читатели, рассказать, произошло в далёком 1963 году. Закат правления Хрущёва был отмечен тем, что он сам любил поездить по заграницам, и делегации всех рангов и уровней не вылезали из Советского Союза. Вот и в колхоз им. Калинина, нынче «Колос» (хотя уже и не «Колос»), приехала делегация американских бизнесменов. Надо отметить, что этот колхоз стоял на ногах тогда очень твёрдо, занимал в районе лидирующие позиции. Возглавлял его Миронов Вячеслав Павлович, из 50-титысячников, которых в 30-х годах партия отправила на руководящие должности в стране взамен бывших дореволюционных.

Умница-самоучка, Вячеслав Павлович, помимо выдающихся руководящих способностей, пользовался безграничной любовью и

уважением колхозников. Бескорыстнейший человек, трудяга – он, как строгий, но уважаемый, любимый батя был для молодых специалистов, среди которых – и мой отец, 29-летний главный инженер колхоза. «Мальтчышки!!!» – разносил беззлобно он их на планёрках, и они за него готовы были работать до крови из носа, и это не буквально…

В середине августа Миронов собрал правление и объявил, что через три дня приедут из Айовы американцы. Была утверждена программа пребывания их в хозяйстве, согласно которой райком рекомендовал в самом выгодном свете показать достижения развитого социализма в отдельно взятом колхозе.

Ваш покорный слуга, то есть я, пребывал в весьма юном возрасте. Мне шёл шестой год. Квартира, где мы жили, находилась в зданиях бараков, расположенных сзади правления колхоза (старшее поколение прекрасно помнит). Надо ли говорить, что весь колхоз, от председателя до последнего шофёра автогаража, знали белобрысого шустрого пацана на педальной машине (что было тогда весьма редкой игрушкой). Место стоянки в гараже на ежегодном техосмотре моему кабриолету было определено Мироновым рядом с его «Волгой», и техосмотр начинали с него. Надо ли говорить, что единственным, кому разрешалось входить в кабинет председателя в любое время без доклада, был я. Это, по-видимому, и послужило тому, что огромный букет главе делегации американцев было поручено вручить мне…

Приезд американцев начался с того, что их повезли первым делом в детский сад колхоза, находившийся тогда по улице Гагарина. Приехали они довольно рано, дети как раз завтракали. Я, сидя спиной к вошедшим, неторопливо разбирался с вкуснейшей (как и всё тогда в садике) котлетой. Внезапно все загомонили, начали поднимать из-за стола недоевших детей. Их принялись выстраивать в два ряда, чтобы приветствовать «дорогих» гостей. «Вовочка, а ты что же не идёшь?» – услышал ваш слуга покорный. Я невозмутимо продолжал завтракать, сидя спиной ко всем ворвавшимся в садик. Завдетсадом уже начала нервничать и лично предприняла попытку вручную поднять меня.

Надо было знать мой сложный характерец, привитое мне дедушкой – как закон – непререкаемое почтение к процессу принятия пищи… Мы с братьями-сёстрами не раз схватывали по лбу деревянной ложкой за мельчайшие шалости за столом. Он никогда не садился, не вставал из-за стола, не перекрестившись, – чего от нас не требовал, но патриархальный казачий порядок и уклад за столом заставлял соблюдать беспрекословно. Можно было понять моё твердокаменное состояние духа в ответ на происки каких-то нерусей оторвать казака от вкушения хлеба насущного.

Пауза, образовавшаяся в связи с этим, становилась всё более натянутой. И тут глава американцев совершил главную ошибку: он начал тыкать мне в лицо фотографии из чудовищного в то время фотоаппарата, выдающего сразу готовые снимки, приглашая срочно отобразиться в вечности при помощи этого дьявольского механизма… Я, не поворачиваясь, громко ответил фразой из только что вышедшего на экраны фильма «Добро пожаловать или посторонним вход воспрещён» – фразой, которой меня научила мама: «Когда я ем, я глух и нем»… Слова сии прозвучали как приговор в нависшей тишине… Американская делегация после дословного перевода молчала секунд тридцать, а потом громко расхохоталась, уважительно глядя на невозмутимо завтракающего мужичка, так и не повернувшегося к ним…

Через час за мной приехал отец и забрал меня из садика. Мне предстояла ещё миссия

Вопросы главному инженеру сыпятся со всех сторон. Переводчица Тамара Романовская едва успевает переводить.

Нет, здесь совсем не так, как рассказывали о России в Соединённых Штатах. Русские умеют хозяйствовать на своей земле, выращивать хлеб.

с букетом… Я стоял вместе с мамой на ступенях правления колхоза с огромным букетом роз. Надо сказать, что маме тогда было 26 лет, и она была весьма и весьма недурна собой. Её привлекательность и образ ангелоподобного мальца с цветами должны были с самого начала событий заложить позитивный фундамент дальнейшего. Я уже устал стоять, когда зашумели окружающие колхозники, специалисты конторы. К ступеням правления подкатил роскошнейший автобус. Из него начали выходить американцы и американки, обвешанные диковинными для нас тогда кинокамерами и фотоаппаратами. Надо ли говорить, что руководителем делегации оказался пренеприятнейший тип, получивший мою отповедь в детсаде. Он, не опознав меня, с лошадиной американской улыбкой направился ко мне, работая на публику, снимающую это событие на плёнку. Бедный, если бы он увидел, как я, прищурившись, сдвинул брови, как «вождь краснокожих» из фильма по роману О. Генри…

Он стоял и ждал, что я вручу ему букет, а я стоял и не шевелился… В конце концов, после шипения земляков и последовавшего от него через переводчика игривого вопроса: «Кому ты, мальчик, вручить хочешь этот букет?», я, немного подумав, твёрдо заявил: «МАМЕ!» Стало слышно в нависшей тишине, как чирикают воробьи в тополях, и где-то идёт, постукивая, поезд…

Надо отдать должное всей американской делегации и этому, с лошадиными зубами – они все дружно зааплодировали. Тут же было заявлено, что урок джентельменства и кубанского характера они получили в одном сосуде. От меня. Мне тут же была подарена огромная килограммовая пачка чудеснейшей жвачки. Надо сказать, что в 1963 году жвачку в Союзе ещё не пробовал никто. Видели только жующих ковбоев на экране. Мне долго объясняли, до каких пор она жуётся и потом выплёвывается. Глупые… У пацана ТЕХ лет было своё убеждение, СКОЛЬКО её жевать, с КЕМ, и вообще – стоит ли её выплёвывать.

Специалисты колхоза, батины друзья, все были возрастом до 30. Пацаны, по понятиям нынешним. Миронов тогда впервые укомплектовал вакансии колхозные выпускниками ВУЗов, которых сам и подбирал. Вот ими я и был взят в оборот; хотелось, болезным, пожевать картинно перед женщинами и друзьями в застолье заморской невидалью. Я пошёл на контакт, но на своих условиях: одна жвачка менялась на одну плитку шоколада. Неумолимые, мы с мамой за короткое время сумели заложить такой стратегический запас шоколада… что я его потом не ел до 20 лет.

Обширнейшая экскурсия по бригадам и отделениям колхоза произвела на американцев неизгладимое впечатление. Показать в те времена было что. Новейшая техника, только что пришедшая на смену устаревшей, поля, тока колхоза с золотым зерном, фермы с племенным стадом, птичники с огромным многотысячным поголовьем. Венцом всему был банкет на территории садово-огородной бригады. Роскошнейшие богатые столы, уставленные различной деликатесной снедью и русской водочкой. Венцом стола был деревянный бочонок с паюсной икрой, килограммов на 20, с воткнутой в него большой деревянной ложкой… Веселье продолжалось до утра.

Ввиду того, что «английский» тогда был на Руси не в чести – его не знал никто, общение неформальное шло через моего отца, прекрасно знавшего «немецкий». И, таким образом, в силу двойного перевода с «немецкого» на «английский», достигался консенсус. За меня был поднят отдельный тост, и я с мамой отправился на батином «Газике» спать, крепко прижимая к себе коробку с бесценным сокровищем.

А этот господин решил показать свинаркам Гале Орловой и Рае Гутник картинки породистых американских свиней. Улыбаются девчата: «У нас и получше есть».

Актовый зал правления колхоза им. Калинина, пресс-конференция. На вопросы отвечают председатель колхоза Миронов В. П., главный инженер Саяпин Ю. И., главный ветврач Пулим Д. Ф.

Со времени тех событий прошло 54 года. Девять лет, как не стало моего отца… Недавно в интернете я увидел снимки этого знаменательного события, выложенные в «Одноклассниках» нашим музеем. С замиранием сердца я рассматривал дорогие для меня фотографии с уже ушедшими людьми, некогда сделавшими немало для славы моей в то время как малой, так и большой Родины.

Мне уже 60 и, проезжая по полям и бригадам бывшего легендарного колхоза имени Калинина, я с грустью смотрю на то, что потомки сделали с богатейшим наследством, оставленным им их отцами, работавшими беззаветно на этой земле. До крови из носа – это не цветная метафора, так у моего отца и было…

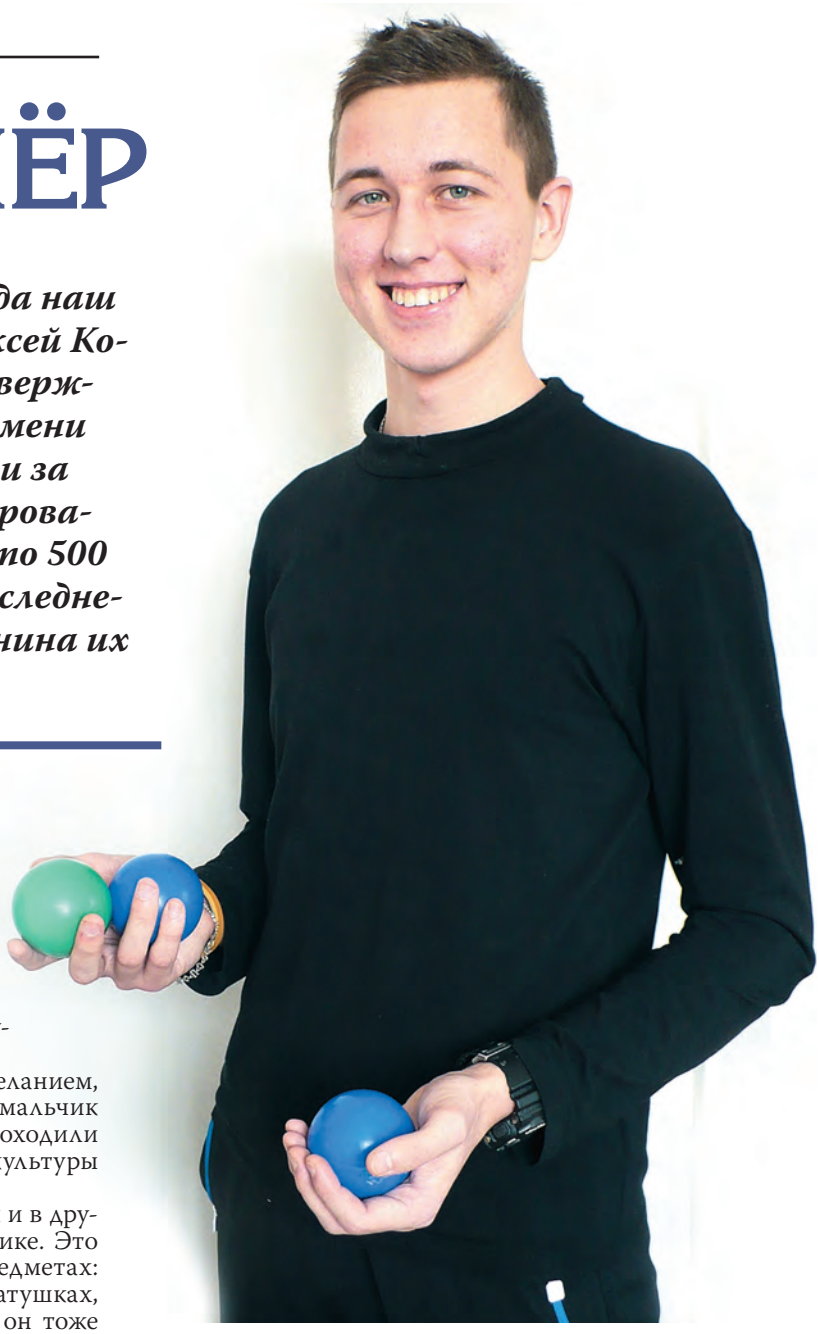
Невозможно меня убедить в том, что всё, во что ввергли эту несчастную страну, сделано на благо России. Не надо… Я уже не маленький…

Члены молодёжной бригады по выращиванию уток с американскими гостями и руководителем колхоза (первый справа) Мироновым В. П.

Ирина МАТВИЕНКО

ЖОНГЛЁР

В конце января 2017 года наш земляк 19-летний Алексей Колыхалов получил подтверждение о занесении его имени в Книгу рекордов России за самое быстрое жонглирование тремя мячами – это 500 бросков в минуту! У последнего рекордсмена-россиянина их было 282...



В цирковую студию Алёшу привела мама восемь лет назад. Её руководитель Василий Викторович Разгон показал мальчику, как жонглировать тремя шариками. И уже через час у новичка получилось! Более того, спустя две недели он уже выступал на отчётном концерте в РДК!

На тренировки он ездил с таким желанием, которое побеждало расстояние: жил мальчик в Южном микрорайоне, а занятия проходили на другом конце станицы – в Доме культуры «Колос».

Параллельно Алёша пробовал себя и в другом цирковом жанре – эквилибристике. Это балансирование на неустойчивых предметах: одноколёсном велосипеде, стульях, катушках, на канате. И этими способностями он тоже щедро делился со зрителями. А студия тем временем росла и стала народным цирком «Калейдоскоп».

Два года назад Алексей с отличием окончил каневскую первую школу и поступил в Таганрогскую инженерно-технологическую академию. На радость родителям, считавшим, что мужчине нужна надёжная специальность, а цирк пусть остаётся увлечением. Но талант и там вырвался на свободу: студента-артиста знают в институте все!

А последний год стал для парня временем особенно упорных тренировок для того, чтобы выйти на мировой рекорд. Алексей разыскал сайт Книги рекордов Гиннеса, офис которой находится в Лондоне, заполнил заявку. И ему ответили! На сегодня самое большое количество бросков в мире – лишь 468. Прислали условия для участия, а это почти сто страниц на английском языке!

В течение месяца парень сам переводил текст, собирал необходимые документы, снимал новое видео с соблюдением других условий, в том числе с присутствием двух свидетелей, с включённым секундомером, и ждал ответ три месяца, отведённых для проверки…

В конце июня 2017 года стало известно, что рекорд Алексея попал и в мировую книгу Гиннеса: сообщение об этом есть на её официальном сайте. А печатное издание с фамилией нашего земляка выйдет в 2018 году.

Историко-литературное объединение «Родник»

Елена БУТЕНКО

ЛЮБВИ НЕГРОМКИЕ СЛОВА

«Научитесь радоваться жизни в каждом проявлении её...»

Творческий вечер Владимира Саяпина, главного редактора журнала «Каневчане», прошёл 4 ноября 2017 года в сельском доме культуры «Колос» станицы Каневской в рамках Всероссийской акции «Ночь искусств».

Под девизом акции «Искусство объединяет» силами пишущей братии, работников культуры, родных и близких Владимира Юрьевича был представлен его многогранный талант – поэта и прозаика, краеведа и человеколюба в одном лице. Красной нитью вечера, завершившегося заполночь, прошла презентация его очередного сборника стихов «Всё шире круги по воде...» Кстати сказать, получить эту книгу с автографом поэта смог каждый из нас – в фойе Дома культуры была организована выставка-продажа этого сборника и первой книги В. Ю. Саяпина «Саксофон на ветру», журналов «Каневчане».

В первой, официальной, части в адрес виновника торжества прозвучали слова признания от имени главы Каневского района Александра Герасименко, от атамана Каневского ХКО Владимира Веригина и члена Союза писателей России Степана Деревянко, от друзей Алексея Литвиненко, Валерия Даурова и Игоря Белохортова, коллег по творческому цеху Татьяны Кун и Зои Сизовой. Значимый вклад журналиста Саяпина в дело сохранения народной памяти о былом казачьих станиц и земляках подчеркнул председатель местного отделения РОИА Валерий Костров. Выступавшие буквально «разложили по полочкам» новую саяпинскую книгу, цитируя затронувшие душу строки.

Каневская первичка Союза журналистов России рассказала об авторе «саяпинской строкой»: средствами местного ТВ был подготовлен видеоролик, в котором журналисты прочли четверостишья Владимира Юрьевича с его воспоминаниями о детстве и юности, размышлениями о настоящем и советами читателю («Научитесь радоваться жизни в каждом проявлении её»). Заслуженный журналист Кубани Валентина Моторная подготовила аннотацию к новому авторскому сборнику нашего коллеги в частности и его поэзии в целом. Где назвала Саяпина «самобытным поэтом, тонко и глубоко чувствующим жизнь, уверенно владеющим богатствами поэтического слога, умеющим облечь мысль в образ и заставить читателя почувствовать красоту слова». А получить такую высокую оценку от неё дорогого стоит! Зачитав приветствие-аннотацию Моторной, мы вручили герою дня памятный сувенир Каневской первички «Золотое перо» (авторская работа каневского художника Игоря Погорелова).

Литературно-музыкальная страничка вечера была пронизана лирикой Саяпина, его романтичной сущностью и объединяющей всех собравшихся широтой его души. С народной казачьей песней выступил местный хоровой коллектив, в котором пел молодой Саяпин. Яркие концертные номера подарили зрителю солисты народной эстрадной группы «Гармония» и образцового хореографического коллектива «ОКИ-ДОКи». И друзья Владимира Юрьевича из краевой столицы – известные барды Юга России Анатолий и Светлана Задорожнюк.

Позже, уже в камерной обстановке, за дружественным фуршетом, не умолкала саяпинская рифма, наполненная воспоминаниями. Звучали аккорды гитар, авторские песни, стихи и проза гостей, в числе которых были и участники творческого объединения из станицы Староминской.

Ольга ЗОРИНА

КРУГИ ПО ВОДЕ

Четвёртая книга поэта, писателя и журналиста Владимира Саяпина «Всё шире круги по воде» напоминает тёплый сентябрьский вечер: солнце по-летнему ярко, но летят паутинки – предвестники листопада, трепещет сердце в предчувствии холодных бесконечных ночей. Но нет ещё слякотной осенней тоски. Есть хрустальная ностальгия, зрелое переосмысление юношеского сумасбродства, лёгкая печаль о несбывшемся и безмерная благодарность за всё, что сбылось.

Я рада, что наша семья причастна к выпуску этого поэтического сборника. Муж мой, Андрей Никифоров, осуществил выдержанный, стильный, созвучный содержанию книги дизайн. Ваша скромная слуга в меру своих способностей просеяла через мелкое сито текст, устраняя опечатки и малые огрехи, допущенные автором в пылу творчества и в плену желания поскорее встретиться с читателем. И сегодня я рада представить вам наше совместное детище в беседе с виновником неординарного культурного события.

– Владимир Юрьевич, не секрет, что в «новых» изданиях многих авторов львиную долю составляют старые, ранее опубликованные произведения. По накопительному принципу, так сказать. Каков процент уже напечатанных стихотворений в Вашем сборнике?

– Ноль. Только новое. 99 % этих стихов написаны в текущем, минувшем и 2015 годах. И буквально два – три стихотворения – 2014-го и 2013-го.

Я не вижу особого греха в том, чтобы включать ранее публиковавшееся, дополняя новым. В моём сборнике прозы, сегодня готовящемся к печати, найдут место и проверенные временем, избранные читателем произведения из уже изданных книг. По моему мнению, это добавит привлекательности сборнику, на котором смело можно ставить подзаголовок «Избранное».

– «Избранное читателем» – ёмко сказано. Я знаю, что большая часть стихотворений этого сборника именно избрана и любима Вашими подписчиками в социальных сетях…

– Мне дорого внимание моих виртуальных друзей, знакомых и не знакомых реально. В «Одноклассниках», в «Инстаграмме», «ВКонтакте». Это дарит мне робкую надежду, что моё творчество чего-то стоит, что мои стихи кому-то нужны. И я рад, что теперь мои виртуальные читатели имеют возможность взять в руки реальную, бумажную версию полюбившихся им произведений.

Интернет позволяет автору «без драки попасть в большие забияки». В виртуальном мире не важны деньги и связи – ни того, ни другого не требуется; ни то, ни другое не поможет. Здесь ты тот, кто ты есть. И читают ли тебя, зависит от твоей творческой состоятельности, ни от чего более.

– Тем не менее, многие, кто читал Ваши последние стихи в интернете, обвиняют Вас в депрессивности, трагизме и упадничестве…

– Это мнение отчасти оправдано. Откуда в тонах лёгкого бужеле неожиданные оттенки выдержаннейшей мадеры?.. Часть моих стихотворений действительно пронизана горькой печалью. События последних полутора – двух лет не могли не отразиться в творчестве. Потеря мамы, скоропостижный уход близких друзей наложили печать. Кроме того, близится очень круглая дата, предполагающая подведение итогов, жизненных и творческих. Мне есть, чем отчитаться перед друзьями и недругами. Бог нам судья.

– Я спрашиваю как женщина: Ваша лирика на грани фола взрывала интернет и не только. Что ж теперь – печаль? Или будут «гусарские» строки, возносящие женщину до небес и выше?

– Пока вы, женщины, будете относиться к моему творчеству так, как все эти годы и сейчас, – обещаю, оно вас не разочарует.

…Мы сидим в уютном офисе историко-литературного альманаха «Каневчане», главным редактором которого является Владимир Саяпин. Пьём крепкий кофе. Рядом – стопка пахнущих типографской краской книг. И беседуем о творчестве, поэтическом и не только. И думаю: если я, прочитавшая его стихи в соцсети, разобравшая их на запчасти в процессе корректорской правки, получила столько удовольствия, взяв его книгу в руки, сколько же радости доставит она тем, кто не знаком с его творчеством! И, если честно, с огромным нетерпением жду сборника прозы и надеюсь, что он доверит мне разделить с ним радость работы над будущей книгой.

Владимир САЯПИН

ПОЛЬКА-БЕССТЫДНИЦА

Рассказ

Талант на Руси, истинный, из народа, всегда пил. Пусть не сразу, но со временем, с расцветом дара Божьего, человек, Всевышним поцелованный в лоб, не начать пить не мог. Одних эта лихоманка сводила в раннюю могилу, другие пропивали свой дар, пополнив армию спившихся, в основном тихих и безвольных алкашей, доживающих век свой… А в музеях и галереях в заграницах висели картины, стояли скульптуры с краткой надписью: «Неизвестный русский мастер такого-то века…»

Алкоголиком дядя Федя не был, но любил её, горькую, как родную. Небольшого росточка, смуглый, чернявый, с неожиданно ярко-синими глазами, он трезвым был тих, приветлив, очень любил детишек. В работе был неутомим, работал в колхозе ездовым на лошадях (была такая должность до конца 70-х). Всегда готовый всем помочь, сделать доброе дело, он становился грозным и значимым, драчливым и задиристым, стоило ему только «понюхать пробку». Скрипнув зубами, дядя Федя мгновенно искал необходимую личность, формировал образ врага и со свойственной всем мужчинам его роста отвагой вступал на тропу войны, за что частенько бывал бит мужиками. Били его несильно, и то только потому, что, не получив, он не успокаивался.

А сильно бить его было нельзя – его люди уважали и по-своему любили. Дело в том, что на всю округу – а это две большие станицы и крупный хутор – не было более талантливого гармониста, безотказного, не жадного до денег, играющего до тех пор, пока хоть один гость танцует. До сих пор люди вспоминают, что на их свадьбе играл дядя Федя Машутин, когда бы эта свадьба ни была, хоть в 50-е, хоть в 70-е. Слухач, не знающий ни одной ноты, он играл любую мелодию. Но гвоздём его программы всегда была «Полька-бесстыдница», которую он сам сочинил ещё до войны и успешно выдавал, когда гости уже были в изрядном подпитии. Игривые аккорды не могли не искусить танцующих, к примеру, кума с кумой выдавать такие коленца, которые потом долго вспоминали гости и супруги кумовьёв, выпекая им изнанку.

И ещё одним талантом обладал народный музыкант. Изрядно приняв, дядя Федя склонялся над гармошкой и задрёмывал… Но мелодия продолжала литься независимо от этого, со всеми руладами и закорючками. Единственно, если люди хотели сменить тему – будили дядю Федю, по-нынешнему сказать, делали перезагрузку – и вот уже вместо плясовой звучал вальс «Амурские волны», а дядя Федя снова задрёмывал. Вот за эту его коммуникабельность, отсутствие спеси и фанаберии, бессребренность и любили дядю Федю люди хутора Лебеди, станиц Новониколаевской и Гривенской…

Единственный конфликт, который подспудно тлел и изредка выливался в боевые действия – его взаимоотношения с супругой, женщиной крутого нрава и комплекции весьма внушительной. Рюмочку – другую она тоже могла себе позволить, и вот тогда разгоралось Синопское сражение на суше. Битва шла на равных, без скидок; урон стороны несли равно сопоставимый… Как-то раз весной на Пасху племянник приехал с семьёй к нему в гости. Зайдя в дом, он увидел окровавленных дядю Федю, тётю Наташу и двух мужчин в доме. Дядя Федя, увидев родную душу, прохрипел: «Племяш, убивают». Племянник, крепкий мужчина и скорый на суд, приложил одного мужчину так, что тот рухнул без памяти. Второй успел выскочить, выбив окно. «Ми-иша, – простонала тётя Наташа, – это он разбил мне нос и вымазал кровью меня и себя, а мужики, соседи, зашли нас разнять!» Надо ли говорить, что племяннику пришлось чуть ли не силой затаскивать соседей «на мировую», и те очень нервно сидели за столом, вздрагивая, ежеминутно пытаясь незаметно исчезнуть. Дядя Федя, умытый тётей Наташей, со счастливым выражением лица наяривал «Польку-бесстыдницу»… В этом он был весь.

Казалось, так и будет идти бесконечно его шалопутная, безвредная по сути своей жизнь народного любимца. Никто никогда в жизни даже словом старался не обидеть дядю Федю (за исключением редких «чертей» от ровесников, когда он, «выпивший», выпрашивал). Молодёжь, встретив под утро дядю Федю с гармошкою под мышкой, неверной походкой пробирающегося домой с очередной гулянки, обязательно провожала его, помогая нести гармошку и заботливо ведя под руку. Надо ли говорить, что хозяйка в любом дворе всегда была рада налить гармонисту рюмочку, вспоминая, сколько раз он почти задаром играл на семейных праздниках, чему бы они ни посвящались. Так бы и жил этот человек до глубокой старости, но однажды мартовским утром по хутору разнеслась весть: «Машутина зверски избили, и лежит он, тяжеленнейший, в районной травматологии».

Весь хутор загудел. Такое здесь, где жили казаки, имеющие свои эндемичные понятия о порядочности, мере накала разгула и поднятии руки на старшего, мягко скажем, не приветствовалось. Оперативное расследование

установило следующее: на хуторской кирпичный завод прислали троих урок на «химию», и они не нашли ничего лучшего, как, перевстретив ночью мирно идущего со свадьбы дядю Федю, избить его до полусмерти, отняв жалкий червонец и гармошку…

Суд был скорый и лютый… Тот же племянник Михаил, приехав в неурочное время на кирпичный, застал всех троих вместе, выкушивающих ёмкость с самогоном… Двое без сознания пали, воздев к небу грязные кирзачи, третий же извивался в руках Михаила, положившего урку на станину под многотонный пресс, курившего сигарету и готовившегося на самом полном серьёзе, докурив, привести пресс в рабочее состояние… Рядом стояли хуторяне, готовые сложить подонков в мешки и выбросить в канал, – так иногда не по закону, а по справедливости в местах компактного проживания казаков поступали с отморозками, нагло попирающими общеустановленные моральные правила общества. Надо сказать, что и милиция в данных случаях не особо ретиво искала концы.

Спасло сволочей то, что в цехе дурно запахло. Михаил брезгливо пнул ногой визжащего подонка и вышел из цеха…

Дядю Федю как подменили… Пролежав два месяца в больнице, он вышел из неё, как пришибленный. Наряду с серьёзнейшими травмами, переломами рёбер, отбитыми органами, его как будто пришибло сознание того, что в родном хуторе могли так обидеть. Даже то, что это были неместные, ничего не меняло. Гармонист потух. Совершенно бросил выпивать. Его теперь можно было зачастую видеть сидящего с удочкой в руках на берегу речки с потухшим взглядом, смотрящего в одну точку… Весь хутор чувствовал себя виноватым, все старались как-то развеселить дядю Федю, чем-нибудь угостить, просто посидеть с ним. Он с каждым сидел с какой-то виноватой жалкой улыбкой, от которой сердце замерзало, кашлял, держась за сломанные рёбра… Во взгляде его было что-то виноватое, как у больного доброго пса, стесняющегося того, что он доставляет такие хлопоты…

Возможно, его можно было спасти. Тётя Наташа никому не говорила, что уже неделю дядя Федя лежал с болью в груди. «Пекло во внутрях», как он говорил… Не сильно образованная простая женщина, она не могла понять серьёзность положения. Когда она позвонила Михаилу, и тот срочно отвёз дядю Федю «в район», уже было поздно… К утру его не стало. Обширнейший инфаркт.

Хоронили дядю Федю тёплым летним нежарким днём. Не-ожиданно на похороны сошлись и съехались несколько сотен людей с хутора и ближайших станиц. Все шли и несли с собой снедь, зная, что тётя Наташа не рассчитывала на столько поминающих. Снесли столы от всех соседей, накрыли такой стол, какой дядя Федя при жизни видел редко… Посредине стола стояла его гармошка, накрытая тюлью, возле неё – чарка с горбушкой хлебца, фотография дяди Феди молодого, в гимнастёрке. Только здесь, за столом, и узнали люди, что и воевал дядя Федя, имел не самые последние награды государственные…

Выпили уже хорошо, кто-то даже песню грустную затянул. Спели, замолчали… И тут к тёте Наташе подошёл мальчишка лет четырнадцати и скромно попросил разрешения взять в руки гармошку. Сев на скамью, поправил на плече ремень, положил пальцы на кнопки и… По двору, по саду, по приречным камышам неожиданно брызнула «Полька-бесстыдница» со всеми руладами и выкрутасами, присущими ей в дяди Федином исполнении... Это было так неожиданно, что несколько минут все оцепенело молчали. Потом кто-то из баб заголосил. Прослезились все без исключения. Тётя Наташа поднялась, попросила налить всем рюмки, подошла, положила руку на гармошку и протянула её пареньку: «Бери, твоя…»

Это всё происходило лет 25 назад. Уже и тётя Наташа улеглась рядом с дядей Федей, прекратились их междоусобицы, затихнув навечно. Недавно сын дяди Феди поставил ему памятник. С чёрного мрамора весело смеётся бесшабашный музыкант, в руках его игриво и томно, как молодая красавица, изогнулась гармошка, воистину бесстыдница.

Я единственный из родственников, кто перенял у дяди Феди его музыкальные способности. Не зная нот, играю на всех, начиная с гармошки, музыкальных инструментах, пою… но «Польку-бесстыдницу» играть не умею. И научить некому. Следы того паренька, которому тётя Наташа подарила гармонь, затерялись. Я бы и рад исполнить шедевр своего двоюродного деда, но… увы… «Полька-бесстыдница» утеряна. Навсегда…

А хутор до сих пор на любой гулянке, оглохшей от магнитофонного рёва, с тоской вспоминает своего маленького доброго маэстро. И кто-нибудь из стариков обязательно, взгрустнув, выпьет за помин души этого по-настоящему светлого и хорошего человека.

Владимир САЯПИН

* * *

Следом, за кормою корабля,
Млечный Путь в ночи струится пенный;
Потихоньку кружится Земля
В мёртвой, промороженной Вселенной.

Отыграв во взрослую игру,
Ненависть, любовь, нужду и деньги,
Потихоньку на последний круг
И моё выходит поколенье.

Белый снег и яблонь цвет в садах
Снова повторяются от веку,
Всё течёт по кругу здесь всегда,
Кроме хрупкой жизни человека.

Срок придёт, – закон неумолим,
Нет неумолимее закона –
И душа срывается с Земли,
Как игла с пластинки патефона.

Оборвать связующую нить,
Коль неотвратимо, – и не страшно.
Мы спешим доверить, долюбить,
Доказать, что прожил жизнь не зряшно.

То, чего нельзя нам избежать,
Даже свой уход с планеты зыбкой,
Надо просто всем воспринимать
С грустной философскою улыбкой.

Небосвод такой же голубой
Будет так же облаками пениться –
Хорошо, что после нас с тобой
Ничего под солнцем не изменится,

Дождь апрельский будет добр и тих,
Как улыбка матери усталая,
Как неповторимый тот мотив,
Что с иглой скользнёт с пластинки старой...

Снегири

В окно зимним вечером с батей смотрели,
Роскошно алел белый снег на домах:
«Сынок, посмотри, снегири прилетели,
Холодной, наверное, будет зима».

Ротишко округлив, глазёнки тараща,
Отца вопрошал я, за шею обняв:
«Холодная... Папа, а это не страшно?»
Отец хохотал, нежно гладя меня.

Ладонью взъероша чубище упрямый,
Отец говорил: «Нам зима нипочём,
У нас ведь с тобой есть волшебница-мама,
Затопит нам печку, блинов напечёт».

За стёклами окон – пурги переливы,
Зелёный светился у радио глаз,
А я хохотал, совершенно счастливый,
И мать с умиленьем смотрела на нас...

Промчались года, отскулили метели.
И боли утраты ничем не унять.
Сижу на скамье: две гранитные стеллы,
С них батя и мама глядят на меня.

По поздне-осенне картина неброска.
Я холод гранита поглажу рукой...
Растут в изголовье рябина с берёзкой,
Склонившись друг к другу, хранят их покой.

Картина для наших степей небывалая:
На склоне ноябрьского хмурого дня
На ветке рябины, как персики алые,
Сидят снегири, не боятся меня.

Предательски слёзы в глазах заблестели,
И стиснуло сердце от чувства вины:
«Отец, посмотри, снегири прилетели.
Без вас мне все зимы теперь холодны...»

Хранится на донышке памяти детство.
Теперь, когда жизнь всё быстрее течёт,
У печки у маминой не отогреться,
Блины мне, как мама, никто не печёт.

«Ушедшим – покой, а живущим – живое», –
Мне кто-то негромко с небес говорит.
Сижу с непокрытою я головою,
Смотрю, как рябину клюют снегири...

5 октября 2017 г.

Мадонна Литта

Передо мной – альбом раскрытый...
Луна, в саду сверчки звенят...
И мама, как Мадонна Литта,
Со снимка смотрит на меня.

Глаза счастливые, бездонные,
Шестидесятый год, среда,
Муж, сын и дом есть у Мадонны,
Всё Бог сполна Мадонне дал.

Никто не думает про осень,
До старости – две тыщи лет,
А если мелочи отбросить,
То старости и вовсе нет.

Ещё по-девичьи беспечна,
Ещё всё в жизни – в первый раз,
Но что-то мудрое и вечное
Уже во взгляде умных глаз.

Как будто то, что жизнь отпустит
Ей в этом мире меж людьми,
Приемлет всё с улыбкой грустной,
Заранее простив весь мир,

Глядит глазами голубыми,
Мне ничего не говоря...
Любите матерей живыми,
При жизни их боготворя...

17 ноября 2017 г.

Образа

Где-то снова колокол со стоном
Православных известить спешит,
Что опять заплакала икона
В храме иль церквушке во глуши.

О хорошем иль плохом – не знаю,
Молча, скорбно глядя нам в глаза,
Как слезами, миром истекая,
Плачут по России образа.

Плачут о забытой вере древней,
Кротости, утопленной в вине,
Плачут по покинутым деревням
И по обесчещенной стране,

Обмелевшим, замутнённым рекам,
Ласточкиным гнёздам над окном,
Плачут по пустым библиотекам,
Старому и доброму кино,

Бабушкиным сказкам ночью зимней
Под рыданье вьюги за окном
И по песням сумерками синими,
И садам, кипящим под луной,

По степной дороге, вдрызг разбитой,
По цветущим тёрном берегам
И по старикам, детьми забытым,
И никем не кошенным лугам...

Впору пред иконами святыми
Крест, поцеловав, зажать в горсти
И, пока не поздно, плакать с ними,
Чтоб нас Бог когда-нибудь простил.

Люди! Умоляю вас – очнитесь
И услышьте, что хочу сказать:
«Глупые! Не радуйтесь – стыдитесь,
Что в России плачут образа...»

Валентин ЦВЕТКОВ

У мамы – гость

Я к груди прислониться хочу,
Что вскормила меня молоком,
И из дальней сторонки лечу
В свой желанный родительский дом.

Знаю, мама, что ты у крыльца
Встретишь сына, слезинку смахнёшь.
Обернувшись, покличешь отца
И умыться воды принесёшь.

Стол накроешь, мужчин пригласишь,
А сама будешь рядом стоять:
– Вам холодного квасу налить?
Может, чаю горячего дать?..

– Не волнуйся об этом, не надо.
Ты присела бы с нами, садись...
...Мать приезду сыновнему рада.
Очень рада. А ты не дивись.

Мы, сыночки и дочки, бывает,
Забываем о самом простом:
В сердце старом порою стреляет,
Голова идёт кругом о том,

Что давно не встречались мы вместе,
Что внучата не знают родных.
Вот запеть бы старинную песню,
Да не знают теперь уж таких.

Жалко. Грустно. Но что тут попишешь!
Век стремительный. Жизнь коротка.
Уезжает сынок. Мать: «Напишешь
О себе, о жене, про внучка?»

И, дождавшись ответа, смеётся.
Рада, что ли, иль прячет слезу?
...Вновь земля под колёса несётся.
Что с собою домой я везу?

ЗАПАХ

Рассказ

Веселов выключил нагревшийся после долгой работы телевизор, раздвинул ночные шторы и выглянул в окно. Над крышей соседнего дома перемигивались яркие звёзды, тихо покачивалась акация. Где-то вдали лениво перекликались собаки, проверяя голоса перед ночным дежурством.

Веселов открыл форточку и лёг на кровать. Вот и окончился ещё один трудовой день. Закрыв глаза, стал перебирать в памяти минувшие события, встречи, телефонные звонки. С приличной нагрузкой мы всё-таки живём!

В соседней комнате ровно посапывал сын, ворочалась жена. Намаялась бедная! На работе – не продохнёшь, дома – забот не меньше.

Повернувшись набок и натянув одеяло до подбородка, Веселов глубоко вздохнул, как бы переходя на второе, ночное дыхание. Вздохнул… и открыл глаза. Чем это пахнет? Он принюхался к подушке, пододеяльнику. Ничего особенного. Отдаёт горячим утюгом, не больше. Это раньше бельё после стирки имело блаженный запах. Бабушка рассказывала: постирает, бывало, в дождевой воде, накопившейся к такому случаю, отгладит его на рубеле, катая по столу, а потом хоть надевай, если это рубаха или штаны, хоть ложись в постель на свежую простыню и дыши – не надышишься!

Нет, постель Веселова ни дождём, ни солнцем не пахла.

Он приподнялся на локте и огляделся – исходившего от луны, звёзд и фонаря на столбе света для этого вполне хватало. Телевизор в углу, дальше – стол, сервант, стулья. Всё на своих местах.

Веселов снова лёг и закрыл глаза. Но сон не шёл. Новый, доселе отсутствовавший запах преследовал его. Вновь поднялся с постели, включил свет, но, вспомнив, что раздет для сна, а шторы открыты, тут же потушил его. Постоял, привыкая к лунному сиянию. Прошёл по мягкому ковру к серванту. Сервизы, открытки с видами на море и моргающей на открытке женщиной, флакон с духами.

Вот он, источник запаха! Хотя, нет. Эти духи он дарил жене на восьмое марта, и к их аромату все привыкли.

Веселов начал волноваться от своей беспомощности. Ещё раз обошёл комнату, заглянул в спальню жены, нарушив её чуткий сон.

– Ложись уже, – подала она, недовольная, свой голос. – Вечером же было, сколько можно!

– Спи, спи, – успокоил он её и тихо прикрыл за собой дверь.

Сел у окна. По-прежнему побрехивали собаки, светили звёзды, покачивалась акация. Вот ветерок подул сильнее, дерево зашумело ветками, и Веселов… замер. Замер и прислушался. Здесь, у форточки, запах – тот самый запах! – ощущался сильнее. Принюхался и хлопнул себя ладонью по лбу. До чего же замотаны, невнимательны мы!

Пахла цветущая акация. Весна пришла!

СЛЕДЫ СНЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА

Рассказ

Вы не поверите, но такой случай с нами действительно произошёл. И, что интересно, все поверили. Но только сначала, пока не разобрались, что к чему.

Встречать Новый год с традиционным застольем, всеобщей салютной стрельбой и телевизором, честно говоря, уже приелось. Сговорились мы с друзьями накануне о поездке на одну из горных баз отдыха Апшеронского района. Заказали микроавтобус, загрузили его необходимыми продуктами, жидкостями, тёплой спортивной одеждой и прочей надобностью и тридцать первого декабря раненько выехали.

В полдень были на месте. Тот, кто не был в горах, не может даже по красочным рассказам представить себе прерывающий дыхание восторг от того, что можно увидеть и услышать. Скалистые Кавказские горы, сплошь покрытые сверкающим на солнце снегом. Пониже – тёмно-зелёные пихты с провисшими от белой тяжести ветками вперемешку с «голыми» лиственницами. Пейзаж этот украшают ярко-красные гроздья калины, не склёванной ещё птицами. Шумящая и пенящаяся на перекатах горная река, которую и морозы не берут…

Короче, разместились мы в заранее протопленном деревянном домике, и зимняя сказка за окном стала ещё прекраснее. Проводили, как и положено, старый год. Потом – ещё раз, и ещё. Внутренне согрелись. Повеселели. Завязался разговор.

Приглашённый к столу местный сторож, привыкший встречать таких гостей, как мы, с приподнятым настроением начал рассказывать местные легенды о плато Лаго-Наки, Азишской пещере, Белой реке и других природных созданиях. Мы восхищались, он распалялся в красноречии и разоткровенничался до того, что раскрыл нам тайну этих мест – о встречах, хоть и нечастых, со снежным человеком.

Разговор получил подзарядку, и говорить стали наперебой все. Один читал об этом в газетах и журналах, второй смотрел по телевидению документальный фильм. Кто-то даже рассказ очевидца слышал. Но чтобы кто-то из нас сам лицезрел такую невидаль, все честно признались, не приходилось.

Потом ещё немного проводили старый год. А Новый, как водится, встречали весело и шумно – со звоном бокалов, криками «Ура!» и пиротехнической канонадой. Самый крупный из нас, Николай, устал раньше других и первым завалился спать. Оставшиеся ещё немного посидели, в заключение по очереди посетили стоявшую в стороне будочку и часам к трём утра, уставшие после длительной дороги и обильного стола, угомонились.

Ночью, пока мы спали, выпал новый снег. Белый, чистый, никем не исхоженный.

Проснувшаяся первой, жена Николая вышла из домика, вздохнула глубоко, широко расставив руки, осмотрелась и замерла в такой позе. До крылечка из леса и обратно вели свежие, хорошо просматриваемые следы босого человека. Они были крупные, глубокие и принадлежали, скорее всего, нестандартной по человеческим меркам особи.

На крик женщины все проснувшиеся, кроме Николая, который продолжал дрыхнуть, выскочили на улицу. Нашёлся дирижёр, который сбил всех в кучку, чтобы не затаптывали следы. Скорее всего – снежного человека. Прав оказался сторож базы отдыха – есть гуманоиды в горах Кавказа!

Увиденное обсуждали так громко, что разбудили Николая – его кровать находилась у выхода из домика. «Что за крик, а драки нет?» – спросил он, приоткрыв дверь. «Следы снежного человека здесь! Огромные, в лес ведут. Иди посмотри», – наперебой делились новостью узнавшие её первыми. «Не могу я второй раз босым по снегу шастать, – ответил наш громила. – Хватит того, что в туалет ночью пришлось так топать. Кто мои ботинки спрятал? Узнаю – мало не покажется!»

В сказочно заснеженном лесу повисла тишина. Первым её нарушил Николай: «Так где мои ботинки?» «У печи сушатся, – машинально ответила его жена. – Так это ты, охломон, по лесу босиком ходил?» «Я, – уже тише ответил он. – Нужна была такая прогулка…»

И тут раздался дружный и громкий, разряжающий обстановку смех. С ближайших пихт посыпался снег. Он заискрился на солнце, медленно опускаясь всё ниже, и припорошил следы босых ног «снежного» человека», который всех пригласил к столу. Наступил первый день нового года.

Василий МАКУХИН

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Продолжение.
Начало в №№ 12 – 16.

На лимане

Через неделю собрались Степан с Петром на рыбалку. Надо было проверить коты, которые Степан настроил накануне, и ещё решили они построить на берегу небольшой шалаш для обработки рыбы. Раз в неделю планировали приезжать туда, в бочках солить рыбу, вялить её под камышовым навесом.

Степан на опыте понял, что рыболовство даёт ощутимую прибыль в хозяйстве. Помимо хлебопашества, огорода, охоты и пасеки, рыба была как бы быстрым приработком. Несколько дней потратил, потом готовую рыбу отвёз на ярмарку – и получай прибыль. Степан всё время мечтал расширить своё стадо коров. Да и лошадей можно было бы растить на продажу. Овец у него было уже около пятидесяти. На пасеке ульев прибавилось к тем трём, что были, ещё пять колод. Трудолюбие, изобретательность и упорство Степана делали хозяйство всё более и более крепким. Теперь, с возвращением Петра со службы, дела должны были пойти ещё успешнее.

На лимане у Степана было уже десять котловушек. Размещались они вдоль изломанной линии берега на расстоянии ста метров друг от друга и перекрывали крыльями в глубь лимана до пятидесяти метров. Приехали к лиману, ещё только солнце поднималось над горизонтом. Распрягли лошадей и пустили их на пышную прибрежную траву, а сами первым делом проверили коты. Набралось приличное количество чебака и сулы. В конце мая уже можно было промышлять рыбу для продажи. Во время нереста вдоль берега ездили егеря, которые не разрешали лов – так повелось ещё со стародавних времен.

Провозились с коптильней и засолкой рыбы несколько часов. Из дому они привезли несколько бочек под засолку и мешок соли. Чуть управились, и Степан уехал в близлежащий лесок за жердями для шалаша. Пётр тем временем резал камыш и вязал из него маты. Время от времени, отрываясь от строительства шалаша, проверяли ловушки, разделывали рыбу и снова укрепляли навес и стены временного прибежища. Ночевали уже в шалаше.

Рано утром, чуть на востоке заалела полоска, рыбаки вновь проверили ловушки. Всю рыбу подвозили на телеге к шалашу. И вновь шла работа: коптили, пластали чебаков, солили, подвешивали связки просоленной рыбы в тени для вяления. Под вечер загрузили в телегу всю копчёную рыбу. Пока разгораживали коты, прихватили немного свежих карпов и стерлядок домой – на уху и для жарки.

Часть рыбы оставили в бочках, в слабом растворе соли. Через несколько дней надо приехать, забрать просоленную рыбу и вывесить её под навесом. Степан не боялся, что кто-то утащит оставленные запасы. Лихих людей в округе не наблюдалось, а хищники звери не достанут до вывешенной рыбы – подвешивали её высоко от земли. Единственно, опасались птиц и потому загородили навес со всех сторон сетями.

Перед этой рыбалкой Степан ездил к соседям – хуторянам Андрияшу и Головко. Они жили недалеко и обещали присматривать за шалашом.

Дома Арина одна «воевала» с детьми и на огороде. Огород разбили в этом году почти на трёх десятинах. Прополка занимала основную часть дня. А ещё надо было скотину управить и еду приготовить.

Арина, истосковавшись по любимому, чуть не до утра проводила с ним в ласках, почти как в молодости, когда они только встретились и поженились. А утром нужно вставать чуть свет, и весь день на ногах. Но это её не утомляло, наоборот, приезд Петра будто сил прибавил. С утра до вечера слышны были её песни и смех, похожий на звуки колокольчика. Арина летала от хаты к огороду, от ручья с полными вёдрами, снова в хату.

Пётр занимался работами в поле и ремонтировал постройки, что обветшали за зиму. Степан тем временем стал строить новый сарай для скотины: он планировал к зиме сделать тёплое помещение для лошадей и коров. Отара у него находилась под небольшим навесом в загородке за хатой. Держали они немного свиней, но запахи заставили Степана перенести свинарник подальше от хаты, вниз по балке. Ветер всё время дул с верховьев, и таким образом неприятных запахов не было слышно.

Вечерами вся семья собиралась за ужином, обговаривали планы на следующий день и, помолившись перед иконами, ложились спать.

Дети не доставляли хлопот взрослым, росли здоровыми и послушными. Якимка по мере сил помогал матери на огороде. Мог и воды принести, и сорняки тяпать. В обед носил отцу и деду в поле узелок с едой. Мишаня пока «хвостиком» ходил за матерью.

На Троицу решили поехать на хутор к Терентию и Наталке. Прошёл уже почти месяц с возвращения казаков домой, и Петру хотелось повидаться с другом и сестрой.

Утром, управившись со скотиной, выехали на новой телеге к родичам. Накануне Пётр и Арина устлали доливку в хате травами, иконы украсили берёзовыми и калиновыми ветками. Сразу в хате стало уютнее, запахло летом, сеном, чабрецом. Считалось, что на Троицу в хату приходят души умерших родственников, для этого жители украшают двор, ворота и хату цветами и ветками. Арина нарвала по дороге большой букет душицы, зверобоя и полыни. Говорят, эти травы, сорванные именно на Троицу, помогают при разных болезнях и простудах.

Арина по случаю праздника надела обновы, что привёз муж, и теперь в венке из полевых цветов выглядела царицей. Пётр и Степан, одетые в черкески, в новых сапогах, выглядели очень празднично. Якимка тоже был одет в красную рубаху и шаровары, подпоясан широким кушаком, где поместил кинжал, подаренный отцом. Он чувствовал свою взрослость и гордо посматривал на меньшого брата.

Пётр любовался Ариной, время от времени и дети смотрели на неё с удивлением, радовались, что мать стала ещё красивее и моложе.

Добрались до хутора быстро. День выдался солнечным, с небольшим ветерком, и жары особой не было. По дороге зашли на курган, к могиле Олеси. Троица всегда была днём обновления и отмечалась как поминальный день, поэтому посидели у могилы, позавтракали и оставили немного еды у креста, чтобы птицы или зверушки поели.

Наталка и Терентий возились в низине, где у них был огород. Издалека увидели родичей в телеге и поспешили домой.

Пока подъехали к хате, Наталка успела переодеться в праздничные одежды, а Терентий надел черкеску и новые шаровары. На кожаном поясе с серебряными накладками висел красивый кинжал в серебряных ножнах. Вышли хозяева к гостям, как князья – красивые, в богатых одеждах.

– Просымо пройты в нашу хату, прыгощайтэся, що нам Бог послав на сьогодни. Мы вас любымо и сподываемося, що цэ взаимно, – сказала Наталка, с поклоном приглашая дорогих гостей.

Обнялись, полюбовались друг на друга, какие красивые все да пригожие. В хате обнялись с Никитой и маленьким Гришей. Арина бросилась помогать невестке готовить на стол, а мужчины пока вышли на улицу.

– Ну що з врожаем у вас? Будэ хлиб цього року? – спросил Степан.

– Не густо будэ, алэ з голоду нэ вмрэмо. Озыми Наталка нэ змогла посадыты, а тэ, що вы допомагалы навэсни саджаты, мабудь дасть хлиб, – ответил Терентий. – Спасыби вам вэлыкэ за допомогу, за занэпокоення про нашу родыну, нэ знаю, як бы мы выжылы бэз вас.

Наталка вышла и позвала в хату. Детям накрыли угощение рядом, на небольшом столике у окна. Сели за столом просторно. Степан по просьбе Терентия прочитал молитву:

– Просымо Тэбэ, Господи, наповны нас Твоею благодаттю, щоб мы, яки чэрэз ангэльськэ благовищэння, пизналы втилэння Хрыста, Сына Твого, чэрэз страждання и хрэст Його осягнулы славу воскрэсиння. Чэрэз того ж Хрыста, Господа нашого. Аминь.

Все перекрестились. Степан поднял чарку с терновой настойкой, пожелал всем здоровья.

На столе чего только не было. Помимо того, что Наталка приготовила на стол к Святой Троице, Арина тоже привезла с собой жареной рыбы, окорока, колбасы и пирог с сыром. По центру стола лежал жареный поросёнок, вокруг него зернисто – гречневая каша. Терентий приготовил утром на костре целиком большую дрофу. Вокруг неё лежали мочёные яблоки и квашеная капуста. Рядом с пирожками, что привезла Арина, высилась горка пирожков с патрипкой (так называли начинку из потрошков курицы). Между этими блюдами расположилась миска со сметаной. Неторопливо, разговаривая между собой, сидели за столом родичи, и было на душе у них светло и празднично.

– Дужэ болячэ, що мамо нэ дожылы до цих днив, порадилы б сонячному дню, сыну, що повэрнувся з вийны, – всхлипнула Наталка.

– Помянэмо нашых матэрив Олэсю и Ефросынию. Нэхай зэмля им будэ пухом. Царство нэбэснэ! – вторил Наталке Терентий.

Чуть притихли за столом, вспоминая ушедших в иной мир, и снова вернулись к беседе.

Пётр с Терентием попеременно рассказывали о службе в крепости, о походах и отражении набегов горцев. Вспоминали, как преследовали абреков сквозь камыши и заросли кустарников. Чудом остались живы, потому что за любым поворотом, за любым кустом могла быть засада.

Во второй половине дня заглянул Нечипоренко. Он ехал из Деревянковки к себе на хутор и попал прямо к столу. Поздравил Петра и Терентия с благополучным возвращением, полюбовался новой формой казаков, кинжалами. Особенно похвалил Якимку: совсем взрослым стал, самостоятельным. Ближе к вечеру отправились по домам.

Снова настали будни – работа до седьмого пота, от утренней зорьки до заката.

Прошло двенадцать лет

Много изменений произошло в семьях Обломий и Галки. Рядом с Ефросиньей упокоился её верный Никита. Недолго он прожил после смерти жены. Бог прибрал его осенью 1828 года.

В семье Терентия и Наталки прибавились двое детей: в 1830 году родилась дочка Ефросинья – в честь бабушки, а в 1833 году – сын Фёдор. Переехать в Деревянковку, как мечтали раньше, не удалось. Привыкли Терентий и Наталка к этим местам, и даже зимой им было уютно на своём хуторе.

Терентий прибавил свои пашни ещё на четыре десятины, раскорчевал тёрны, но оставил небольшой перелесок в центре, вокруг которого располагалось поле. Целинные земли были не истощены, и урожаи пшеницы всегда получались богатыми.

Под огород распахали всю низину. Терентий сделал запруду из камней и глины на ручье, что находился в балке на северной стороне от хутора, и прокопал небольшой канал к огороду. От этого урожай овощей увеличился чуть ли не вдвое. Наталка с раннего утра, управившись в доме и подоив коров, бежала на огород, тяпала сорняки, поливала из канала все овощи. Подросли дети и были незаменимыми помощниками в огороде.

Гриша стал совсем взрослым, уходил с отцом в поле, учился хлеборобскому делу, помогал во всех работах, будь то сев, уборка, сенокос или обмолот хлеба. Утро у него начиналось возле скотины: надо выгнать из сарая коров и лошадей в степь, на пастбище; свиньям носил приготовленную матерью кашу с помоями. Овец перегонял из кошары в степь, и потом за ними присматривал Фёдор.

Зимой дел прибавлялось. Когда степь накрывалась снегом, приходилось давать скотине сено. Тот навоз, что собирался после скота, нужно было вынести на задний двор и там складывать в большие кучи, переслаивая соломой от подстилок. Потом, в середине лета, Гриша специальным ножом резал эту кучу на кирпичи и выставлял сушиться на лугу, превращая их в кизяки. Зимой кизяками топили печь.

За двенадцать лет Терентий и Пётр ещё раз были на Линии, отслужили почти два года, теперь вышли на льготу и занимались своими хозяйствами. Раз в год на две недели их вызывали в правление и отправляли в Казачьи лагеря, что располагались на реке Челбас, выше по течению от станицы Каневской.

В семье Обломий в 1830 году родилась дочь Настасья. Девочка с самого рождения болела, к ней цеплялись все болячки, она куксилась, хныкала, видно было, что её одолевают внутренние боли. Арина ездила с ребёнком в Деревянковку, показывала Настасью фельдшеру, тот ничего толком не сказал, посоветовал поить девочку козьим молоком.

Тогда Арина пошла с дочкой к бабке Богданше, что жила над рекой Челбас в старой хате. Та пыталась снять порчу, выливала на воске детские хвори, дала настойку из травы, но Настеньке все эти лечения не пошли на пользу. Всё так же она хныкала и жаловалась на боли в голове и животе. Лицо её было серое, болезненное, руки и живот покрылись коростами, которые чесались и постоянно беспокоили. Настенька отказывалась от еды, капризничала и жаловалась, что у неё постоянно болит живот. Арина плакала, наблюдая, как страдает её ребёнок.

Годам к десяти Настенька стала, вроде, поправляться. Пётр заметил, что когда он срезает подсолнечные головки и собирает их в телегу, чтобы везти домой, Настенька собирает жёлтые цветочки с семечек и ест их, натирает этими цветками лицо и руки, делает это с какой-то жадностью. Через время Пётр обратил внимание, что коросты с лица и рук у Настеньки исчезли, она перестала жаловаться на зуд и кушала всё подряд. Пётр собрал, сколько мог, жёлтых цветков с подсолнечника и отдал жене, чтобы сохранила на будущее.

Арина за эти годы налилась особой женской статью, стала чуть полнее. Лицо её и фигура были ещё красивее, но не яркой девичьей, а спелой сладкой женской красотой. Губы стали полнее, лицо чуть округлилось, глаза излучали внутренний свет, от которого Петру становилось радостно и празднично на душе. Вечером, целуя в губы любимую, он поражался нежному запаху, исходящему от Арины. Это были не духи, не какие-то травы, которыми Арина мыла голову, а это был аромат любви, взаимной и редкой настолько, что можно было сравнить с райским наслаждением. Пётр без устали каждый день видел эти преображения, и в душе его будто ангелы пели. Состояние окрылённости, счастья переполняло его душу и придавало силы.

Пётр не был набожным, но каждое утро и каждый вечер он молился, благодарил Бога за ниспосланное счастье; каждый день он молился за здоровье и благополучие семьи.

Степан сильно постарел, некогда чёрные усы поседели и обвисли, стали похожи на серебряную подкову. Оселедец на голове тоже стал белым и мягким. Пётр замечал, что отец уже не мог долго работать, часто садился отдохнуть, задыхался, когда поднимался по склону балки. Степан всё ещё лепил свои горшки и даже рас-

ширил разновидности, стал крутить мелкие чашки и тарелки. Расписанные охрами и отожжённые в печи, они были достаточно крепкими и нарядными.

По-прежнему Степан ездил с сыном на рыбалку, но всю тяжёлую работу брал на себя Пётр. Их шалаш на берегу лимана превратился со временем в хатку, где хранились вентеря, сетки и другое рыбацкое снаряжение. Пётр как-то привёз из Деревянковки дубовые доски и вместе с отцом сделал большую лодку – плоскодонку. Просмолили её, проконопатили и стали ездить за рыбой подальше от берега: на ямах водилось много крупной рыбы, ловили её вентерями и сетками.

Закупали для засолки рыбы у чумаков сразу целую телегу соли. Хранили её на хуторе в сухом сарае, на лиман брали только необходимое количество.

Коптильню на берегу тоже сделали основательную, сразу можно было завесить в неё несколько сотен рыбы. На ярмарку отвозили по несколько телег разной рыбы и сдавали её оптом перекупщикам из Ейска.

Хозяйство у Обломиев было крепкое, помимо хлеба выращивали много овощей. На работу в огороде нанимали работников на сезон, в зависимости от того, что планировали выращивать. Рано по весне, чуть просохнет склон в балке, Пётр бороновал землю и с семьёй высаживал картошку, лук, сладкий перец. В середине апреля приходили наёмные работники из России. Петру понравились крестьяне из Курской области – работящие, требовали невысокую оплату. Почти десять лет одни и те же люди нанимались на подёнщину. Помогали они за дополнительную оплату и на сенокосе. Заготавливали очень много сена, стадо у Обломиев было большое – одних коров около двух десятков. Зимой приходилось много работать, и Пётр думал нанять работников на круглый год. Поговорил он с крестьянами, и двое согласились перевезти свои семьи на Кубань. Для них Пётр построил на первое время вниз по балке небольшую турлучную хату.

Арина последнее время занималась детьми и домом, присматривала за работниками на огороде. Часто с мужем по праздникам ездила в Деревянковку, в Успенскую церковь. Старалась обязательно участвовать в крестном ходе к святому источнику Кринице на окраине Деревянковского поселения.

Слышала она, что икона святой мученицы Параскевы Пятницы охраняет семейное благополучие и счастье, избавляет от душевных страданий. День её памяти отмечают 10 ноября; в этот день в церковь приносят плоды для освящения, которые хранятся до следующего года.

Говорили, что когда-то на берегу Криницы нашли икону Параскевы Пятницы. По прошествии времени стали замечать, что вода в источнике обладает живительной силой, восстанавливает силы и исцеляет от многих болезней.

«Премудрая и всехвальная Христова мученица Параскева, мужескую крепость приемши, женскую же немощь отвергши, диавола

Художник Андрей Лях.

победи и мучителя посрами», – несёт горячий степной ветер слова тропаря и уносит их в зеленеющие поля, в бездонное летнее небо. Бережно проносят верующие икону святой великомученицы Параскевы дорогой от Успенского храма к Кринице. Недолгий путь от храма к святому источнику стал для многих путём избавления от страданий, очищения от грехов земных.

Говорят, что Господь явил местным жителям Свою Благодать через икону и источник. Из многочисленных преданий известно, что по молитвам к святой великомученице Параскеве Господь миловал жителей и отводил беды, исцелял болезни, прекращал пожары. Верующие после молитвы в храме с песнопениями несли икону Параскевы к святому источнику.

Казаки грамоту знали редко, книг почти не читали, но Божьему Слову внимали всем сердцем, благоговейно повторяли слова молитв, услышанных в храме, передавали от родителей к детям. И долгими зимними вечерами, сидя в тёплой хате за прялкой или шитьём, старая казачка рассказывала затихшим у тёплой печки чадам о святой Параскеве, которая жила в городе Иконии в третьем веке, приняла обет девства и бесстрашно проповедовала о Христе, обращая многих язычников к Истинной Вере.

Потрескивает лучина, отражается её огонёк в полных сострадания и страха детских глазках, а неторопливый рассказ уводит вглубь веков:

– Параскева видмовылася прынэсты жэртву идолам, и за цэ нэи пиддалы катуванням. Злисный мучытэль наказав повисыты диву на дрэви и палыты вогнем, мучыты тило зализнымы спыцямы... А вона, голубыца, нэ видрэклася вид Бога нашого, Хрыста... И видрубалы ий, страждальныцы, голову…

Вера произрастает из веры. И опускались на колени люди во время крестного хода, становясь на пути пронесения иконы. Расцветала на благодатной кубанской земле Христова Вера, полнились верующими людьми храмы, возрастала Слава казачества…

Арина купила на ярмарке иконку с изображением великомученицы Параскевы Пятницы, поставила её в красном углу и по возможности зажигала лампадку перед её ликом. Арина верила, что благополучие её семьи находится под защитой Параскевы, и молилась ей искренне каждый день.

Якимка рос стройным, жилистым хлопчиком, с лица – вылитый отец. В прошлом году ему сшили черкеску и бешмет. Пётр пошил для него папаху с красным верхом с галунами накрест. В праздники, когда всей семьёй выбирались в Деревянковку, Яким надевал форму, на кожаный пояс с серебряными бляхами цеплял кинжал, на голову – аккуратную папаху и становился очень красивым. В такие минуты он почему-то больше смахивал на мать, которая гордилась сыном и баловала его в меру.

Находясь в поселении, он видел, что многие парубки казачьего происхождения с завистью смотрят на его одежду. Не у всех был достаток, и не у всех были родители, которые с любовью думали о будущем своих детей.

Взрослые казаки, уважая Петра, переносили своё отношение и на Якима. С ним всегда разговаривали почтительно, будто он был ровней по возрасту. Даже старики с одобрением смотрели на него:

– Гарный козак будэ, батько його хоробрый, смилывый, и сын такой ж будэ, тому що гордый.

Якиму исполнилось семнадцать лет. Дважды он приезжал в Деревянковку на занятия по подготовке молодых казаков. Отец выделил ему молодого строевого коня. Старый хорунжий занимался с казачатами приёмами фехтования и джигитовки. Учились молодые казаки всем премудростям строевой и походной службы. На занятиях Яким выделялся среди остальных ладной формой и ловкостью.

Многие казаки не имели черкески и кинжала, вместо сапог носили чувяки. Как правило, они были из бедных семей, не имели лошади и своего оружия. Хорунжий беспокоился, что родители не смогут полностью подготовить своих детей к службе, даже докладывал куренному атаману пофамильно о таких казаках. Атаман вызывал отцов в правление, стыдил, говорил, что надо иметь достоинство и готовить сынов к службе. Но у каждого были причины, по которым семья прозябала в бедности. Очень редко среди казаков были лентяи, не желающие обеспечить семью. Когда в семье не было взрослого мужчины, в случае гибели или иной причины, казачье общество брало шефство над молодым казаком и помогало приобрести одежду и оружие из общественной кассы. Но такие случаи были крайне редки.

Яким приезжал домой после двух недель занятий и, преисполненный важности и гордости, сначала молчал, потом, не вытерпев, начинал оживлённо рассказывать свои впечатления. Во всех упражнениях Яким всегда был первым, недаром с малых лет с ним занимался дед Степан, старый запорожец.

Арина последнее время всё чаще задумывалась и молилась. Она только успокоилась, что муж теперь не подлежит призыву, только в крайнем случае, на случай войны. А вот теперь подошла очередь и сыновьям идти на службу. Хоть и оставалось два года до призыва Якима, но Арина знала, что эти годы пронесутся мгновенно. Она смотрела на старшего сына, любовалась его статью и каждый раз печалилась – ещё свежи были те волнения, что пережила во время службы Петра.

Те бессонные ночи, тревожные от ощущения неизвестности, отразились на её красоте морщинками у глаз и болями в сердце. Нет-нет, а иногда так зажмёт сердце в груди, что перехватывало дыхание и не было сил двигаться. Пётр, если замечал эти приступы, сразу же усаживал Арину на стул или лавку и не разрешал больше что-нибудь делать. Однажды даже повёз жену в Деревянковку к бабке знахарке. Та послушала со спины Арину и посоветовала пить чай из чабреца и душицы.

Продолжение следует.

Зоя СИЗОВА

* * *

Свершилось чудо – параллели
Сомкнулись и пересеклись.
А мы смеялись и хмелели,
И устремлялись снова ввысь.

И было счастье – бесконечным:
Как в речке, плыли небеса,
И ты был ласково-беспечным,
И дал поверить в чудеса.

А сердце билось, как шальное,
И улетало сверху вниз.
Мы были счастливы с тобою,
И продолжалась дальше жизнь...

* * *

Целовала ночью лунною
Две грустиночки – глаза;
Обнимала и не думала,
Почему горька слеза.

Приласкала, приголубила
Так, что кругом голова.
О себе лишь не подумала –
И жива теперь едва.

Не жена и не любовница,
Да и не о чем гадать.
Я сама себе виновница –
Сладко было целовать.

Целовала – не подумала,
Что на улице зима,
И что белой ночью лунною
Вновь останусь я одна.

* * *

Промчалось лето, осень сыплет золотом –
Так сладок дым осеннего костра...
Кружили листья вальсы в небе-омуте,
И фонари горели до утра;

И тихо таял лёд былых ненастий;
И нежный взгляд, и, как туман, слеза.
А Вы – удивлены и очень счастливы,
И заглянуть спешили мне в глаза.

Не думаю, что Вы забыли, полноте:
Сомкнулись руки, будто два крыла,
И бились в такт сердца в полночной комнате,
И песня на двоих – одна была.

Кружат снежинки вальсы в небе-омуте,
И нет тепла, как было лишь вчера...
Вы вспомните уют полночной комнаты
И нежность встреч, и чудо-вечера,

И осень, что кружила в небе золотом...

11. 11. 2016 г.

Я не жалею ни о чём...

Бог дал нам дней быть вместе мало,
Но не жалею ни о чём:
С тобой счастливою бывала
Холодным зимним декабрём.

С тобой душою отогрелась
И вновь парила в небесах;
И снова в сердце песня пелась,
И грезил сад, что он в цветах.

Луна сияла, как шальная,
В полнеба заревом своим.
И голова была хмельная
Не от вина, а от любви.

И пусть бы встретил ты другую –
Не всем по силам небеса.
Не проклинаю, не ревную,
Всё так же верю в чудеса:

Однажды, в долгий зимний вечер,
Прошепчешь тихо: «Приходи»,
И станет ласковым вдруг ветер,
И будут тёплыми дожди;

И будет нам луна шальная
Светить в окошко, как вчера.
И от любви я, как хмельная,
Счастливой буду до утра.

Николай ЛЕМИШ

ИНДИЙСКОЕ КИНО

Рассказ

Людям даже XXI века присуща страсть к зрелищам. Сейчас совершенные медиатехнологии позволяют с головой окунуться в зрелищные процессы, 24 часа в сутки исторгаемые на головы телезрителей. Особенно навязчив шоу-бизнес в совокупности с «ненавязчивой» рекламой. На всех уровнях при этом подчёркивается свобода выбора для телезрителя. В древнем Риме свободные граждане республики определяли уровень своей свободы доступностью к хлебу, вину и зрелищам. По прошествии столетий возможность получения бесплатного вина и хлеба уже не гарантировалась, а вот сфера зрелищ расширилась от боёв гладиаторов до публичного аутодафе. Представления такого плана были отнюдь не дешёвыми.

Когда французы братья Люмьер изобрели немое кино, оно стало незаменимым развлечением для граждан из разных социальных групп. В нашей стране кино прижилось уже в первые годы XX века, сохранив статус первостепенного развлечения до наших дней.

А пресловутые телесериалы! Сколько убытков в виде сгоревших утюгов, сковородок, испорченных яичниц, бифштексов они принесли хозяйкам, не нашедшим в себе сил, чтобы оторваться от захватывающих страстей.

В «дотелевизионную» эру, каких-то 60 – 70 лет назад, даже в самом захудалом хуторе «крутили» кино. Зимой – в клубе, а летом – прямо на открытом воздухе. С замиранием сердца кинозрители взирали на экран, глядя на чужую и обеспеченную жизнь.

Последующие события относятся к 1959 году. Народ тогда «потопом» валил в кино, не взирая на грязь, отсутствие дорог и тротуаров, на кромешную темноту улиц. Молодые читатели наверняка громко воскликнут: «И стоило ли вообще в таких условиях высовывать нос из дому? Не проще ли было провести время у телевизора?!» Да где только были тогда те самые телевизоры, если у большинства жителей крупной станицы вообще электричества не было? А немногочисленные обладатели «лампочки Ильича» видели её слабо горящей только с 7 часов вечера до 11 ночи.

Зато какая рождаемость была! Много детей – и ни кино, ни телевизора не надо, каждый день своё весёлое кино. О новостях узнавали из газет или по радио.

Ну, а если бурлящая молодая фантазия кинет иного молодого человека в 50-е годы прошлого века, связав это время с мыслью о компьютерах и медиатехнологиях, то придётся враз охладить пылкое воображение. Ибо появление тогда хотя бы одного экземпляра этого шибко умного устройства вызвало бы шок, подобный тому, как если бы во времена царствования Ивана Грозного некий смельчак посадил бы на Красной площади одномоторный самолёт...

В тот далёкий зимний день три молодых станичника того интересного возраста, когда нет и тридцати лет, связанные ещё юношеской дружбой со школьной скамьи, решили банально сходить в будний день в кино.

В местном кинотеатре уже три дня шла много нашумевшая индийская мелодрама. Фильмы такого жанра, производства Индии, стали бойко появляться. Для зрителя мелодрама была тогда, на фоне «идейных» фильмов, явлением несколько необычным: с яркими красками, красочными нарядами и национальными песнями. Даже по меркам нынешнего времени сюжет фильма заставил бы безутешно померкнуть деяния «Санта Барбары», подобно тому как станичную самодеятельность сравнить с театром на Таганке. Вы, уважаемые читатели, наверное, догадываетесь, что при всех вышеописанных неудобствах сельского быта заставить зрителя пойти в кино могли

только особые обстоятельства, подтверждающие особую художественную ценность этого кинофильма.

Определённый ажиотаж в ангажирование ситуации уже внесла женская часть станичного общества, три дня пропадавшая в кинотеатре, с придыханием взиравшая на трагедии индийского народа на экране. Тогда ещё только получало развитие такое малоизвестное понятие как аншлаг. Чтобы не дать возможности интриге зачахнуть, отмечу, что пребывание в местном кинотеатре, даже в пределах времени кинопросмотра, уже «тянуло» по фронтовым меркам минимум на медаль «За отвагу». Но об этом чуть позже.

У наших героев тогда прочно созрело решение посмотреть «индийскэ кино биз жинок». Тимофей, бывший в трио заводилой, безапеляционно заявил: «Нам ще бабських слёз ны хватало, розрывуцця, хочь збигай. Подывымось сами».

Был январский морозный, со снегом, день. Каждый из друзей постарался пораньше закончить работу. Тимоха и Кирилл работали на одной молочно-товарной ферме: первый – фуражистом, а второй – ветврачом (посему его звали уважительно Кириллом Ивановичем), Пётр трудился механизатором в полеводческой бригаде. Друзья собрались у Тимофея, жившего поблизости от кинотеатра, основательно укутавшись в полушубки, валенки, меховые шапки. Кирилл Иванович как лицо интеллигентное, которому надо беречь руки, был в трёхпалых, охотничьего пошива, меховых рукавицах. Друзья явно знали, что им придётся вскоре пройти испытание на морозоустойчивость.

Вот тут ещё одна интрига. Под кинотеатр было приспособлено здание бывшей конюшни канувшего в лета станичного правления. В новом амплуа конюшня представляла собой памятник побеждённому царскому строю. На наружной части боковых стен сохранились крепкие железные кольца, каждое из которых можно было вырвать разве что с куском стены. К тем самым кольцам когда-то привязывали лошадей.

Одно из колец так и вовсе имело свою печальную историю. Ибо молва людская гласила, что перед германской войною некие ревнители нравственности и борцы за незыблемость постулатов казачьего домостроя приковали толстенной цепью к конскому кольцу «за попырэк» известную в станице блудницу. Серьёзность ситуации подтверждал десятифунтовый гирьковый замок, единственный ключ от которого уже покоился на дне местной речки. Мадам пребывала «в полуниглиже», что было, само-собой, несмываемым позором, павшим чёрным пятном на весь род блудницы. Несмотря на титанические усилия почтенного отца и опозоренных братьев, попытавшихся выдернуть кольцо, стена устояла. Цепь была из местного «самопала», дававшего фору дамасской стали. Пришлось пригласить кузнеца с переносным горном...

Но все традиции ушли в прошлое. А сегодня это – «очаг культуры». Очаг до такой степени без очага, что порой в нём было холоднее, чем на улице. Зрительские династии за время существования «очага» поднаторели в поисках способов «сугрева». Выбор, собственно, невелик. В радикальной форме, если позволяло здоровье, популярен был приём крепких бодрящих напитков местного производства. Всё дело в дозе. При переборе был риск впасть в забытьё, не увидев фильма. Прийти в себя можно было только после окриков и пинков театрального контролёра.

Два года назад наша страна запустила в космос спутник, и прогресс, нагнетаемый из космоса, победоносно шагал по стране. Местный радиомастер Корней Яковлевич приходил в кино с небольшим чемоданчиком, в котором находились аккумуляторные батареи. Апофеозом технической задумки был редкий в то время электрический медицинский бинт, то есть электрогрелка. Электроэнергии аккумулятора хватало, чтобы подогреваться на протяжении сеанса. Яковлевич очень гордился своим изобретением. Продвинутые женщины приносили для этой же цели в плетёных кошёлках или кирзовых сумках грелки с горячей водой, прикладывая потом поочерёдно обогревательные приспособления к разным частям тела.

Наши герои решили прибегнуть к старому проверенному способу, посчитав два последних порочащими мужское достоинство. Кирилл Иванович как лицо, косвенно причастное к медицине, напомнил друзьям, что на фронте не зря выделяли «фронтовые сто граммов», так как жидкость, принятая во внутрь в умеренных дозах, вызывает усиленную циркуляцию крови и помогает, например, северным народам одерживать победу над холодом. А что касаемо фронтовиков, то они всегда и везде выходили победителями. Особенно эффективен чистый спирт, который надо пить неразбавленным. И жестом умелого иллюзиониста он извлёк из-за пазухи склянку со светлой жидкостью и кружок домашней колбасы. При этом новоявленный лектор побеспокоился о несчастных чукчах, которых жестокая природа не наградила стойким иммунитетом против спиртного. Уж очень быстро они спиваются.

Меж тем Пётр достал кусок сала, появились квашеная капуста, солёные помидоры, огурцы, затем чесночная колбаса, лук, чеснок. Короче, присутствовал весь набор кубанской снеди. Выпитого спирта хватило, чтобы только разыграть аппетит. Тимофей по-хозяйски водрузил на стол баллон с самогоном со страшно крепким градусом. Был в этой жидкости один недостаток – больно уж разила она густым невыносимым «бурячным» духом, так как выгнан был самогон из сахарной свёклы.

Кирилл, переносивший с трудом запах свекольного напитка, скривился. Но что не совершишь ради мужской дружбы. Употребив ещё по полтора стакана первача и хорошо за-

кусив, друзья зажевали запах самогона чесноком. Подготовка к грядущим испытаниям была закончена.

Когда они вошли в зрительный зал, на экране мелькали кадры киножурнала. Нашлись три места рядом, находящиеся в середине ряда. Напротив них, в предыдущем ряду, расположился субтильный мужчина в демисезонном пальто и кепке.

По первому взгляду опытной троицы, субъект не был подготовлен к низкотемпературной обработке. Друзья шёпотом заключили пари на предмет того, долго ли этот зритель усидит в зале.

Подогретые «с нутра», защищённые полушубками, герои самозабвенно предались созерцанию фильма.

Летние сюжеты. Легко одетые герои в невесомых одеждах поют и пляшут. Но от жарких сцен в зале теплее не становилось. Холод упрямо забирался под одежду зрителей, заставляя их шевелиться и по-тихому притопывать ногами.

Зато героям нашим ничего не было – они даже расстегнули полушубки. Их крепкие молодые тела источали не только тепло, но и пары, насыщенные ароматическими углеводородами, явно не озонирующими окружающую их воздушную среду.

Первым проявил беспокойство субтильный гражданин. Вряд ли только холод был причиной. Если в зале ранее витал казённый дух сторожки и милицейской дежурки, то постепенно к нему стал прибавляться дух коровника и солярки, а так же нечто, ранее неизвестное.

Холод, и правда, донимал зрителей. Обладатель демисезонного пальто предпринял меры, подняв воротник и натянув кепчонку до ушей. Меры оказались недостаточными. Но что-то ещё тревожило беспокойного зрителя, активность которого только возросла. Ибо стал он елозить на своём месте, оглядываясь и чертыхаясь.

Наши же герои, развалившись в жёстких зрительских креслах, с упоением созерцали сюжетные композиции фильма, по ходу комментируя подлые действия заплывшего жиром безбородого индийского раджи. По поводу женского его лица и тараканьих усов Кирилл выдал комментарий с медико-ветеринарным уклоном. Троица дружно рассмеялась. Личность в пальто нервозно задёргалась. Пётр, отличавшийся с самого детства немногословностью, коротко произнёс: «Ны крутысь, а то картуз на вуха натяну».

Но это только подстегнуло субтильного субъекта. Он открыто стал выражать недовольство, с ненавистью оглядываясь на одетую «по-северному» троицу. На первый взгляд, его недовольство можно было бы расценить как зависть замерзающего к обладателям кужухов. Были, наверное, и другие причины – разгадать было трудно. Но что-то, подобное тому, что «Понадивалы кужухы и радуюцця», он всё же произнёс.

Меж тем кино-мелодрама подходила к своему кульминационному завершению. Гибель главной героини, ослепительной красавицы, стала пиком режиссёрского замысла. Несчастному, убитому горем жениху надлежало возжечь погребальный костёр. Женская часть зала эмоционально отреагировала всхлипываниями. Возникло особое состояние аудитории, определяемое как солидарный плач.

Мужская часть зала из уважения к женской чувствительности притихла. Наша троица, видно, тоже прониклась сочувствием. Ранее принятые крепкие напитки не поколебали их моральных устоев, оставшись в той пропорции, когда говорят: «Что слону дробина». В зале возникла тишина, нарушаемая только всхлипываниями и треском погребального костра на экране.

Между тем, потерявший всяческое терпение и доведённый до полного отчаяния гражданин в демисезонном пальто возопил пронзительным фальцетом: «И яка воно скотына до того спортыла воздух, шо прямо дыхать ничим?» И добавил: «Одын раз зибрався у кино, а тут ны то шо кино дывыцця – задыхнэсся! Думав у кини отдыхнуть, а ны получицця». В окончании добавил: «Совсим у людэй ныма совисти». Сделав паузу, он произнёс несколько крепких выражений в отношении лиц, приведших воздушную среду в столь плачевное состояние.

У неплачущей части зала это вызвало дружный смех. Плачущая часть, ещё не поняв в чём дело, продолжала скорбеть.

В зале прозвучал неизвестный звуковой эффект, на который прибежали бдительные контролёры. Включили свет. Прибежал старший киномеханик Михаил Фёдорович. На возглас «Что случилось?» зрители посмотрели друг на друга. В этот момент нарушитель порядка встал и ответил залу и контролёрам: «Дыхать мини ничим, хтось блызько сыдыть и биссовисно портэ воздух. Совисти нымае». На что дружный зал ответил хохотом.

Когда присмотрелись, то оказалось, что отравленный газами гражданин – это Аркаша, слесарь-интеллигент из промартели. Он ремонтировал станичникам примусы, мясорубки, патефоны, сепараторы и даже ружья.

Тимофей, которому не приличествовало лезть за словом в карман, отреагировал мгновенно, произнеся со смехом: «Як шо ты такый хворый, так ничого йты в кино з своимы болячкамы. Ты може ще й заразный, мы ны знаемо. Шось ты худый и дуже бледный». На что труженик артели резко рванул к выходу, произнеся на ходу: «Давно ны був у кини и довго ще ны прыйду». Воспитанный ветврач Кирилл Иванович произнёс: «Нет, ты сначала подлечись, иди, не откладывая, в амбулаторию. Как станет лучше – приходи, только одевайся потеплее. Видно, ты простудился. Вон как легко одет!»

Но в ответ раздался только хлопок двери. Киносеанс продолжался. Подлый раджа, глава преступного клана, должен был получить по заслугам. Зрительская аудитория жаждала мести.

Владимир ПОЛТОРЖИЦКИЙ

Гармошки фронтовые

На музейной полке в зале
Три гармошки встали в ряд.
Мимо них пройдёшь едва ли,
Так притягивают взгляд.

С виду, вроде, неказисты –
В этом нету их вины.
Не известны гармонисты,
Не пришедшие с войны.

Как бы трудно ни бывало
В лихолетье боевом,
Поднимал дух запевала
Бодрой песней огневой.

Позволяла людям песня
Задушевностью своей
Жить на свете интересней
В мире фронтовых полей.

Веселились под гармошку,
Песни пели про любовь
И грустили понемножку,
Позабыв про смерть и кровь.

Так гармошки воевали,
Приближая светлый день.
Поработали немало –
«Через день да на ремень!»

Перламутр стёрся с планки,
На мехах не счесть заплат...
В честь Победы вместе с танком
Те гармошки стали в ряд!

Незабудки

Ежегодно, в начале июня
(Той традиции множество лет),
Для любимой девчонки дарю я
Незабудок нехитрый букет.

Средь зелёного буйства природы
У журчащего звонко ручья
Голубым лепестком небосвода
Покрывается летом земля.

Это нежное чудо природы
Покоряет и радует взгляд.
И недаром издревле в народе
«Незабудка» о нём говорят.

И девчонка к губам прижимает
Нашей встречи желанной букет –
Он в счастливых глазах зажигает
Неземной и чарующий свет.

Этих чувств голубое раздолье
В сердце мы сохраним навсегда...
В нашей жизни, такой неспокойной,
Не страшна никакая беда.

Мозаика осенних листьев

На мокром зеркале асфальта
Опавших листьев полотно
Лежит блестящей пёстрой смальтой,
Как мозаичное панно.

Художник-осень над картиной
Работает и день, и ночь,
А серый дождь и ветер синий
Стремятся осени помочь.

Богатая палитра листьев
К себе притягивает взгляд.
Ещё чуть-чуть, и все «мониста»
На землю тихо облетят.

Душа природы замирает
В преддверье зимних холодов,
И мягко землю устилает
Богатый лиственный покров.

Зима раскрасит бледной кистью
Природы мертвенный покой...
Мозаику осенних листьев
Сметают дворницкой метлой.

Степан ДЕРЕВЯНКО

ПЕРВОЕ ОПОЗДАНИЕ НА УРОК

Конец августа и сентябрь 1958 года, когда я пошёл в первый класс, на Кубани выдались дождливыми. Мокли копны соломы на скошенных полях, понуро бродила по балке скотина, почернели от сырости камышовые крыши, и по листьям вишен, заглядывающих в окна хат, ляпотел денно и нощно дождь. Гулять меня на улицу в эту пору мать не выпускала, «шоб нэ тягнув в хату грязюку». В другое время я, конечно бы, удрал, но перед первым сентября нельзя было – мать шила мне штаны, рубашку-косоворотку ко дню, которого я ждал, как небывалый праздник. Штаны мать «сочинила» из своей немецкой юбки (она её привезла из Германии после войны), а рубаху – из сестриного платья. Мать не была ни швеёй, ни модисткой и потому кроила и шила, постоянно примеряя и наживляя на мне, при этом от непривычного занятия часто укалывая. Я вопил, а мать посмеивалась, говоря:

– А як же ты хочишь, сынок. Зато будэ обнова.

Обнова, действительно, получилась праздничной, и я шлёпал в ней по мазаному полу хаты (доливке), как гусь лапчатый, под смешки уже выросшей сестры. Не было к моей обновке одного – обувачки. Но отцу его друг дядя Петя Сукно, возивший бедаркой на хутор почту из Каневской, обещал привезти маленькие кирзачи – сапожата по моей ноге. В ту послевоенную пору многие бывшие фронтовики, как и мой отец, предпочитали одну всепогоднюю военную обувь – кирзовые сапоги, и пределом наших пацанячьих мечтаний было ходить в таких же, как отцы, сапогах. Мне повезло: чёботки дядя Петя купил, и вечером перед первым сентября отец выложил их на стол из своей брезентовой плотницкой сумки прямо рядом с хлебом.

– Ось, сынок, тоби настояща обувачка – чёботы! – сказал он.

У меня перехватило дух от радости. Чёботы отливали чёрным лаком и пахли дёгтем, которым тогда мазали кожу сапог.

– Слава Богу, тэпэр можна и в школу, а то хочь отправляй дытыну босу, – заметила довольная мать.

Весь вечер я был на седьмом небе от счастья, «собирал и разбирал» черезплечную школьную сумку, сшитую из остатков той самой юбки, при этом имущества моего было всего какая-то детская книжка и пара тетрадок.

Отец поужинал и сел парить ногу в отваре ивовой коры. В ноге у него с войны сидел осколок, и в такую «кислую» погоду нога всегда «крутила», отнималась, и боли были такие, что у отца аж закатывались глаза. Перед сном под шлёпанье дождевых капель по вишне, я услышал слова матери:

– Хоч бы ж, батько, у тэбэ нога завтра ны закрутыла, а то як же ты довыдэш хлопця до школы.

– Та хоч бы ж, – ответил отец.

Утром, поев молока с хлебом, мы отправились с отцом с хутора Сухие Челбасы в совхоз «Кубанская Степь», где отец работал, а мне предстояло учиться. Через ручей, который потом запрудили, мимо кладбища и по лесопосадке. Километра четыре. Дождь не кончился, но притих, и я семенил в своих чёботках, накрытый полой отцовского брезентового плаща. Он вёл меня по траве, чтоб я «не забрёхался». На середине пути отец остановился и скривился от боли.

– Нога, папка? – спросил я.

– Вона, сынок, ны хоче йты.

Мы постояли несколько минут, перевели дух и двинулись дальше. Но шли недолго. Нога у отца отнялась, и началось то, чего я ещё не знал. Отец достал из сумки сыромятный матузок, привязал его к ноге и стал поднимать и переставлять ногу рукой. И боль при этом была такая, что он шептал какие-то страшные слова. Теперь мы не шли, а шкандыбали. Я тянул отца за руку и плакал:

– Папка, родненький, давай быстрей, мы в школу опоздаем!

Отец тянул за матузок, нога с трудом вылезала из грязи, и на глазах пятидесятилетнего отца блестели слёзы. Так мы доплелись к школе к концу первого урока. Я уже был по самую попу в грязи, но учительница, к которой меня подвела директор Евгения Эдуардовна Терёхина, погладила меня по головёнке и сказала:

– Какой нарядный мальчик! Ну, скажи мне, как тебя зовут?

От растерянности я проглотил язык и втянул голову в плечи. Отец стоял рядом с матузком на руке, и только после его просьбы я обрел дар речи:

– Стыпанко...

– Вот и хорошо! У нас в классе нет мальчика с таким именем, – сказала учительница.

– Во всей школе нет! – добавила директор. – И раз ты один с таким именем на всю школу, ты будешь хорошо учиться. Будешь?

– Буду... – выдавил я из себя второе слово.

– Ну, вот и славно, вот и славно, – сказала учительница и повела меня в класс.

В классе я окончательно потерял дар речи от взглядов, от показываний на меня паль-

цем, да так и просидел букой до конца уроков. Почти ничего не слышал и только разглядывал тонкие белые паутинки на синем простом карандаше, который мне с тетрадкой подарила учительница. Такого красивого карандаша у меня больше в жизни не было!

Имя своей первой учительницы я, к сожалению, забыл (о фотографиях тогда не мечтали). И забыл, наверное, потому, что наша семья переехала через время на другой хутор, и доучивался я в другой школе. Но своё первое опоздание, матузок на ноге отца, его слёзы, ласковую руку первой учительницы на моей голове и синий карандашик с паутинкой я помню и вряд ли когда забуду. Хотя бы потому, что каждый год в положенное время наступает первое сентября...

ГРЕЦКИЕ ОРЕХИ

Осенью я собираю грецкие орехи. Они начинают массово падать после первых осенних дождей в конце сентября. Дожди эти обычно холодные и приносят на степную Кубань свежесть, которая после сухих и жарких дней всем в радость. И с этими дождями начинается орехопад. Глухие удары по крышам, стаи грачей и ворон, срывающих с деревьев свою долю и добывающих ядра где-нибудь поблизости: на столбах заборов, на электроопорах или просто на земле. И тянется этот ореховый жор каркающих бандитов до холодов, до декабря, когда в станице огороды уже вспаханы.

В драках птиц за орехи всегда много потерь. Помните: «Ворона каркнула… сыр выпал…»? – так и с орехами. А по весне присыпанный землёй или сырым листом орех треснет, даст росток, и потянутся живые ниточки жизни к солнцу, чтобы стать большим и красивым деревом. И очень ценным. Не случайно молоденький корешок грецкого ореха очень похож на корень женьшеня, а плод – на человеческий мозг. Но после войны, в пятидесятых годах, в хуторах и станицах грецких, или, как их ещё у нас называют, «греческих», деревьев я не видел. Знаю, в Крыму они росли, а в нашей степной стороне не замечались. Может, потому, что тогда не было такого количества «пернатых садовников», как теперь – летят из посадок харчиться на свалки, и небо от них черным-черно. Может, поэтому, может, ещё почему-то. Но первый раз я попробовал грецкие орехи под новый 1959 год.

Под ёлкой нам, школярам, роздал серые бумажные пакеты с подарками Дед Мороз и отпустил на каникулы. В кульке оказались два яблока, маленькая пачка печенья, с десяток разных конфет и пять неизвестных мне орехов. Что это орехи, я догадался по сказке Пушкина, где белка орехи грызёт и ядра в них – чистый изумруд. Её нам читала учительница. Но белка грызла мелкие орехи, а эти были крупные и в рот белке не пролезали!

Я вышел из школы и думал, как подарок донести домой? Поймают старшие пацаны – отнимут. А идти надо было пять километров по полям и посадкам, по кладке через Сухую Челбаску – так называлась наша тихая речушка, а потом за огородами до своей хаты. А там камыши, вишняки, суслоны из кукурузного будылля – самое лучшее место меня поймать. А мне не хотелось отдавать подарок Деда Мороза великовозрастным лоботрясам, сидевшим в каждом классе по два, три года. И я решил пробираться домой сам, одного не так заметят. Распихал подарок по карманам, а орехи засунул в голенища кирзовых сапожат. Но идти стало неудобно, орехи из голенищ провалились вниз. Пришлось переобуться, орехи уложить в шапку-ушанку и надеть на голову. Так они хотьбе не мешали.

Снега за два дня до Нового года не было, льда на речке тоже. Зато грязюка – непролазная. Лошади тащили брички с измазанными брюшинами и подвязанными хвостами. Я прыгал через колеи, шёл по старой траве и сухим бурьянам, лишь бы не тащить на сапогах прилипшей грязи. Так прошёл полдороги и увидел хуторских босяков Чёрного и Гарбуза, куривших на кладке самосад. «Эти безбатченки вытрясут всё», – подумал я и прошёл мимо кладки. В те годы, получив похоронки в войну, молодые вдовы рожали, от кого получалось, и Бог давал почему-то одних сыновей, наверное, чтобы восполнить потери войны. Росли они без отцов, не слушались матерей, и таких пацанов называли безбатченками – без батька, значит. Учиться они не хотели, взрослели рано и сами начинали шастать к вдовушкам. Всех их ждало ФЗО, после – Армия, дальше – как у кого сложится. Чёрный, учась в «фэзэухе», попал под поезд и потерял ногу.

…Кладку я прошёл и искал в камышах проход, где речушка сужалась между двух большущих кустов камыша, и где была натоптана

Фото Степана Деревянко.

тропинка теми, кто воровал корма на ферме напротив и прыгал с куста на куст. Я видел, как это делали взрослые парни: нужно было хорошо разогнаться и прыгнуть. Портфеля у меня не было, я разогнался и… не прыгнул. Испугался. Вода тихой Челбаски между кустов, в сужении, бурлила. Струи трепали стебли водяной травы, и чувствовалась глубина. Я попробовал ещё раз, и опять страх остановил меня. Я заплакал. Никого не было близко, лишь камыши, речка и я. А прыгать было надо. И я решил не смотреть страху в глаза, не глядеть на воду, разогнался и перед протокой заплющился… Прыжка не хватило, и вода меня понесла. Я закричал, хватался за корни камыша, они выскальзывали из рук, и я, наверное, кричал громко, потому что какой-то дядько в вылинявшем брезентовом плаще лёг на край протоки и выловил меня за шиворот. Потом завернул в плащ и донёс до самой хаты. Мне было холодно, я стучал зубами, и мать отогревала меня на коминке печки. От подарка Деда Мороза остались одни орехи под шапкой, яблоки потерялись, наверное, уплыли, а конфеты с печеньем раскисли, и мать месиво выбросила. Орехи она положила в мисочку на столе.

Пришла со старшей школы сестра, потом с работы отец, я отогрелся в тепле, и за ужином семья решила попробовать диковинный подарок. Отец постучал по четырём орехам молотком, раздал всем ядра, а пятый, самый крупный, не тронул и сказал: «А цэй посадымо, може, выростэ». И никто меня не ругал за то, что я чуть не утонул, за то, что не пошёл по кладке, отец только пристально посмотрел мне в глаза и сказал матери: «З нашого Стыпана шось путне получиця, карахтер е. Тилько вин, мабуть, такый, як мий батько був: чужого ны визьмэ, а свого ны отдасть».

А орехи те действительно были вкусные: какие-то жирные, приятные и пахли солнцем. Как мать сказала: «Смачни дужэ».

Всю зиму ту я болел корью, потом ветрянкой, отец носил меня, закутанного в одеяло, к бабке Грызлихе – хуторской знахарке, лечить испуг – купание моё не прошло даром, и очухался я от болезней аж в первое тепло, в февральскую оттепель, которую на Кубани называют февральскими окнами.

А орех по весне, прикопанный и удобренный коровьим навозом, выстрелил в небо острым, как копьецо, побегом, мы его огородили, чтоб никто случайно не сломал, и через лет пять, я уже подрос, зацвели на нём махонькие зелёные орешата, и весь хутор пришёл смотреть на наше греческое чудо. А к концу сентября толстая зелёная корка на орехах побурела, лопнула, и на землю упали такие точно орехи, какие мне, первокласснику, подарил Дед Мороз. И всю жизнь, по осени, собирая вёдрами грецкие орехи, я вспоминаю те пять орехов, которые чудом не уплыли по протоке с моей шапкой, того неизвестного дядька, выловившего меня за шиворот и нёсшего в своём плаще до хаты бегом. И тот орех, который на удачу посадил мой немолодой уже отец, и его слова про мой «карахтер». Во многом так в моей жизни и получилось, как он сказал – слова отцов часто бывают вещими.

ТРИ ДНЯ ЗИМЫ

Конец января. Держалась-держалась нехолодная погода и испортилась. Ветер, как невиданный зверь, выл всю ночь и рвал, колотил, гремел, издевался над всем, над чем мог. У соседа на крыше завалил вытяжную трубу, у меня разбросал доски и распинал пластмассовые вёдра, и всё побил, а стальную крышку колодца унёс в соседний огород, и не было в станице ни одного двора, где бы ветрюган чего-нибудь не натворил. А под утро порывы ударили по дому дождём, затем ледяной крупой, а утром всю эту погодную «кесю-месю» мороз сковал льдом. И всё, «як казав Гаврыла, на улыцю ны высуныш рыла».

Но и этого бесновавшейся нечистой силе оказалось мало: под завыванье ветра завертелся снег, и мороз стал крепчать. Обезлюдели улицы, замолчали собаки – и так трое суток. На окраине станицы «гайцы» поставили поперёк трассы машину, включили мигалки – дорога на Ейск и Ростов закрыта.

– Зачем закрыли дорогу? – спрашивали водители.

– Чтоб никого не спасать. Сидите дома, – был ответ.

А ветер уже нёс с полей позёмку, заметал трассу, и вскоре она ничем не отличалась от полей: снег, везде снег и ветер. Настоящая русская зима решила разгуляться на наших степных просторах.

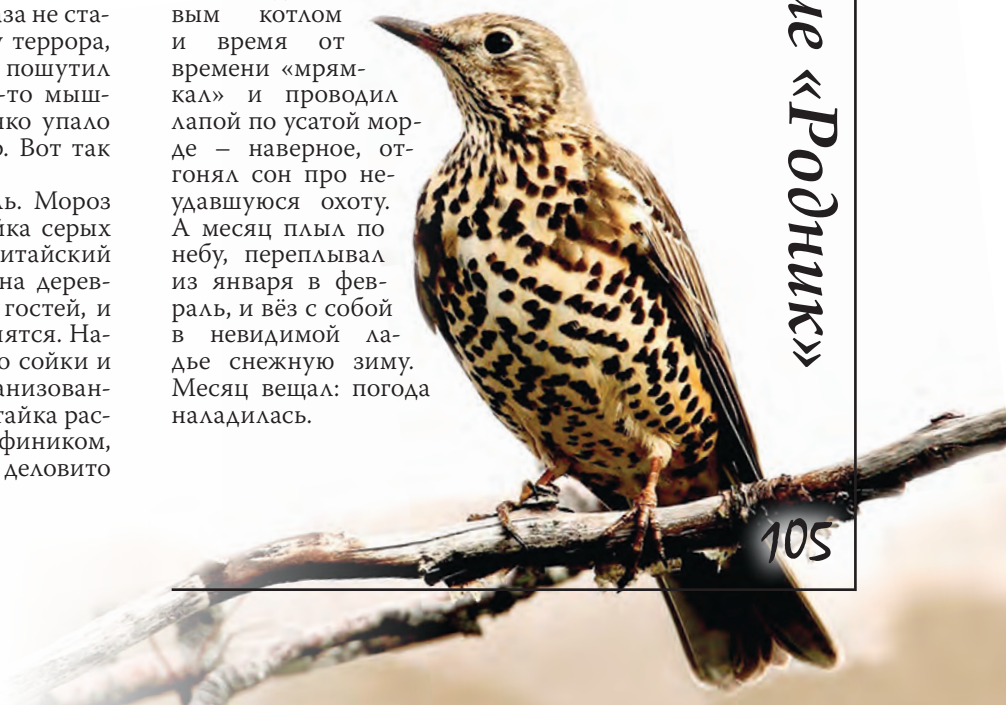
К концу третьих суток верховой снег перестал сыпать, выглянуло солнце, и в морозном сияньи предстали снега. С сугробами, с торосами, с тихой позёмкой. Красотища! Хоть и не негры мы, не под бананами выросли, а такая зима в диковинку. И хорошо когда-то было в такую зиму, управившись с хозяйством, сидеть у горячей печки с книжкой, думать, смотреть за окно и быть спокойным. Потрескивают дрова, посвистывает чайник, кот потягивается на комине и блаженно щурится… Да, хорошо было. Но где теперь в станице такие печки (у кое-кого, умного, остались!), в котлах гудит газ – мечта тех, кто за него не отдаёт всю пенсию. А вдруг в холода газа не станет, что тогда? Живём ведь в эпоху террора, когда полиция, как на вулкане. Как пошутил один мой знакомый полисмен, где-то мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало и бабахнуло. Включили антитеррор. Вот так нынче сказка сказывается.

А за окном мне сегодня невидаль. Мороз за двадцать, снег по колено, и стайка серых дроздов начала дербанить мой китайский финик. В зиму я всегда оставляю на деревцах плоды помельче для пернатых гостей, и они обычно с гостинцем не церемонятся. Налетели, поклевали и исчезли. Но это сойки и грачи. У дроздов подход иной, организованный, я б даже сказал – разумный. Стайка расположилась на снежном насте под фиником, а одного послала на деревце. И он деловито стал срывать клювом ягоды и бросать собратьям. Ягоды финика, или его ещё зовут унаби или зификус, размером с вишенку, коричневые, падали и катились по уклону сугроба, дрозды бежали за ними, клевали, пытались проглотить, роняли и гнались за убегающими ягодками опять. А верховой без устали работал. «Ну и организация! – подумалось мне. – Вот, пожалуйста, пример коллективного разума». Потом набивший зоб дрозд сменил верхового, и кормёжка продолжалась. Я залюбовался птахами. Смотрел за ними из окна дома в подзорную трубу – близко, уже знаю, не подпустят, улетят. Мои попытки стайку сфотографировать оказывались безуспешными. Осторожная птица!

Дело в том, что в нашей степной Кубани дрозды не живут. Птица лес любит. А где лес – аж в горах? А эти или с прошлого года остались, или прилетели зимовать. Европейский дрозд – перелётный. А всего их на планете до четырёхсот видов, какой же вид мои гостики? Сверху они, как воробьи, серые, а грудь и пузико беловатые. Справочник объясняет, что это обыкновенный российский вид – дрозд деряба, а есть ещё рябинник, белобровик, ореховик, чёрный и белозобый дрозды. Наверное, не все виды указаны. Но если «мои» – деряба, то зовут их так от пения, ибо деряба – это по Далю козлодёр, сиплый певчий. А поют у дроздов самцы.

Пока я так рассуждал и любовался дроздовым «рестораном», мой кот Люсик тишком, ползком за сугробами устремился к стае. Шерсть Люсика от охотничьего азарта дрожала. Как же – большие воробьи! Но верховой работник врага заметил, и прыжок Люсика пришёлся в сугроб. Один хвост торчал. А пернатая команда молниеносно исчезла в ореховых зарослях соседа. Люсик же выбрался из сугроба и долго отряхивался.

А вечером третьего дня мороз стал совсем кусачий, вызвездился молодой месяц, и мой неудачливый охотник спал на все четыре лапы под газовым котлом и время от времени «мрямкал» и проводил лапой по усатой морде – наверное, отгонял сон про неудавшуюся охоту. А месяц плыл по небу, переплывал из января в февраль, и вёз с собой в невидимой ладье снежную зиму. Месяц вещал: погода наладилась.



Татьяна КУН

БОСОНОГОЕ ДЕТСТВО

Кто из нас, рождённых в первые послевоенные годы, когда наша Родина возрождалась из руин, не помнит своё босоногое детство?!

Лето 1958 года. Мне четыре года, соседке Галочке – пять, моему старшему брату Саньке и его другу Жене – по семь лет. Мы дружили по соседству. Галочка была худенькой девочкой с волосами светло-соломенного цвета, поэтому моя мама называла её Белочкой. Нас часто одевали, как сестричек, одинаково. Наши мамы, обе Нины, шили платья нам сами. Особого выбора тканей не было, как сейчас, а потому, если кому-то из мам удавалось купить ситец, брали ткань для нас обеих.

Тётя Тоня жила на нашей улице в старой саманной хате, крытой камышом, стоящей в глубине двора. Она жила одна, её муж пропал без вести во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов, и она всё ждала, вдруг вернётся... Писала запросы в различные военные ведомства, архивы. С нетерпением ждала почтальона в надежде получить хоть какую-нибудь весточку о муже. Тётя Тоня была невысокого роста, с русыми волосами и серыми, полными затаённой грусти глазами.

Летом её хата всегда была подмазанной и свежевыбеленной известью с голубоватым оттенком. Впереди хаты – небольшой ухоженный огород, утопающий в цветах мальвы и зелени, а высокая шелковица, растущая за хатой, казалось, укрывала её ветвями от палящих лучей солнца. В июне – июле, когда на шелковице созревали крупные чёрные ягоды с приятным кисло-сладким вкусом, мы просили тётю Тоню разрешить нам, соседской детворе, полакомиться шелковицей. Тётя Тоня расстилала под деревом какие-нибудь тряпицы, дорожки-ряднушки, на которые сыпались спелые ягоды, когда мы лазили по дереву. Мы трясли ветки, чтобы осыпалось как можно больше. Тётя Тоня варила из собранных ягод сладкое душистое варенье.

Наевшись досыта, перепачкавшись, как поросята, мы слезали с шелковицы и долго оттирали руки зелёными ягодами, чтобы отмыть их. Увидев наши чумазые мордашки, трудно было удержаться от смеха…

Шла уборка урожая в колхозах. По улице проезжали машины, покрытые брезентовыми тентами, доверху нагруженные пшеницей. Пока шла уборка, они ехали одна за одной, поднимая шлейф пыли. Наша улица в то время была без асфальтового покрытия, и слой пыли образовывался такой глубокий, что ноги утопали в нём по щиколотки. Босиком мы пробегали по этой необыкновенно мягкой горячей пыли, подражая машинам, и, вспотевшие, быстро обрастали слоем грязи. Не замечая этого, изображали машины, пока не появлялся новый поток грузовиков.

Вечером мама с трудом отмывала нас с братом. Летом во дворе стояла небольшая деревянная кадушка (маленькая бочка), наполненная водой. За день вода нагревалась на солнышке и была горячей. Мама ставила корыто, наливала в него из кадушки воды, нагретой на солнышке, и тут же, во дворе, купа-

ла нас с Санькой по очереди. Локти и коленки у меня были чёрными, зачастую со ссадинами, и мама, оттирая их мочалкой с мылом, приговаривала: «Водичка, водичка, умой её личико, чтоб глазки блестели, чтоб щёчки краснели, чтоб смеялся роток, чтоб кусался зубок…» Мне сразу становилось весело, и от моих слёз не оставалось и следа. Купая Саньку, мама тоже приговаривала: «Мою, мою трубочиста чисто, чисто, чисто, чисто…»

В то лето Жене купили детский двухколёсный велосипед. Женя приехал к нам на улицу (он жил по другой улице, недалеко). Сначала мы велосипед потрогали, погладили, осмотрели со всех сторон. Велосипед казался чудом техники – металлическая рама тёмно-синего цвета, блестящий никелированный руль с мягкими резиновыми чёрными ручками… По очереди мы на нём покатались по дорожке вдоль забора, придерживая друг дружку за багажник, чтобы не падать.

Жанна, старшая сестра Галочки, была в то время на каникулах. Окончив среднюю школу № 1 с серебряной медалью, она поступила в Московский университет прикладной биотехнологии. В столице Жанна увлеклась фотографированием, руководила студенческой фотолабораторией, была членом подготовительного комитета и участницей Международного фестиваля молодёжи и студентов 1957 года в Москве.

Приезжая домой, Жанна – жизнерадостная двадцатилетняя рыжеволосая красавица – привозила с собой фотоаппарат, с которым была неразлучна. Всё интересное, необычное она старалась запечатлеть. Вот и наша детская «компашка» попала в объектив, и она запечатлела на фото нас с велосипедом у своей калитки. Я с довольной мордашкой, загорелая, в одних трусах сижу на велосипеде, крепко уцепившись за руль; Санька стоит сзади, держит велосипед за сиденье; Женя сидит на траве, держит велосипед спереди, чтобы не катился; тётя Нина с Галочкой сидят в калитке.

Мы с Санькой босиком, так как летом нам нравилось бегать босыми. Только тогда, когда начинали колоть ноги «каунцы», – трава, на которой к концу лета появлялись колючие шарики, как ёжики – мы вновь надевали сандалики или туфли.

Пересматривая детские чёрно-белые фотографии, я вспоминаю даже цвет наших платьев. Вот на одном из снимков мы стоим в старом парке. Нашу неразлучную четвёрку только что забрали из детского сада. Он и сейчас действующий – детсад № 1, что расположен у берега реки в центре нашей родной станицы. Путь домой всегда лежал через парк, по шуршащим дорожкам из песка-«ракушки». Летом в парке было очень красиво, яркие цветущие клумбы источали тонкий аромат, а ещё можно было покататься на детских качелях. Здесь нас и встретила Жанна со своим фотоаппаратом. И вот оно – застывшее мгновение, которое я с каким-то щемящим чувством рассматриваю и вспоминаю.

Мама, совсем молодая, стоит на втором плане в платье с белым воротничком, тётя Нина – рядом. Мама держит Женю за руку; я, самая младшая, обняла Галочку за шею; брат Санька стоит, наклонив голову набок. Мы с Галочкой в одинаковых платьях с рукавчиками-фонариками, жёлтого цвета с крупными белыми горошинами, внутри которых – грибочки. Это было моё любимое платье, из которого я быстро выросла… Потом Жанна сфотографировала нас на качелях.

Благодаря Жанночке у нас остались фотографии из детства. Она снимала нас, потом доставала свой волшебный чемоданчик, занавешивала небольшое окошко в сарае, закрывала плотно дверь, чтобы свет не проникал внутрь. Доставала красный фонарь, разводила проявители, закрепители, сама же проявляла фотоплёнки и печатала фотографии на фотобумаге. А мы с Галочкой, затаив дыхание, с любопытством наблюдали за этим священнодействием при красном свете. Это было чудо… На фотографиях проявлялись сначала контуры, потом – всё чётче и чётче! – наши силуэты и лица.

Детство... Как давно всё это было! Столько лет прошло с тех пор, а память хранит всё до мелочей…

Татьяна КУН

Мамина шаль

Я укутаюсь в мамину шаль:
Что-то холодно нынче мне очень,
Тяжело навалилась печаль –
Снова серая хмурая осень.

Небо плачет над нами, и дождь
Барабанит по крыше уныло;
Пробежала по коже вдруг дрожь,
Солнце спряталось – туча закрыла...

Я беру в руки мамину шаль –
Как приятна она и пушиста!
Рядом мамы уж нет, и мне жаль…
Помню, чай пили с мятой душистой…

Возвращается память в ту даль –
Даль, которая детством зовётся…
Я на плечи набросила шаль.
Память с нами всегда остаётся.

Мне под шалью уютно, тепло,
Будто мама меня обнимает,
И, как в детстве, мне стало светло –
Это мамина шаль согревает…

Ты всегда со мной, мама, всегда!
Словно ангел хранитель, со мною.
Как любимая в небе звезда,
Светишь вместе с волшебной луною…

По ночам ты приходишь во сне,
Что тебя больше нет – я не верю!
Песни звёзд тихо слышатся мне –
Жду тебя у распахнутой двери…

* * *

Подкралась осень незаметно,
Вступает вновь в свои права,
Сменяет тихо краски лета:
Бледнеет неба синева,

На небо набегают тучи,
И ветер злится во дворе,
Несёт, метёт песок колючий –
Играть мешает детворе…

* * *

Ах, эта осень! – Закружила
Волшебный танец рыжих дней,
Красой листвы заворожила,
И неба синь ещё синей!

Деревья в сказочных нарядах
Играют красками огней.
Наряд чудесный – как награда,
А грусть моя ещё сильней…

Багряно-огненной листвою
Шуршит тихонько ветерок,
Как будто спорит он с молвою,
Ему, бродяге, невдомёк…

Грущу я, сказку созерцая.
Умолкли в ветвях воробьи,
Лишь лебедей усталых стая
Уносит клин в края свои.

В гармонии с родной природой
Немного хочется побыть.
Как чудно это время года!
Нам нежных чувств уже не скрыть…

Бродяга-ветер шепчет тихо,
Что можно обойтись без слов;
Вновь затаился в облепихе...
И пусть господствует любовь!

* * *

Какая нить незримо
Связала нас с тобой?..
Но так неповторима
Та, что зовём судьбой.

И каждый день встречаем
Мы ласковый рассвет,
А радости, печали
Несут сквозь вихри лет.

И новый день-загадка
Так быстро пролетит!
Вновь школьная тетрадка
Страничкой шелестит...

У реки

Ты помнишь, как давно сидели
На берегу с тобой вдвоём,
А звёзды вниз, на нас, глядели,
И было видно, словно днём?

Там волны берега ласкали,
Скрывалась в облаках луна.
С тобою счастье мы искали –
Нам вместе было не до сна.

Мерцали звёзды, волн касаясь,
Сверкала искрами река,
И, от дневной жары спасаясь,
Купались в волнах облака.

С реки повеяло прохладой,
Застрекотали вдруг сверчки,
Запели дружно серенады,
И полетели светлячки...

Свои фонарики ночные
Несли куда-то неспеша
Через просторы луговые –
Туда, где прячется душа…

Мне снова хочется котёнком
В твоих объятьях утонуть,
Как в детстве, маленьким ребёнком,
Спокойно, без забот уснуть…

Твои пушистые ресницы
Отбрасывают мягко тень –
Пусть сладкий сон тебе приснится,
А утром вновь наступит день!

Детские глаза

Эти детские глаза
Так наивны и прекрасны –
В них и синь, и бирюза,
В них и солнца лучик ясный,

В них и радость, и печаль,
В них забота и сомненье,
И порой бывает жаль
В них увидеть огорченье…

Любознательны, чисты –
Ни корысти в них, ни лести,
И задачи нам просты –
Воспитать в добре и чести!

Ничего милее нет,
Чем улыбка малыша –
Как чарующий рассвет,
Раскрывается душа!

Ничего дороже нет
Жизни каждого ребёнка!
И наказ наш, как завет –
Пусть смеются дети звонко!

Лидия ЛЯШКО

Дождь

Снова ненастье, холодно, мокро.
Плачут усталые грустные окна.

Молнии яростно хлещут по нервам…
Да, разъярилась гроза, словно стерва.

Страстные выкрики – грома раскаты:
Гнев расплескала на крыши и хаты,

Так расшумелась, что места ей мало…
Ветром всю ярость её разметало.

Звёзды, омытые, ярко сияют,
В небе ни тучки – исчезли их стаи.

Свежестью пахнет, дождя ароматом,
А на душе – боль и горечь утраты,

Словно с грозою умчалась и юность.
Как же давно с нею мы разминулись!

Что же грущу о несбывшемся снова
И за грозою умчаться готова?

Словно липучка, ко мне прицепилась
Эта гроза, ну скажите на милость!

Мир и покой в вышине поднебесной.
Звёздные бури не тронут окрестность:

Если на небе и тихо, и ясно,
То на Земле нам всегда безопасно.

Так хорошо под сияющим небом
Верить в грядущее – в быль или небыль.

Ветреное

Ветерок судачит о погоде,
Переносит новости и сплетни,
Меж деревьев вечно колобродит,
Всё равно: зимой или в день летний.

Постоянно лжёт и баламутит,
Переврёт, что где бы ни услышал.
Он, шаля, шумит, гудит и крутит.
Незаметно вдруг в тираж весь вышел.

От его напастей и раздоров
Перессорились кусты и ветви.
Он исчезнет, – все забудут споры
И помирятся, забудут сплетни.

Ну, а ветер – он не забывает
О своей столь незавидной роли.
Подкрадётся, снова налетает,
И опять пошли раздоры, споры.

Ольга ЗОРИНА

ДОБРЫЙ МЫШОНОК

Сказка

Пришла зима, и снега выпало так много, что маленького Мышонка невозможно было загнать домой. Он катался на саночках, лепил снеговиков, играл в снежки с Белочкой, строил с Зайчонком избушку... Да мало ли весёлых занятий можно придумать, когда вокруг – целые горы пушистых снежинок!

Но однажды утром Мышонок заметил, что не всем вокруг весело. На ветках маленького деревца, что росло недалеко от норки, сидели Птички. Они распушили пёрышки, чтобы было теплее, и стали похожи на маленькие печальные шарики. Птички плакали.

– Отчего вы плачете, Птички? – спросил Мышонок.

– Мы плачем от голода, – ответили Птички, – всё, что можно было кушать, теперь спрятано глубоко под снегом!

– Мамочка, – сказал Мышонок вечером маме-Мышке, – мне так жалко Птичек! У нас в кладовке не найдётся лишних зёрнышек, чтобы покормить их?

– Лишних нет, – сказала мама-Мышь, – но с Птичками мы поделимся.

Утром Мышонок соорудил кормушку, повесил её на деревце и насыпал зёрнышек. Птички обрадовались, склевали угощение и весь день распевали весёлые зимние песенки. Так продолжалось до весны: каждое утро мама-Мышка приносила из кладовки горсточку зерна, и Мышонок кормил своих друзей.

А потом снег растаял. Весна оказалась такой же интересной, как и зима. Мышонок радовался солнышку и теплу, зелёной травке и красивым цветам, которые мама-Мышь посадила перед входом в норку. Он помогал маме ухаживать за цветами, а Птички пели ему теперь уже весенние весёлые песенки.

Но однажды Мышонок вышел из норки и горько заплакал: все его любимые цветочки завяли, потому что на каждом из них сидела огромная толстая гусеница и грызла листья. Гусеницы жевали с таким аппетитом, что стало ясно: к вечеру вместо яркого цветника останутся только жалкие объедки.

– Отчего ты плачешь, Мышонок? – спросили Птички.

– Я плачу оттого, что умирают мои любимые цветы, – ответил Мышонок.

«Завтрак, вкусный завтрак!» – защебетали Птички и тут же склевали всех гусениц. Мышонок полил цветы дождевой водой, и они сразу распустились, как прежде.

– Мамочка, – сказал Мышонок вечером маме-Мышке, – Птички такие добрые, они спасли мои цветы. Как мне их отблагодарить?

– Да, – сказала мама-Мышь, – Птички сделали тебе добро. Но и ты был добр к ним, когда поделился зёрнышками зимой. Просто скажи им спасибо. Да набери побольше зёрна осенью, чтобы тебе было, чем заполнить их кормушку, когда выпадет снег.

СПАСЕНИЕ ЯЙЦА

Сказка

Мышонок весело бежал по лесу: весна уже развесила серёжки на деревьях, разбросала тут и там яркие цветы, над которыми кружили такие же яркие бабочки. Солнце не только светило, но и согревало. А капельки недавно пролившегося дождика радостно сверкали на листьях и в нитях паутинок, которые деловито плели на каждом кустике мохнатые паучки.

И вдруг… «Ой!» – пискнул Мышонок и остановился. Это он укололся обо что-то в высокой траве. Мышонок раздвинул травинки и увидел своего друга Ёжика. Ёжик что-то задумчиво рассматривал, наклоняя колючую голову с острым носиком и смешно торчащими ушками то вправо, то влево.

– Что ты тут делаешь? – спросил Мышонок.

– Да вот… нашёл тут кое-что, – ответил Ёжик.

– А что это? – Мышонок присмотрелся и увидел рядом с Ёжиком что-то круглое, светло-коричневое, в мелкую крапинку… – Да это же яйцо!

– Из гнезда выпало, – сообщил Ёжик, – а я подобрал.

– И что ты с ним собираешься делать?

– Как это «что?», – удивился Ёжик, – я собираюсь его есть, конечно же!

Мышонок подошёл поближе и потрогал яйцо. Оно было гладкое и тёплое. Он наклонился, зажмурил оба глаза и приложил к яйцу ухо… Внутри что-то тихо попискивало и шуршало.

– Не ешь его, Ёжик, – попросил Мышонок, – там кто-то сидит внутри.

– Ну и что, ну и пусть, – сердито ответил Ёжик, – все ежи едят яйца. Почему бы и мне не позавтракать?

– А давай меняться, – предложил Мышонок, – ты мне подаришь это яйцо, а я тебе – банку клубничного варенья?..

Против варенья, да ещё и клубничного, Ёжик никогда не мог устоять… И уже через несколько минут Мышонок стал счастливым обладателем яйца – круглого, тёплого, попискивающего. Он принёс яйцо домой и положил на крышу, так, чтобы его грело солнце. А на ночь Мышонок заносил яйцо в норку и укутывал своим разноцветным одеялом – ведь ночи были ещё слишком прохладные, и яйцо могло замёрзнуть.

Прошла неделя. И в одно особенно прекрасное утро Мышонок развернул одеяло и обнаружил там только осколки. Скорлупа была пустая… Яйцо – вдребезги разбито!

Мышонок горько заплакал и побежал к маме.

– Мамочка! – кричал он. – Моё яйцо! Его кто-то разбил! Кто-то пробрался к нам ночью и разбил моё чудесное яйцо!

– Успокойся, малыш, – улыбнулась мама-Мышка, – выйди во двор и познакомься с тем, кто разбил твоё яйцо.

Мышонок вышел на крылечко. Перед домом, прямо в середине клумбы, весь в ярких цветах, сидел маленький жёлтый Птенец. Местами он был ещё мокрый, но кое-где солнце уже высушило его пух и пёрышки, и они весело топорщились.

– Это ты разбил яйцо? – сердито спросил Мышонок. – А куда ты дел того, кто был внутри?

– Это я и был внутри, – пискнул Птенец, – я родился. А скорлупу разбил, чтобы выбраться наружу.

Через несколько минут Птенец обсох и стал таким пушистым! Мышонок за это время уже успел сбегать за Ёжиком. Ёжик был очень удивлён. Они вдвоём отнесли Птенца туда, где Ёжик нашёл яйцо, и вскоре появилась мама. Это была шустрая звонкая Птичка, которая суетливо щебетала над гнездом – там как раз вылупились пятеро братьев и сестёр Птенца. Ёжик и Мышонок посадили своего Птенца туда, где пищала вся его семья.

– Больше никогда не буду есть яйца, которые пищат и шуршат внутри! – задумчиво пробормотал Ёжик.

Рисунки автора.

Наш гость

Майор юстиции в отставке, творческий человек, пишет стихи, сценарии. Музыкант, автор собственных песен.

Владимир КАПУСТА

ВТОРОЙ ДЕНЬ СВАДЬБЫ МЕНСКОГО КУРЕНЯ

Второй день свадьбы. Да, тяжело, но идти надо.

Будут цыгане, сваты на телеге, и самое интересное – мудрые советы молодым, сказанные на больную пьяную голову.

…И вот снова слышен уже не звонкий, а достаточно хриплый голос тамады:

– Доброе утро, дорогие гости. Усаживайтесь поудобнее за стол, наливайте. Кто из вас пить уже не может, для тех молочная закваска, а кто может, тому вторячок, потому что первячок разошёлся ещё вчера. А сейчас, дорогие гости, наступил самый важный момент сегодняшнего дня, который называется «Совет да Любовь». Но если учесть, что любовь у молодых была сегодня ночью, то нам, гостям, остаётся только дать им совет. Аэто единственное, чем богат наш курень, всё самое ценное в нём. И в нашем курене советы раздают от всей души, бесплатно – налево и направо, всем, кому ни попадя. И первое слово в назидание молодым скажет папа невесты.

– Дорогой женишок, как только ты появился у нас в доме, я тебя сразу же невзлюбил, но в тот день, когда бабы за столом пьют, а мужики играют в карты… А ну-ка, мать, скажи мне, как этот праздник в нашем курене называется? Ага, точно: «Запивали магарыч»… И когда ты тогда у меня выиграл двадцать пять раз в карты на деньги, я тебя сразу полюбил. Так что-о-о, дорогой зятё-ё-ёк, у нас с тобой будет ещё долгий семейный разговор, пока я у тебя, сволочь родная моя, не отыграюсь.

– Да-да-да, вмешиваюсь как тамада: когда начнёте играть, позовите и меня. Я тоже с вами в семейном кругу пообщаюсь. А теперь слово предоставляется сёстрам невесты!

– Сестра, мы так рады… Мы так рады, что наше общее зеркало останется только для нас двоих. А ещё мы хотим подарить вам ватрушку, чтобы жених поцеловал дружку! Сестра, да ты только посмотри на него, он же у тебя бабник! За ватрушку чужих девок расцеловывает!

– Я извиняюсь, а как платный тамада извиняюсь вдвойне, музыканты, заберите у них микрофон. И теперь микрофон передайте прабабушке невесты. Давайте послушаем мудрые советы старейшего члена рода нашей прекрасной невесты.

– До-ро-гая моя внучень-ка, Се-ро-жа, я помню тебя, ещё когда после войны я влюбилась в полкового комиссара…

– Я, ваш тамада, извиняюсь, что перебиваю. Гости дорогие, разверните, пожалуйста, бабушку лицом к невесте, а то мы сейчас услышим страшные подробности любви нашей бабушки и полкового комиссара.

– О, внученька, а шо ето ты в фате? Чи замуж выходишь, чи шо? А я, оце – таке, у магазин иду. Ну надо же, не туда зашла.

– Да! Очень мудрые слова, очень мудрые слова. Я хотел сказать, что старость – не радость, и мы продолжаем наше торжественное собрание. Ой, извиняюсь наше то-рже-ст-во. А теперь слово предоставляется папе жениха.

– Дорогие молодожёны! Вот так, как бы хорошо, и это здесь, и шо ещё вам сказать... Короче, пусть лучше вам наша мамка скажет.

– Я как мамка жениха хочу сказать моей дорогой невестушке. Дорогая моя невестушка, я так рада, я так рада, что ты будешь жить у нас. Природа у нас – прекрасная. У нас один гектар земли под огородом, четыре коровы, двадцать пять баранов и двести гусей. Так что тебе у нас очень понравится.

– Слово предоставляется дедушке жениха. Эй, дедушка, подождите, не торопитесь! Не надо снова невесту приглашать на танец – Вы и так вчера с ней десять раз станцевали. Лишаю вас слова! А теперь слово предоставляется маме невесты.

– Ай-я-я-яй, что мне делать, что делать? Моя кровиночка уходит! Что ж я буду без тебя делать?!

– Мама, да что ж Вы так горюете! Молодые могут и в вашем доме пожить...

– Нет. Не надо. Всё. Ушла – так ушла. Нечего мне тут – по хаткам бегать. У меня ещё вот две красавицы дома сидят. Их тоже надо куда-то пристроить. А вот вам, дорогая сваха, скажу прямо: я хоть и вижу второй раз, но Вы мне уже не нравитесь. Уж дуже жирно губы мажете помадой. Прям-таки и не знаю, як мы с вами будем уживаться.

– А теперь… «Горь-ко!» Совет да любовь вам, молодые! Вот почему после вашей свадьбы! Вам! Так! Горько!

ОБЪЯВЛЕНИЯ НА МЕНСКОМ РЫНКЕ

– Доброго дня, дорогие наши станичники! Говорит и рассказывает радио-доска объявлений рынка Менского куреня.

Петрович, убери от меня гармониста, а то пиликает в микрофон – ничего не слышно! Итак – продолжаем.

Погода у нас ещё хорошая, будет ли дождь, узнаем позже, а то в нашем брехливом интернете одни умники передают дождь, а другие – солнце.

Желающие узнать точную погоду, подходите к рыночному тотализатору. Там вчёра Мыкола Бабич поставил на ветер и один всё выиграл. А по этому поводу наше следующее объявление: кто бачив Мыколу Бабича, передайте ему, что жена уже вторые сутки без хлеба.

Всем внимание! В овощном ряду продаётся целебная петрушка-афродозиак – это петрушка, скрещенная с африканским банановым деревом. Желающие приобрести целебную петрушку, спросите в овощном ряду Ашота Карапетовича.

Внимание, внимание! На рынке работает магический салон цыганки гадалки. К вашим услугам предлагаются: привороты, отвороты и повороты. Просьба без золота не обращаться, серебро не принимается.

Внимание, внимание! Сапожная мастерская под названием «Нежный и гламурный сапожник» объявляет специальное предложение для подкаблучников: «бесплатная рихтовка каблука и подковка в подарок».

Всем внимание, внимание! Экстренное сообщение! У входа в рынок… Прошу извинения… Эй, девушка в красном пальто, зачем, молодая, тяжёлую сумку несёшь? Спроси за углом таксиста Жорика: он довезёт, привезёт и завезёт, куда надо! Девушка, только обязательно передай Жорику, что ты по объявлению.

Итак… Ещё раз извиняюсь… На чём я тут остановился?.. Да, вспомнил. Итак, повторяю: экстренное сообщение. У входа в рынок украли сумку. Обращаюсь персонально, сами знаете до кого: хлопцы, верните сумку на место. Это не то, что вы думали – это полиция проводит тренировку по предотвращению террористических актов.

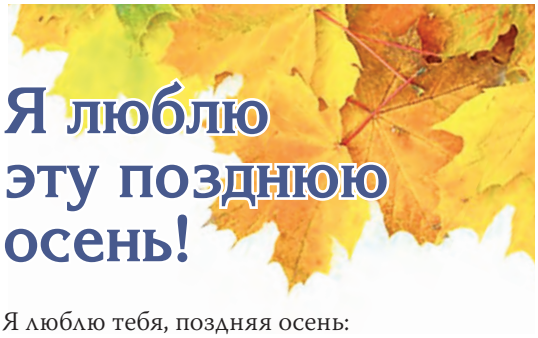
Внимание, внимание! На радио-доску объявлений поступил вопрос, где находится магический салон. Сообщаю всем желающим, что не переживайте: на нашем рынке цыганка гадалка вас сама найдёт.

Внимание! Экстренное сообщение! Найден ребёнок, который долго плачет и зовет маму Веру. Ребёнок одет в зелёную куртку, на вид ему лет тридцать. Мама Вера, заберите сына, ну сколько можно! Вторые сутки дитё пьянствует в шашлычной! Шашлычник Лёва просил вам передать: возьмите с собой 1000 рублей, а то он вам так его не отдаст.

Всем, всем, всем! Срочное сообщение! Срочное сообщение! Маруся принесла чебуреки! Петрович, займи мне очередь.

Внимание! И последняя новость: дождя не будет, Мыкола Бабич снова поставил на ветер и выиграл. А наша радио-доска объявлений желает всем хорошего настроения.

И на этом ВСЁ. А теперь – кто куда, а я за чебуреками!



Я люблю эту позднюю осень!

Я люблю тебя, поздняя осень:
Тишину опустевших аллей,
Этих листьев багряную россыпь,
Седину моросящих дождей.

Я люблю твои плавни и реки,
Суетливо бегущий ручей.
Берега – будто длинные веки
Твоих синих бездонных очей.

Я люблю тебя, милая гостья!
Ты повсюду чаруешь меня.
Обниму твои в поле колосья,
Нежным шагом по ним шелестя.

Я люблю, когда сизым туманом
Ты повсюду ласкаешь меня,
С улетающим птиц караваном
В бесконечность уносишь, маня.

Вечерняя сказка

Всё вокруг утихло, и взошла луна,
Сад посеребрила кружевами сна...

Лунная дорожка пролегла к окну,
Через лес и речку – в детскую страну.

У окна – кроватка, и сынишка в ней,
Тихо засыпает в той стране своей.

И блестят глазёнки – сон их ждёт, маня.
– Расскажи мне сказку, – просит сын меня. –

Расскажи мне сказку про дремучий лес,
Про лису и волка, и страну чудес…

Расскажи мне сказку, и я вмиг усну,
Из твоих ладоней в ласке утону.

– Будем в мире сказок править мы с тобой,
Ты – Иван-Царевич, а я – Волк лесной.

Мы вернёмся утром, когда ночь пройдёт,
И на синем небе солнышко взойдёт.

А пока утихли ветер и листва,
И в печи сгорают в пламени дрова…

Спи, моя малютка, спи моё дитя,
Пусть тебе приснится сказочка моя!

Наш гость

Николай Черногорец родился в станице Челбасской, рос в казачьей семье. Служил в армии, офицер запаса. Сотник Кубанского казачьего войска. Учился в Москве, в МГУ, работал журналистом. Пишет рассказы, стихи, песни. Составил Книгу памяти станицы Челбасской, опубликовал её в интернете. Последнее время стал писать стихи и песни на кубанском (черноморском) наречии, которое считает народным кубанским языком. Когда-то учился играть на баяне, так что сочиняет музыку к своим песням. На слова его песен пишут музыку и другие композиторы, а песни «Челбасский вальс», «Гуляй, станица!» поёт станичный казачий хор.

ЧЕЛБАССКИЙ ВАЛЬС

Слова Николая ЧЕРНОГОРЦА.
Музыка Алексея ГАРНАГИ.

Когда приходят тихие минуты,
Смолкает шум натруженного дня,
Куда б ни пролегли мои маршруты,
Не отпускает родина меня.

Колокола Рождественского храма
По праздникам торжественно звонят.
Молитвой неустанной моя мама
Дорогу отмолила мне назад.

Припев:
Кубанская станица, любимая земля,
Души моей жар-птица, здесь родина моя.
И золото пшеницы, и сладкая вода –
Челбасская станица, тобой горжусь всегда.

Я с детства верю в солнечную сказку,
Она меня и греет, и манит:
В ней катит воды Средняя Челбаска,
И Красный лес загадочно шумит.

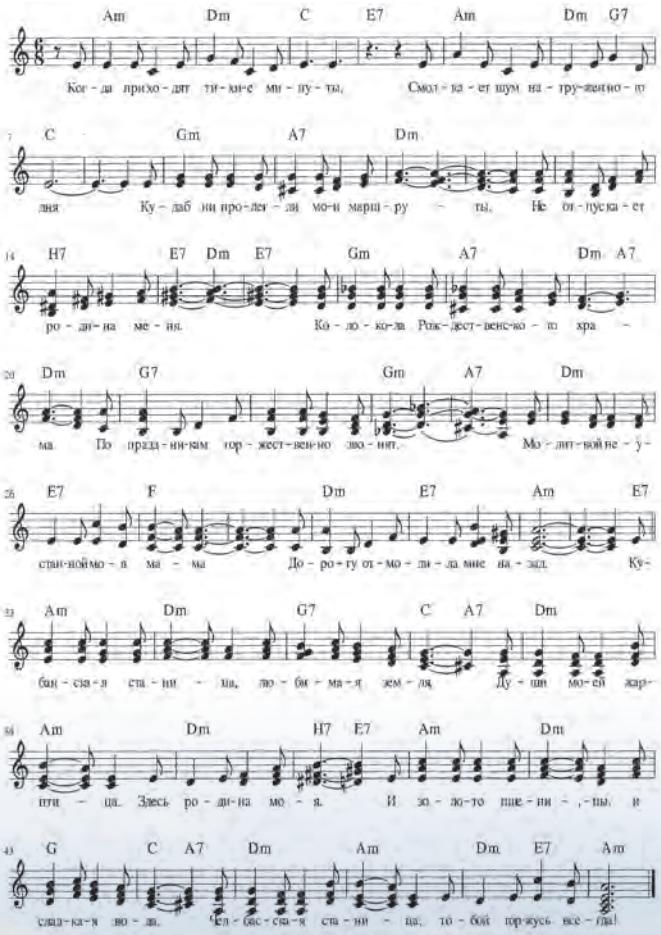
Здесь шёлковое поле колосится,
И силу набирает виноград…
В станицу невозможно не влюбиться,
В Челбасскую влюблён и стар, и млад.

Припев.

В Челбасской посчастливилось родиться
И встретить свою первую любовь.
Зовёт-зовёт меня моя станица,
Сюда я возвращаюсь вновь и вновь.

Казачий край – счастливые рассветы,
Седой отец и мамы нежный взгляд.
Я верю: предков строгие заветы
Челбасскую навеки сохранят.

Припев.



Вера моя
православная

Елена БУТЕНКО

ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне (Мф. 6: 2 – 4).

Собираем с сыном по станице родню на пасхальную службу. Вовка – первый по нашему маршруту (живёт на северной окраине), разговорчивый такой молодой человек. Кровным родством мы с ним не связаны, но родство душевное закрепили его давняя дружба с моими племянниками и наше с ним соучастие в добровольческих проектах.

– Сергевна, мама мне тут всякой всячины наложила, подскажешь, как там да что? – загружаясь в нашу «пятёрочку», затараторил Вовка. – А то я в церковь лет двадцать не ходил, последний раз – в детстве с бабушкой, тоже на Пасху. Только я тогда всю службу проспал, на ступеньках…

Выпалив на одном дыхании своё «приветствие», он переключился на общение с моим сыном. А мне вспомнилось возвращение моих мальчишек из Крымска, где они помогали людям, пострадавшим от наводнения. Сын-то мой молчун, а вот Вовка – находка для журналиста…

Едва простыл след автобуса, вернувшего пацанов в родную станицу, он мне вместо «здрасьте» выдал следующую историю.

Дедушка, почти по колено стоя в иле, нанесённом в его хату бешеным водным потоком июльской ночью 2012-го, с присущим поколению Великой Победы оптимизмом говорил: «Беда, конечно, случилась страшная. Но войну-то мы пережили и это переживём». Ветеран в накинутом на плечи кителе с орденами (первое и, пожалуй, единственное его имущество, которое он спас в ту роковую ночь) старался в силу своей возрастной немощи поддержать волонтёров если не делом, то словом. Где пошутит, где совет дельный даст, а то и историю фронтовую расскажет.

Едва прочистили коридорчик и зашли в комнату, хозяин дома обратился к помощникам с просьбой:

– Мне, старику, много ли надо: крыша цела, подвальчик высохнет… А вот икону Божией Матери жаль – семейная, досталась мне по наследству. Вон в том углу она висела... Вы уж найдите её, ребятушки.

И действительно, на стене в красном углу старой хаты виднелся след от многолетнего пребывания там семейной святыни. Вовка – туда, и давай по заиленному полу руками шарить. Нащупал, потянул слегка – ил не отпускает. Поднапрягся, потянул посильнее… Те, кто напротив стояли, остолбенели: почти двухметровый Вовка (голова – в потолок) держал в руках икону, с которой стекало грязное месиво, а лик Богородицы был чист и светел! Перекрестились и Бога вспомнили креста не целовавшие дети 90-х, старичок от умиления слезами залился. Обнял ветеран икону, как мать родную, к сердцу прижал…

Мои воспоминания событий пятилетней давности прервал скрюченный на заднем сиденье Вовка (к тому моменту народа в машине поприбавилось, и ему пришлось потесниться):

– Когда будут пасхи освящать, надо будет попу яйцо и пасочку дать – мама мне наказала. Я вот только одного не пойму: на-

Митрополит Екатеринодарский и Кубанский Исидор и помощник благочинного Каневского округа церквей по связям с общественностью Елена Бутенко.

рода в храме будет много. Даже если каждый по одному яйцу даст… Зачем попу столько?

С учётом того, что уже показался светящийся, по-пасхальному особенно, крест на куполе нашего храма, о символизме крашеных яиц в проповеди Господа Бога нашего Иисуса Христа я рассказала в двух словах. Так же коротко – и о том, что утром батюшки и церковные люди посетят болящих и малоимущих с пасхальными гостинцами, пожертвованными верующими в светлое Христово Воскресение.

Вопрошающий буквально застыл с очередной тирадой на устах, в машине на какое-то мгновение воцарилась тишина, потом Вовка выдохнул:

– Не знал, что попы с народом делятся. Говорят…

– Да мало ли что говорят. Церковь издревле милосердию и благотворительности особое внимание уделяла... Знаешь, сколько обездоленных приходит за помощью в храм? Перед Пасхой в Донбасс гуманитарную помощь отправили. Крымчанам помогали во время подтопления, соседям нашим из Приморско-Ахтарского благочиния…

– Почему ж тогда я не знаю об этом?

– Потому, что в храм не ходишь! Ходил бы – знал и, глядишь, поучаствовал бы в делах богоугодных…

Выпалила в сердцах, да осеклась: Вовка же не виноват в том, что двадцать лет своей жизни вне Церкви провёл. Времена были другие, безбожные… Но душа-то у него милосердная, да и разум сохранил воспоминания о бабушке-молитвеннице, о той пасхальной службе, которую ребёнком проспал.

– Прости, Вов. Понимаешь, в Библии написано: «пусть левая рука твоя не знает, что делает правая…», вот и не хвалятся храмовые люди своими благими деяниями. Вы же не трубите повсюду: «Я помогал подтопленцам!» – сделали добро и живёте своей жизнью. Потому что по зову души в Крымск поехали, не по чьему-то приказу, не ради славы. Только что про чудо спасённой вами иконы вспомнила. Любит вас Богородица, покровительствует.

Подъехали к храму. Парни с кулёчками да корзинками к ожидающим на улице освящения пасхальной снеди присоединились. Я – в храм. Со многими верующими встретили Христово Воскресение. «Христос Воскресе! Воистину Воскресе!» – несмолкаемо слышалось со всех сторон.

Встретились с Вовкой у свечной лавки.

– Вот, свечки купил… А можно мне в храм войти? – на полудыхании спросил какой-то ранее незнакомый мне Вовка. – Куда свечки ставить-то? Как креститься-молиться?..

Он и полушёпотом умеет быть многословным. Остановить поток его вопросов удалось только с Божьей помощью. Указывая светящимися глазами в сторону амвона, Вовка прошептал:

– Смотрите, вон та лесенка, на ступеньках которой я спал… Батюшка тогда сказал моей бабушке: «Не будите, пусть ангелочек спит!» Как же хорошо, тепло и спокойно, Сергевна…

Оставив Вовку наедине с его воспоминаниями, вышла в церковный двор – там начали освящать пасхальную снедь. Два людских кольца с полукольцами опоясали храм. Повсюду пасхи да пасочки, яйца-крашенки да писанки, другие угощения. «Христос Воскресе! Воистину Воскресе!» – разносилось в полуночной мгле по округе. Светлой радостью озарился храм – радостью, дополнившею его иллюминацию, свет фонарный и мерцание множества свечных огоньков в руках верующих.

– Христос Воскресе! – приветствовал Вовку батюшка, щедро окропляя его святой водой.

– Воистину Воскресе Христос! – воскликнул Вовка, опустив в корзиночку с пожертвованиями своё угощение.

Где-то за горизонтом уже зарождался рассвет. Машина увозила молчаливого Вовку домой. Светящийся электрическими огнями храм скрывался за летящими навстречу машине деревьями и зданиями. Но другой свет, свет духовного пробуждения согревал моего героя откуда-то изнутри, наполнял его радостью и любовью…

Ольга ЗОРИНА

ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК

12 ноября 2017 года Правящий Архиерей Ейской епархии епископ Ейский и Тимашевский Герман совершил Великое освящение храма великомученика и целителя Пантелеимона станицы Каневской. Его Преосвященству сослужило духовенство Ейского, Каневского и Щербиновского благочиний. За богослужением пел сводный хор храмов Покрова Пресвятой Богородицы и Пантелеимона целителя.

Радость важнейшего духовного праздника с приходом больничного храма разделили прихожане других храмов благочиния, руководство района, сельского поселения, Каневской ЦРБ, на территории которой расположен храм, казаки, журналисты, молодые волонтёры, жители станицы, многие с детьми. Когда в освящённом новом храме зажглись первые свечи, по церковному двору прошёл Крестный ход с мощами святых, и Владыка Герман возглавил праздничную Божественную литургию.

По завершении богослужения Правящий Архиерей обратился к каневчанам с архипастырским словом, разъяснив основы христианской жизни на примере прочитанной в этот день главы Евангелия. Владыка также отметил труды настоятеля храма протоиерея Александра Брижана и всего прихода по возведению, благоустройству и благоукрашению храма.

Архиерейские грамоты за вклад в строительство Дома Божьего из рук Его Преосвященства получили первый заместитель главы района Елена Тыщенко, замглавы района по социальным вопросам Ирина Ищенко, начальник бюджетного отдела районной администрации Маргарита Панченко, индивидуальные предприниматели Роман Гац, Андрей Гребенюк, Валерий и Георгий Образцовы, Сергей Стариков.

Протоиерей Александр Брижан сердечно поблагодарил Владыку Германа. Благословляя прихожан, Его Преосвященство прошёл из освящённого им храма в православный центр «Фавор», где встретился с сёстрами и братьями милосердия и учениками детской воскресной школы.

Праздник для прихожан и гостей храма завершился чаепитием из настоящего дровяного самовара на залитом солнцем дворе «Фавора»; здесь же разместились фотовыставки, повествующие о жизни прихода и строительстве храма – от копки фундамента до монтажа иконостаса.

Валентин Цветков (1947 – 2017 гг.). Фотографии разных лет.